

**Евгений Бушмелев
стал Героем России
за штурвалом БМП-1**

**27 марта — День
внутренних войск
МВД России**

**Светлана Крючкова
о жизни и о судьбе**

НА

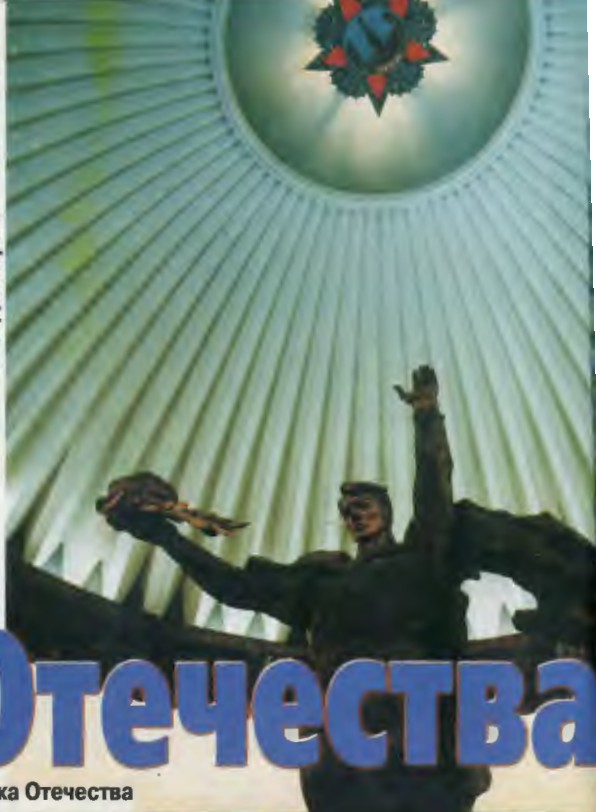
3'2000

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

БОЕВОМ ПОСТУ

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Защитники Отечества

В канун Дня защитника Отечества Главное командование внутренних войск МВД России и Министерство культуры Российской Федерации устроили праздничный прием. Встреча состоялась в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе.

Военнослужащие, удостоенные звания Героя России и награжденные орденом Мужества, совершили экскурсию по залам музея. Затем отличившимся в ходе контртеррористической операции в Дагестане и Чечне были вручены награды и ценные подарки. После концерта мастеров искусств всех пригласили на дружеский фуршет.

на Поклонной горе

О проблемах и уроках контртеррористической операции на территории Чеченской республики рассказывает первый заместитель главнокомандующего — начальник главного штаба внутренних войск МВД России генерал-полковник Борис МАКСИН

В ЧЕЧНЕ ФЕДЕРАЛЬНЫМ СИЛАМ ПРОТИВОСТОЯЛИ НЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ ШАЙКИ, А ВЫСОКООРГАНИЗОВАННАЯ АРМИЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ-БОЕВИКОВ

— Товарищ генерал-полковник, какие выводы из предыдущей чеченской кампании извлекли в Главкомате внутренних войск? Как сегодня используется боевой опыт, накопленный силами правопорядка в минувшие годы?

— Прежде всего следует отметить: борьбу с возмутителями спокойствия на Северном Кавказе внутренние войска ведут в новом качестве. В процессе реформирования они сократились более чем на пятьдесят тысяч человек. Проведен ряд мероприятий по оптимизации организационно-штатной структуры войск, изменению программы их подготовки, совершенствованию системы управления. Наряду с этим серьезное внимание было уделено анализу опыта применения сил внутренней безопасности в Чечне, Дагестане и других горячих точках России и бывшего Союза. Мы осознали, что лобовая тактика хотя и давала возможность успешно решить ряд задач на равнинной части Чечни в первую войну, но была

сопряжена с большими жертвами. В ходе нынешней антитеррористической операции эти вопросы учтены и четко определена главная цель — добиться победы с наименьшими потерями. Командование войск понимает: в нашем подчинении восемнадцати-двадцатилетние юноши, их нужно сберечь и одновременно сделать так, чтобы не пострадало мирное население, которое неповинно в том, что бандиты творят беспредел, нагло попирают юридические законы и элементарные нормы морали...

Как вы помните, в первую чеченскую кампанию мы долго шли до предгорий. Сейчас к горным районам войска приблизились значительно быстрее, используя маневры, обходы, поддерживая при проведении спецопераций более тесное взаимодействие с частями Российской армии. Это тоже дало положительные результаты. Теперь известно всем, что во внутренних войсках, ОМОНах, СОБРах нет таких средств поражения, какие имеет Министерство обороны. И без

поддержки выполнить поставленные нам задачи было бы очень трудно, а порой и невозможно. Иное дело — работать, объединив усилия. Недаром в народе говорят: дружно — не грузно.

— Сегодня мы видим четкое разделение функций: армия отвоевывает территории всеми имеющимися средствами, включая артиллерию и авиацию, а внутренние войска вместе с сотрудниками милиции проводят специальные операции. Разумеется, без тесного взаимодействия с армейцами ликвидировать осиные гнезда в Чечне невозможно. Какие проблемы в этой сфере управленческой деятельности остаются еще нерешенными?

— В целом взаимодействие подерживается и совершенствуется, операции проводятся по единому замыслу. Но, к великому сожалению, я не могу сказать, что все получается гладко. Произошел определенный сбой в работе различных звеньев федеральной правоохранительной системы на территории

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

мятежной республики. Ряд частей внутренних войск в большинстве случаев сейчас используются как сухопутные. Находясь в опорных пунктах, они разделяют Чечню на горную и равнинную части. А органы внутренних дел работают отдельно по населенным пунктам. Хотя нам необходимо действовать вместе. То есть милицейские подразделения при проведении своих операций должны быть прикрыты силой внутренних войск.

Посмотрите, как в таких случаях поступают в Европе. К примеру, Великобритания, Ольстер. Идет английский полицейский, а его сопровождают до десятка военных. И он смело, уверенно решает свои вопросы: проверяет документы, задерживает подозрительных лиц. А ведь Чечня — не Северная Ирландия. Имея на вооружении автоматы и пистолеты, разве можно добиться успеха, когда против тебя используют гранатометы, огнеметы, минометы и даже бронетехнику? Более мощное вооружение по сравнению с милицией имеют солдаты внутренних войск. Но вместо того, чтобы оказывать помощь органам МВД, как это предписано законом о внутренних войсках, они нередко вынуждены выполнять несвойственные им функции, действуя в роли сухопутных войск Вооруженных сил. Такое "разделение труда" не соответствует реальным возможностям наших частей. Вот почему Главкомат неуклонно отстаивает принципиальную позицию: внутренние войска в Чечне должны решать те задачи, которые предусмотрены законодательством.

Да, наша общая цель — разгром бандформирований. Но давайте четко определим: что понимается под бандформированиями? Приведу пример специальной операции 1946 года. После Великой Отечественной войны на Северном Кавказе орудовала банда численностью до 150 человек. Для ликвидации разбойников было сосредоточено более пяти тысяч бойцов НКВД. Сегодня же нам противостоят хорошо вооруженные, технически оснащенные, высокоорганизованные подразделения профессионалов-террори-

стов и боевиков. Поэтому, на мой взгляд, термин "бандформирование", применяемый к чеченским сепаратистам и иностранным наемникам, не совсем точен. Бандформирование — это вооруженный отряд преступников, в котором присутствуют элементы военной структуры. Бандформирование может насчитывать 150-200 штыков. С таким количеством бандитов силы правопорядка могут справиться самостоятельно. А когда речь идет о десятках тысяч — а это, по сути, целая армия — внутренние войска должны действовать совместно с частями Минобороны с применением бронетехники, артиллерии, авиации. Что и происходит сегодня на территории Чечни.

— Как в главном штабе внутренних войск оценивают январские события в Аргуне, Шали, где боевики попытались перейти в контрастступление?

— В Аргуне и Шали ни одного солдата внутренних войск нет и не было. Там несет службу милиция. И говорить о прорыве большой массы боевиков я бы не стал. Это было не вторжение. Бандиты, которые замаскировались под мирных жителей, по условному сигналу вытащили из тайников оружие, открыли стрельбу. В Аргуне они сосредоточили основные силы на железнодорожном вокзале и вели огонь по военной комендатуре, по месту расположения ОМОНа. И правильно сделал командир омонцев, приказавший своим бойцам немного отступить: силы были неравные. Затем по сепаратистам был нанесен авиационный удар. Ночью вывезли всех раненых. И применили бронепоезд. Я считаю, что в Аргуне в нападении участвовали местные отморозки — с внешней стороны дороги от Аргуна на Грозный в северном направлении была блокирована войсками. И в Шали устроили шум в основном местные ваххабиты. Вполне вероятно, подошло еще несколько десятков бандитов с юга, из ущелий. Интенсивного огня не было. Экстремисты заняли две школы и предъявили ультиматум, требуя, чтобы милиция ушла из города. Но потом, когда мы подтянули

внутренние войска, разговор пошел совершенно по-другому. Они уже просили: дайте нам возможность уйти.

Мероприятия по проверке паспортного режима проведены и в Шали, и в Аргуне. Все, что там было, нашли. Сейчас эти населенные пункты находятся под контролем правоохранительных органов. Внутренних войск, повторяю, там нет.

Какова цель такого всплеска активности боевиков? Общеизвестно: раненый волк для устрашения всегда скалит зубы. Вот и бандиты хотели показать, что они владеют ситуацией, способны взять реванш, восстановить контроль над освобожденными городами и селами. Имитировали своими действиями ширококомасштабную диверсию: смотрите, дескать, мы способны решить важные стратегические задачи. Блеф! Ничего они не решили. Кроме того, сепаратисты рассчитывали наглыми вылазками отвлечь часть федеральных сил, ослабить группировку, которая блокировала Грозный, и создать тем самым условия для выхода ваххабитов из города. Наконец, им хотелось запугать мирных жителей, которым они говорили: внутренние войска уйдут, хозяевами здесь опять станем мы и с вами расправимся...

— Несмотря на отчаянное сопротивление бандитов, федеральные войска взяли Грозный. Как вы считаете, товарищ генерал-полковник, удалось завершить операцию в запланированный срок?

— Согласно канонам тактики и оперативного искусства, при подготовке к операции войскам определяют ближайшие, дальнейшие задачи и задачи дня. Сроки овладения объектами, рубежами, районами указывают конкретным командирам и начальникам. В высшей степени неразумно широко разглагольствовать военные планы, считая врагов несмышлениками. Сказав о том, что собираемся делать, раскрыв, как говорится, свои карты, мы дали бы сепаратистам шанс перекрыть угрожаемые направления, сконцентрировать большие силы, совершить маневр. Поэтому ни ко-

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

манующий Объединенной группировкой генерал-полковник Виктор Казанцев, ни генерал-лейтенант Михаил Паньков, возглавляющий группировку внутренних войск, сроков освобождения Грозного не называли. И поступили мудро, всесторонне оценив основные факторы, влияющие на ход операции. Во-первых, нужно было подавить выявленные огневые точки противника, который основательно подготовился к обороне. Во-вторых, качественно провести разведку. В-третьих, подготовить штурмовые группы, организовать взаимодействие, связь, обеспечение, проиграть все на штабных тренировках. Реализовав этот комплекс мер, приступили к решению поставленных задач. И действовали с учетом складывающейся обстановки.

Пользуясь случаем, хотел бы обратиться ко всем журналистам: не надо задавать вопросов о сроках проведения той или иной контртеррористической акции. У военных есть планы, которые раскроются тогда, когда это уже станет историей. Я думаю, нам всем необходимо соблюдать жизненный принцип, который был бы понятен всем. Пробовали развязать узел политическими методами — не получилось. Дошло дело до вооруженного конфликта. Принято государственное решение — применить военную силу. Люди в погонах приступили к планированию. Согласовали все вопросы. И дальше никто не имеет права вмешиваться в их работу. Закончились боевые действия — тогда давайте оценки.

— **Борис Павлович, что произошло с 27 декабря по 3 января, когда софринская оперативная бригада понесла тяжелые потери?**

— Вы знаете: трудные участки всегда поручают сильным. И в этот раз софринцы оказались на острие боевых действий. Они находились в Старых Промыслах и за ночь с 23 до 5 часов утра продвинулись, не встречая сопротивления. Возможно, в какой-то степени поддались эйфории. К сожалению, поздно поняли, что попали в ловушку. Недооценили противника. Плохо срабо-

тала разведка. К десяти часам не закрепились достаточно прочно. А в 10.15 боевики, увидев этот просчет, открыли огонь. Но в критической ситуации командир сумел принять правильное решение, вывел подразделения из-под огня очень быстро. Потери могли быть значительно большими.

— **Не могло случиться, что софринцев подставили так называемые бойцы чеченской милиции?**

— Нет, я это исключаю.

— **А что происходит в освобожденных Надтеречном, Шелковском, Наурском районах? Какие задачи там выполняют войска?**

— На территории, освобожденной от боевиков, силы внутренних войск обеспечивают движение по федеральной трассе Моздок — Кизляр. Часть войск охраняет населенные пункты юго-западнее чеченской столицы — Урус-Мартан, Ачхой-Мартан, Алхан-Калу, где мы помогаем временным органам внутренних дел и временной администрации решать задачи по нормализации жизни. Более 12 тысяч наших военнослужащих находятся в предгорье — в батальонных, ротных и взводных опорных пунктах.

— **Не получится ли так, что, когда мы уйдем из Чечни, в органы местного управления, внутренних дел попадут те же головорезы, и потом нам опять придется возвращаться и, проливая кровь, начинать все сначала?**

— Оградить администрацию от внедрения преступников — задача не внутренних войск. Это функции тех структур, которые занимаются комплектованием органов власти. Но я думаю, тут должны сыграть большую роль и местные жители. Им надо понять: если бандита допустят до кресла руководителя, то выйдет себе дороже — спокойствия не будет. Поэтому в исполнительных органах должны занять места подготовленные, авторитетные, пользующиеся уважением народа люди. Может быть, это будет выборная система или какая-то другая, но в любом случае народ должен сам решать эту проблему. Что касается органов внутренних дел, то

здесь уж нужно ставить действительно профессионалов с большим опытом работы.

— **Каковы на сегодняшний день потери внутренних войск и какие меры принимаются для вызволения пленных, поиска пропавших без вести военнослужащих?**

— С начала контртеррористической операции (с августа 1999 года по 1 февраля 2000 года) внутренние войска потеряли 340 человек. Из них: в Дагестане — 109, в Чечне — 231. Ранено 1238, пропало без вести 26. 8 тел военнослужащих не опознано. Но эти цифры постоянно меняются, потому что людей находят, освобождают из плена, меняют на захваченных боевиков.

— **Товарищ генерал-полковник, а как в дальнейшем, по вашим прогнозам, будет развиваться ситуация в Чечне?**

— Могу сказать: в Северо-Кавказском регионе мир наступит еще не скоро. И к нему мы будем идти тяжело. Внутренние войска, по крайней мере, без работы там не останутся.

— **И последний, традиционный вопрос, Борис Павлович. Что бы вы хотели пожелать военнослужащим, которые несут свой нелегкий крест, освобождая от бандитов Северный Кавказ, выполняют ответственные задачи в пунктах постоянной дислокации?**

— 27 марта — профессиональный праздник солдат правопорядка. Этот день наши воины встречают с чувством исполненного долга. Хочу выразить глубокую признательность всем солдатам, сержантам, прапорщикам, офицерам, генералам за честный, добросовестный ратный труд и пожелать им мужества, стойкости, боевых успехов.

Беседу вел подполковник Александр МИХАЛЕВ

Фото
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 3 ♦ 2000

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — МВД России

ИЗДАТЕЛЬ — Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,
Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обрабатывать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений —
рекламодатели, за качество печати —
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Б. МАКСИН

В Чечне федеральным силам противостояли не малочисленные шайки, а высокоорганизованная армия профессионалов-боевиков. . . 1

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Назовем поименно 6

А. ЛЕБЕДЕВ

Свое золото он добыл на «копейке». 8

В азарте боя быстро улетучился первоначальный малый испуг, который — это он помнит сейчас точно — возник по причине новизны ощущений, непривычности ситуации. А потом... До страха ли, когда в мозгу одна мысль — помочь ребятам, вжавшимся в землю.

А. БОРОДАЙ

Грозный. Штурм... 13

Отсутствие солнечного света — не помеха: всего в нескольких километрах от нас польхал огромным оранжево-красным кустом разбитый снарядами нефтепровод. Похоже, такие «вечные огни» опоясывают по периметру весь Грозный.

СЛУЖБА

А. ИВАНОВ

Мал золотник, да дорог 20

Б. КАРПОВ

Королева бензоколонны 24

Наш путь по Гудермесу был недалек, успели обменяться несколькими фразами. Мне не надо было рыться в памяти, листать блокноты, чтобы уяснить — такую женщину на войне я еще не встречал.

А. МУРАШКО

Загляните в душу солдата 26

С. ЧИНЁННЫЙ

Аттестация и чинопроизводство в русской армии. 29

РЕТРОСПЕКТИВА

Д. КАРАГОДИН

Внутренняя стража в Отечественной войне 1812 года 34

ЮБИЛЕИ

В. БАЛЯЗИН

Александр Васильевич Суворов 38

ЛИТЕРАТУРА

А. ГОРЛОВ

Белые журавли 44

*Семь журавлей летели над черной скалой. Летели впри-
тык, словно поддерживая крыльями друг друга. Внизу, со
стороны скалы, просматривалась мать. А белые журавли, в
которых она вдохнула жизнь, летели и летели.*

И. ДЕГТЯРЕВА

Три рассказа 48

*Я теперь хорошо понимаю тех, кто с Отечественной вер-
нулся. Правда, они с немцами воевали, а мы как бы со сво-
ими. Но настроение у них, наверное, такое же было. Я сей-
час всему радуюсь, а главное, что жив остался. А ты как?*

Моя родная женщина (стихи) 68

Сапоги всмятку (сатира и юмор) 70

КАЛЕЙДОСКОП

Н. КАЗАКОВ

Светлана Крючкова: "Я преклоняюсь перед
мужеством людей в погонах" 72

*В детстве я не собиралась быть артисткой, но ужасно не
любила точные науки — математику, физику, химию. Зато
активно участвовала в художественной самодеятельности.
Читала стихи. Обожала "Юность". Утром приносили жур-
нал — и это была причина не ходить на уроки, — я разучи-
вала стихи и уже вечером со школьной сцены их читала.*

А. ИВАНОВ

Лыжня зовет. 77

О. КАПЧИНСКИЙ

Ягода, Ежов, Берия... и другие 78

Шахматный клуб 79

Кроссворд 80

Врио главного редактора
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., ГЕРАЩЕНКО В.П.
(зам. главного редактора —
ответственный секретарь),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАМШЕКИН Н.В.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ В.И.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
ПЕТРОВ А.А., СЫСОВЕВ Н.Г.,
ТОНКОНОГОВ В.П., ФАТЕЕВ К.К.,
ШАРАПОВ Н.С., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление

КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

БАРАНОВА В.А.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.
БУКАТКО В.С.

При оформлении обложки
использованы снимки

В.НИКОЛАЙЧУКА

Благодарим
Государственный комитет РФ
по молодежной политике
за содействие в подготовке
иллюстраций этого номера.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации

Российской Федерации.
Регистр. № 01420.

Имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-
методических материалов
"Войсковой вестник"

При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2000

Сдано в набор 1.02.2000 г.
Подписано к печати 2.03.2000 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 3000

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 235.

Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена "Знак Почета" типография
"Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Мы продолжаем публикацию списка военнослужащих внутренних войск, погибших в боях с бандитами на территории Дагестана и Чечни, начатую в № 10-12, 1999 г. и № 1, 2000 г. К сожалению, в списке возможны неточности в написании фамилий, имен, так как информация собиралась подчас в горячей обстановке, и до истины докопаться было не просто. Сейчас приходится восстанавливать все по крупицам. Нам пишут родители военнослужащих, и каждое письмо в итоге найдет свое место в Книге памяти, которую готовят к изданию военные журналисты внутренних войск.

Список военнослужащих внутренних войск, погибших и умерших от ран в ходе контртеррористической операции на территории Чечни

АНОШКИН Андрей Александрович, рядовой, 23.12.99 г.
АНДРЕЕВ Павел Александрович, младший сержант,
25.12.99 г.
ЛЕГЕНЧУК Юрий Борисович, младший сержант,
26.12.99 г.
БЕЛОДЕДОВ Николай Николаевич, сержант, 26.12.99 г.
ТИТОВ Владимир Васильевич, рядовой, 26.12.99 г.
МУХАМЕДЬЯНОВ Ильмир Равильевич, рядовой,
27.12.99 г.
НУРГАЛИЕВ Владимир Ильевич, майор, 27.12.99 г.
АГАПОВ Сергей Михайлович, старший сержант,
27.12.99 г.
НОВОСЕЛОВ Владимир Николаевич, рядовой,
28.12.99 г.
ГАЙДУК Руслан Николаевич, рядовой, 28.12.99 г.
КОНЬКОВ Дмитрий Сергеевич, лейтенант, 28.12.99 г.
КИРИЛЛОВ Александр Николаевич, рядовой, 28.12.99 г.
ШУЛЕПОВ Александр Константинович, старший
сержант, 28.12.99 г.
РАСПОПОВ Дмитрий Сергеевич, рядовой, 28.12.99 г.
НИКОНОВ Алексей Анатольевич, рядовой, 31.12.99 г.

КАЛИМАНОВ Владислав Борисович, капитан,
29.12.99 г.
НОСАЧЕВ Александр Сергеевич, ефрейтор, 27.12.99 г.
МОСКАЛЕНКО Алексей Анатольевич, рядовой,
28.12.99 г.
ЛУКИНОВ Максим Александрович, рядовой, 28.12.99 г.
ЦУРКАН Андрей Федорович, рядовой, 28.12.99 г.
МОХИРЕВ Анатолий Андреевич, рядовой, 28.12.99 г.
ЗАХАРОВ Владимир Алексеевич, рядовой, 28.12.99 г.
ЛУНИН Иван Александрович, младший сержант,
27.12.99 г.
ВЕЛИЖАНИН Сергей Александрович, рядовой,
28.12.99 г.
ШАВИН Валерий Владимирович, младший сержант,
28.12.99 г.
АБЛАЕВ Павел Сергеевич, рядовой, 28.12.99 г.
МУХАМЕТЯНОВ Ульян Анатольевич, рядовой, 28.12.99 г.
ШЕВЕЛА Виталий Вячеславович, рядовой, 28.12.99 г.
ФИЛИППОВ Александр Васильевич, прапорщик,
28.12.99 г.
ЯЩЕНКО Валерий Николаевич, рядовой, 29.12.99 г.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

БРЮХОВ Максим Николаевич, рядовой, 29.12.99 г.
КРУГЛОВ Антон Юрьевич, рядовой, 29.12.99 г.
СПЕСИЛОВ Андрей Владимирович, лейтенант, 31.12.99 г.
ФЕДОРОВ Дмитрий Анатольевич, рядовой, 31.12.99 г.
БАРКАРЬ Денис Алексеевич, рядовой, 31.12.99 г.
ЗАЙКА Владимир Юрьевич, рядовой, 31.12.99 г.
ФИЛАТОВ Вячеслав Осипович, старший сержант, 26.12.99 г.
ПЕРМИН Юрий Анатольевич, лейтенант, 2.01.2000 г.
ГУКОВ Петр Владимирович, рядовой, 3.01.2000 г.
ЛИПИН Андрей Сергеевич, рядовой, 3.01.2000 г.
ЧЕРЕПАНОВ Александр Викторович, рядовой, 3.01.2000 г.
ИВАНОВ Вячеслав Иванович, рядовой, 3.01.2000 г.
БОЛДЫРЕВ Николай Сергеевич, рядовой, 3.01.2000 г.
ХИЖНЯК Валерий Николаевич, ефрейтор, 3.01.2000 г.
ГИНДОСОВ Сергей Александрович, рядовой, 01.2000 г.
СТЕПАНОВ Сергей Сергеевич, сержант, 3.01.2000 г.
БОРИСОВ Дмитрий Сергеевич, рядовой, 3.01.2000 г.
ЗАЙНУЛИН Ринат Саматович, рядовой, 3.01.2000 г.
ШАЙХУЛОВ Рустам Табрисович, рядовой, 3.01.2000 г.
МАЛИН Андрей Николаевич, рядовой, 5.01.2000 г.
ШЕЙНОВ Павел Анатольевич, рядовой, 5.01.2000 г.
ЛЕЛЕКОВ Сергей Алексеевич, рядовой, 6.01.2000 г.
АВИЛОВ Сергей Николаевич, рядовой, 6.01.2000 г.
МАЛЬЦЕВ Максим Александрович, рядовой, 6.01.2000 г.
КРАВЧЕНКО Вячеслав Георгиевич, рядовой, 6.01.2000 г.
КОЛЕСНИК Павел Васильевич, рядовой, 6.01.2000 г.
БЕЗДЕНЕЖНЫХ Валерий Викторович, младший сержант, 6.01.2000 г.
МОЖАЕВ Роман Васильевич, лейтенант, 6.01.2000 г.
ФЕДЮНИН Владимир Владимирович, сержант, 28.12.99 г.
САРБОЛИЕВ Данат Асиевич, сержант, 28.12.99 г.
ЛЯПКАЛО Светлана Владимировна, ефрейтор, 6.01.2000 г.
КУЧЕРЕНКО Роман Валентинович, ефрейтор, 29.12.99 г.
ШАМУРАТОВ Нургаян Нурулович, рядовой, 29.12.99 г.
ПОЛЯКОВ Александр Владимирович, рядовой, 1.01.2000 г.
ЗАЙКИН Леонид Александрович, рядовой, 29.12.99 г.
ЗАГОРУЛЬКО Денис Борисович, ефрейтор, 3.01.2000 г.
АРТЕМЬЕВ Константин Евгеньевич, рядовой, 3.01.2000 г.
ШАКИНЗЯНОВ Вархад Абдухатович, рядовой, 3.01.2000 г.
ТИТОВ Сергей Николаевич, младший сержант, 7.01.2000 г.
ЮХНИН Алексей Витальевич, рядовой, 7.01.2000 г.
ШИШКИН Дмитрий Михайлович, младший сержант, 5.01.2000 г.
МЕДВЕДЕВ Александр Сергеевич, ефрейтор, 28.12.99 г.

ЗАКИРОВ Табрик Фридрихович, сержант, 28.12.99 г.
ЮРИН Александр Васильевич, рядовой, 28.12.99 г.
РОМАНОВ Владислав Викторович, старший лейтенант, 31.12.99 г.
МАРЧЕНКО Руслан Васильевич, сержант, 3.01.2000 г.
ПЕРВУШИН Юрий Иванович, лейтенант, 31.12.99 г.
ПЕНКИН Денис Павлович, младший сержант, 31.12.99 г.
ЛИТВИНОВ Павел Викторович, рядовой, 9.01.2000 г.
БОРОВЛЕВ Александр Николаевич, старший прапорщик, 9.01.2000 г.
МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Юрьевич, рядовой, 6.01.2000 г.
АНДРЕЕВ Дмитрий Михайлович, лейтенант, 9.01.2000 г.
РЫЖОВА Ирина Леонидовна, рядовой, 9.01.2000 г.
ФЕДОРЕНКО Виктор Васильевич, сержант, 9.01.2000 г.
СУХАЦКИЙ Олег Петрович, рядовой, 9.01.2000 г.
ПУСТЫННЫЙ Дмитрий Сергеевич, младший сержант, 9.01.2000 г.
МАНАКОВ Николай Владимирович, ефрейтор 9.01.2000 г.
КУЛАКОВ Константин Николаевич, рядовой, 9.01.2000 г.
БУРДЮГОВ Николай Петрович, рядовой, 9.01.2000 г.
АВКСЕНТЬЕВ Иван Александрович, ефрейтор, 9.01.2000 г.
СМОКОКТИН Анатолий Витальевич, рядовой, 9.01.2000 г.
МИХАЙЛОВ Константин Игоревич, старший лейтенант, 9.01.2000 г.
ГАГАРИН Дмитрий Александрович, сержант, 9.01.2000 г.
ЛОСЕВ Александр Васильевич, сержант, 9.01.2000 г.
САВИЧЕВ Эдуард Викторович, рядовой, 9.01.2000 г.
КОЛЕСНИКОВ Сергей Васильевич, майор, 9.01.2000 г.
МАСЛОВ Владимир Александрович, рядовой, 9.01.2000 г.
МАТЮЗА Иван Александрович, рядовой, 9.01.2000 г.

Мы продолжим публикацию скорбного списка в следующих номерах журнала "На боевом посту".

Продолжается работа по созданию Книги памяти военнослужащих внутренних войск. Свои воспоминания о боевых друзьях, родственниках, которые служили во внутренних войсках и погибли при исполнении воинского долга, их фотографии присылайте по адресу: 107120, Москва, Сыромятнический проезд, 8, редакция журнала "На боевом посту", Колесникову Сергею Сергеевичу.

Материал подготовили
полковник Александр ГРИБ,
майор Сергей КОЛЕСНИКОВ

Твои Герои, Россия

Мы фотографировали двадцатилетнего Героя России Евгения Бушмелева в заснеженном Подмоскowie. В родной софринской бригаде он не был аж с сентября — четыре месяца колесил по горячей кавказской земле. Много всякого было. Но, и это главное, судьба солдата сберегла: остался живым...

Разговор долго не клеился. Сидя в казарме на табуретке у окна, опустив глаза, парень по капле выдавал информацию. В некоторых моментах беседы его скупой рассказ словно спотыкался о какое-то препятствие, нам с великим трудом удавалось перетащить повествование о войне через какие-то невидимые пороги. Чувствовалось: слишком близко

еще была для Жени Чечня, слишком больно было ему вспоминать погибших друзей. Очень непросто досталось ему это высшее в стране звание — Герой.

Разговор разговором, но нам нужен был еще и “живой” кадр: не на фоне же казарменной стены, в самом деле, фотографировать солдата, только-только вернувшегося с войны! Фронтowych фотографий (сейчас ведь многие бойцы имеют при себе “мыльницу”) у Жени, к сожалению, не оказалось. Все раздарил ребятам, которые остались там, у дымящихся развалин Прозного.

Решили: раз наш Герой — механик-водитель, стало быть, инсценировка для фотокоров должна быть в парке боевых машин. Тем более что в боксах осталось не-

сколько бээмпэшек, не отправленных вместе с бригадой в Чечню.

Кроме того, что неплохие кадры получились, холодная бронемашина — “ну точно как моя “копейка” (БМП-1, значит), — как ни парадоксально это звучит, словно отогрела парня, сердце его живым теплом наполнила. Вот здесь-то, на своем привычном месте механика-водителя, ефрейтор Бушмелев и вспомнил те подробности, которые мы с таким трудом вытягивали из него в казарме...

Суматоха погрузки эшелона сейчас ему уже кажется такой далекой. В серьезной работе — надо было ювелирно заехать на платформу, надежно закрепить родную “ко-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

пейку” — ему некогда было думать над тем, куда и зачем так спешно собирается бригада. Офицеры сказали коротко: “На Кавказ”. Даже командование не знало пока, какие задачи будут поставлены перед бригадой по прибытии. В общем голову сильно не ломал, в эшелоне рядом ехали пацаны, с которыми уже почти сроднился (ведь к сентябрю 99-го уже больше полутора лет отслужил) — значит, все в порядке будет! “Экипаж — одна семья” — это про их БМП. Втроем были с начала службы неразлучны: командир сержант Чернов — Черный, стрелок-наводчик Женька Чехомов и он, Женя Бушмелев. Чехом, так тот не просто тезка и друг, а еще и земля, уральский.

В Дагестане, куда спустя пять суток прибыла бригада, никто, кроме некоторых офицеров, прежде не был, поначалу многое удивляло — и жара изматывающая (в родной Свердловской области конец сентября уже весьма прохладен, до зимы — всего-ничего), и люди совсем другие: мужики в каких-то маленьких шапочках ходят, все почти доброжелательные... Пылюка страшная. Вот уж она до печенок достала механиков-водителей. В первые дни глаза слезились на марше, потом привыкли. А что ж делать: такая работа у “меха” — глотать пыль полным ртом, вглядываясь в бегущую под тебя дорогу. Когда один идешь — еще терпимо, а вот в колонне — так просто мрак! В триплекс много не увидишь, так что приходится по-походному идти: руки под броней, голова — наружу. Оттого и кожа на лице дубеет, почти коричневой становится: и не только от загара, но и от растреклятой этой пыли, которую мыть не отмыть...

Спокойно не долго стояли. Не загорать пришла на Кавказ

“чрезвычайная” бригада, на боевом пути которой все горячие точки Союза и России. В Дагестане еще добивали и выдавливали обратно в Чечню басаевцев, так что пришлось Женькиному экипажу поработать немало. Выезжали на зачистки сел. А вскоре пошли к Тереку...

Октябрь 99-го был для “копейки” под номером Ф-125 не просто жарким. Он был смертельно жарким. И кто уж уберег его бронированную лошадку от гибели — судьба или натруженные, сильные и проворные руки “меха” Бушмелева — гадать не будем. И хоть потом много было боев, но те первые Женя запомнил. Потому что первые. Именно тогда он понял слова бывалых офицеров о том, что “на Кавказе стрелять будут”.

... Под Червленной стреляли. Да еще как! Рота пошла на зачистку и напоролась на плотный огонь боевиков. Сориентировались быстро, заняли выгодные позиции, но двинуться дальше под свинцовым дождем никак не могли. Боевики прижали крепко. Бушмелев, маневрируя своей броней, прикрывал пехоту. Земля Чехом долбил из пушки по “духовским” гнездам. В азарте боя быстро улетучился первоначальный малый испуг, который — это он помнит сейчас точно — возник по причине новизны ощущений, непривычности ситуации. А потом... До страха ли, когда в мозгу одна мысль — помочь ребятам, вжавшимся в землю. И он здорово им помог. Он будто в рубашке родился — ни одна из выпущенных по его “копейке” “духовских” гранат в цель не попала. Он же, вертясь прямо под носом у боевиков, сумел забрать и вывезти в район сосредоточения раненых братишек, а после этого и остальных пацанов...

Через несколько дней Бушмелев снова вывозил раненого. Снова из-под Червленной. На этот раз раненым оказался человек, который на боевую операцию пошел не с автоматом в руках, а с фотокамерой. Боевой фотокор Олег Смирнов вместе с начальником отдела журнала “На боевом посту” полковником Юрием Кислым как раз в то время квартировали у софринцев. Поработали фронтные корреспонденты по полной программе. И вот во время очередной операции подстрелил чеченский снайпер Олега. Ранение оказалось тяжелым, большая кровопотеря. Нужно было мчаться на вертолетную площадку. Комбат, зная мастерство и расторопность Бушмелева, именно его машину запланировал для вывоза раненых. Женька в тот день, было 13 октября, жал на всю железку. Успели. Таким вот у Бушмелева первое знакомство с нашим братом-журналистом было. Для Евгения это — эпизод. А для Олега Смирнова — спасение...

Как назывался тот населенный пункт — как ни силился вспомнить — не вспомнил. Где-то недалеко от той же Червленной. Но сам бой в памяти сидит крепко. Крутая была работа... Опять зачистка. Опять с боем. “Духи”, засевшие в станицах и селах по-над Тереком, ну никак не хотели уходить! Огрызались огнем.

Рота выдвинулась с тремя БМП. Три группы решено было заходить в поселок. Еще на подходе к первым строениям по софринцам был открыт шквальный огонь. “Духи” здесь хорошо подготовились — загодя отрыли окопы в полный профиль.

Заняв позиции, софринцы начали отстреливаться. При очередном маневре — надо было занять выгодную позицию — Жень-

ку вдруг сильно трянуло. В голову стрельнула... мысль: подбили! Почувствовал, что машина поте-ряла управление. Но это и успокоило: ничего, гусеницу натянем по новой, главное — экипаж жив, двигатель в порядке. В сплошном грохоте успел крикнуть наводчику: "Чехом, прикрой". Земле долго объяснять не надо — матерый, сам соображает, что такое БМП без движения, да еще в бою, где бородатые так и норовят в бочину гранату засандалить. Это только на постаментах стоящая бронемашинка эффектно смотрится, а в бою — "утюг", лучше нет подарка для "духов". Броня факелом гореть может, не случайно наблюдательный и по-народному мудрый солдат давным-давно окрестил БМП "братской могилой пехоты"...

Чехом из пушки стал отсекал "духов", подбирающихся к машине. Бушмелев выскочил из люка. Ну хоть убей, не помнит сейчас, кто из чего стрелял. Когда внутри брони сидел, то ясно видел, что огонь-то вокруг ого-го какой, носа не высунуть! А тут — не до "музыки боя" было. Схватил инструмент, начал заново натягивать разорванный взрывом правый трак. В голове одна мысль: "Быстрее, быстрее!". Руки сбил в кровь. Под конец "операции на правой конечности" Чехом, "успокоивший" бандитов, вылез, помог немножко. Все! Сделал! Прыжком обратно за штурвал и вперед. Братишкам надо помогать. Врут все про "братскую могилу пехоты", все это черный юмор, байки солдатские. Когда в машине умелый командир да с ним "мех" сообразительный и проворный, наводчик глазастый и рукастый — тогда даже старушка "копейка" много пользы этой самой пехоте принести может. Броня все-таки!

Едва поставив машину на ход, Евгений мгновенно сдернул ее с

того пятачка, который "духи" из граника уже пристреляли. Боевые группы софринцев тем временем подошли к поселку и начали выбивать бандитов из опорных пунктов на окраине. А тут и у соседнего взвода ситуация сложилась аховая. Теперь их бээмпэшка встала как вкопанная — что-то с двигателем. Боевики плотно обложили пацанов, и видно было, что скоро ребятам придется круговую оборону держать. "Духи", ведя ожесточенный огонь, постепенно начали обходить пехоту с флангов. Экипаж Бушмелева подоспел вовремя. На скорости подлетев к обездвиженной БМП и отсекая огнем из пушки и пулемета бандитов, Ф-125-я вплотную подошла к вставшей машине. "Э-эхма, снова на улице!" Евгений выскочил из БМП, тросом сумел подцепить вставшую броню. Женькина "копейка", натужно рыча дизелями, сдернула "подругу" с места и оттащила в расположение батальона. От верной гибели спас Бушмелев братишек — стрельбу "духи" вели настолько плотную, что экипаж сломавшейся БМП просто не мог покинуть машину. А был бы у этих бандитов гранатомет...

Бой продолжался. "Копейка" Бушмелева еще не раз выдвигалась на линию огня, круша из пушки позиции непримиримых, увозя из свинцового шквала своих подраненных бойцов. Поработали, одним словом. Устал под конец изрядно. Но это почувствовал позже, когда армейская авиация дала прикурить "духам" по-настоящему. А еще позже он начал постепенно осознавать, что рисковал, когда под огнем трак натягивал, а потом трос цеплял. Но страшно стало уже потом.

Кавказский поход продолжался. Бригада уверенно шла от села к селу, от станицы к станице — освобождала чеченскую землю от бандитов.

Под Гудермесом удачно сумел вывести машину во фланг прорывающейся из кольца окружения большой группе боевиков. Не прорвались бандиты...

В Алхан-Юрте в жестоком бою помог армейцам, которых "духи" сильно прижали. Ворвавшись едва ли не в гуцу чеченской банды, из-под перекрестного огня вывез в тыл раненого командира армейского рембата...

Так, в боях, изучая по ходу географию Чечни, дошел до ее столицы — города Грозного. Вернее, до его развалин. Как и в прошлой чеченской кампании (вот уж роковое совпадение), к Грозному снова подступили под Новый год. И снова — в бой...

27 декабря ефрейтор Бушмелев еще не знал, что представлен к званию Героя России. За предыдущие бои, за тех спасенных им под Червленной братишек. Его батальон стоял к тому времени в нескольких шагах от Грозного. С невысокого холма хорошо просматривался Старопромысловский район. Где-то слева и справа ухала армейская артиллерия, а в городе видны были разрывы снарядов. В промозглом сером небе кружили "вертушки", освобождались от своего смертельного груза — иглы ракет уходили вниз. Боевиков, засевших в домах, пытались смешать с кирпичным крошевом. Казалось, что в городе от этой постоянной долбежки их уже и остаться-то не должно. Казалось...

27 декабря боевыми группами пошли на зачистку. Хотя назвать зачисткой наводненный боевиками город с хорошо укрепленными позициями вряд ли можно. Сразу на входе в Старые Промыслы вступили в бой, который продолжался часа четыре. "Двухсотых" — погибших — слава Богу, у наших не было. А раненых снова эвакуировала из-под огня 125-я, бушмелевская "копейка".

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Передышка была недолгой. 29 декабря софринцы снова пошли в город. Втянулись в улицы Грозного. Вместе с софринцами шли ребята из ОМОНа и СОБРа. Батальону были приданы и чеченцы из гантамировского отряда. Разбившись на группы еще при входе в город, штурмующие пошли по параллельным улицам. Ф-125-я шла по одной из них. В триплекс Бушмелеву хорошо был виден идущий прямо по курсу танк, за которым двигалась пехота. В полной тишине прошли около полутора километров — почти весь частный сектор. Без единого выстрела. Начались пятиэтажки, почти все в метинах от снарядов, с пустыми глазницами окон. Напряжение достигло пика — на войне нет ничего хуже тишины...

Она разорвалась внезапно. Грохот обрушился со всех сторон, ударил по барабанным перепонкам, пройдя и сквозь броню, и сквозь шлемофон. "Духи" ждали российских военных, заманивая по своей излюбленной тактике в узкий лабиринт улиц. Из пятиэтажек по всем боевым группам огонь был открыт одновременно, как по сигналу. В первые секунды Женька был ошеломлен: у танка, что шел впереди, как в мультфильме, отлетела башня, он загорелся, даже не успев открыть огонь. "Духи" садили очередями, казалось, отовсюду — из всех домов, с верхних и с нижних этажей. Оцепенение у него прошло через мгновения. Надо было спастись! Резко сдав назад, проломив кормой какой-то забор, он заехал во двор частного дома, укрыл "копейку" за строением. Одновременно Чехом начал долбить из пушки по пятиэтажке, откуда велся наиболее интенсивный огонь. Пехота, рассыпавшись в разные стороны, залегла и тоже начала отстреливаться. Наконец софринцы вместе с ОМО-Ном сумели выбить боевиков из

одного здания, заняли оборону в нем. Туда же, во двор, из своего укрытия перебралась и БМП Бушмелева. Вырваться, уйти назад у ребят не было никакой возможности. Оказалось, что все боевые группы находятся примерно в таком же положении. "Духи" обложили крепко, не давая высунуться из укрытий. Когда малость отдышались, стали подсчитывать потери. Многих из погибших ребят Женька хорошо знал...

Когда стемнело и чеченцы расползлись по окрестным кварталам, Бушмелев на своей "копейке" начал вывозить раненых, убитых. Всех загружали в десантный отсек. Как выбирался из лабиринта улиц в полной темноте — отдельная история. Свет включать нельзя — "духи" тут же спялят. Так и двигался, до ломоты в висках, до рези в глазах всматриваясь в дорогу, ориентируясь на черное пятно перед собой — это был просвет улицы. Удивительно, но с первого раза вышел на своей машине из города, практически не плутая меж развалин. Не только опыт помог, но и какое-то природное чутье, что не у каждого имеется. Бой был и на следующий день, и через сутки, и через двое...

Помощи софринцам все не было. Правда, после того как закрепились в пятиэтажках, огляделись, стали и "духам" наносить существенные удары. Те, поняв, что огнем наших бойцов уже не выбить из зданий, пытались давить на психику. Кричали: "Аллах акбар! Сдавайтесь!" Наши ребята отвечали боевикам крепко, по-русски.

Один из эпизодов того противостояния особо запомнился. Бандиты выставили в проеме окна в соседнем здании захваченного ими в плен танкиста из подбитой машины. Заставили, чтобы он призывал "русских сдать". Парня было откровенно жал-

ко. Но он, молодец, не сдался. Не вышло у боевиков его сломить. Прострелив парню ногу, бандиты "великодушно" отпустили его к софринцам...

В течение следующих дней Бушмелев снова вывозил раненых. Уже не только ночью, но и днем, под огнем боевиков, которые стреляли по его старушке чуть ли не в упор. Несколько гранат, отскочив от брони, разорвались рядом. На башне после этих попаданий остались зазубрины и сколы. Что ни говори, но экипажу крепко повезло — это точно!

Бригада вышла из Грозного 3 января, встретив Новый год под взрывы не фейерверков, а самых настоящих гранат и снарядов. Сколько раненых вывез Бушмелев из воюющего Грозного? Он не считал. Много. Много жизней спас в те декабрьские и январские дни. И опять некогда было ему о страхе думать. Хотя нет, однажды и вправду струхнул. Когда у него, стоящего рядом со своей машиной, вдруг с головы сбился шапку. Сначала не понял, что произошло, а потом услышал крик Чехома: "Жека, пригнись, дурак! Стреляют!!!"

Малость придя в себя после огненной круговерти, стал приводить в порядок свою старенькую, потрепанную "копейку". Сколько ж ей досталось за эту войну!

За обычными для любого механика хлопотами застало его известие, что награжден он, ефрейтор Бушмелев, Золотой Звездой с присвоением звания Героя России. Об этом ему, чумазому, препачканному солярой да маслом, сообщил комбат. Парень сначала даже не поверил — за что?

А потом все закрутилось: самолет из Моздока принес бойца в Москву, исполняющий обязанности Президента России Владимир Путин вручил Звезду Героя, фотографии снимали столько, что гла-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Грозный,
Старые Промыслы.
Место боя,
случившегося 29 декабря
1999 года

за устали от фотовспышек. Но если честно, до сих пор Евгений не может поверить в то, что все это случилось с ним.

После вручения Звезды ефрейтор Бушмелев собирался в отпуск. Два года родные края не видел. Мама как обрадуется! Пацаны знакомые тоже пусть посмотрят. Да что там говорить: для маленького уральского поселка его приезд будет Событием.

Решение для себя он уже принял. Еще в ноябре там, в Чечне, заключил контракт. Собирается поступать в военный институт внутренних войск. И это правильно, пусть войска прирастают такими кадрами, такими людьми. Опыта ведь у него — хоть отбавляй, а теорию постигнет, это точно...

Уже в Москве он долго пытал

нас, в каком магазине лучше купить крутой камуфляж. На родине все-таки хочется выглядеть по-боевому. К парадной форме он не привык. Там-то, на войне, день и ночь крутился в промасленном камуфляже или в танковом комбезе. А здесь... Из песни, как говорится, слова не выкинешь — к концу второго дня московских хождений воротник его новенькой рубашки стал терять свою первоизданную белизну. Мойся хоть по три раза на день, а долго еще черное масло да кавказская пыль будут сидеть в порах его кожи. Не до белых рубашек механику...

А сколько будет сидеть в его сердце боль за погибших пацанов, которым он не смог помочь своей броней, своей "копейкой" под номером Ф-125? Вечная боль... Где сегодня его "копейка",

на истерзанном осколками бронированном корпусе которой и тяжкий солдатский пот, и кровь раненых братишек, и пороховая гарь боев, и золотой отсвет его — ефрейтора Евгения Вячеславовича Бушмелева — Звезды Героя? Машина осталась там, в Чечне, и сейчас снова воюет, вытаскивает раненых, долбит бандитов...

**Старший лейтенант
Александр ЛЕБЕДЕВ**

Фото
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

ГРОЗНЫЙ. ШТУРМ...

Укрывшийся между холмами базовый лагерь софринской отдельной бригады оперативного назначения утром 17 января пробудился рано. Еще не рассвело, но отсутствие солнечного света — не помеха: всего в нескольких километрах от нас полыхал огромным оранжево-красным костром разбитый снарядами нефтепровод. Похоже, такие «вечные огни» опоясывают по периметру весь Грозный.

В морозном воздухе глухо звучали команды, урчали и взрывали моторы грузовиков, бэмпэшек и бэтээров. У старых палаток строились немногочисленные, потрепаннные в предыдущих боях роты и батальоны. В последний раз перед наступлением бойцы и офицеры проверяли запасы БК и сухпайков. Такая же оживленность заметна и в близлежащих

лагерях: сегодня знаменательный день — начало общего штурма Грозного (здесь никто не называет эту операцию словом «зачистка»).

Бригада воюет уже пятый месяц, войдя на территорию Чечни из Дагестана, через ногайские степи. Потом зачистки, мирные и не очень, базовый лагерь у станции Червленая. По-настоящему тяжело война задела софринцев лишь в декабре, когда их бросили на зачистку, а на самом деле — на штурм Старопромысловского района города Грозного. Застроенный пятиэтажными домами, заблаговременно превращенный чеченцами в настоящую крепость, район взял с бригады богатую дань кровью. В этих боях софринцы потеряли убитыми 32 человека и более сотни получили ранения. Особенно черной датой

стало для бригады 29 декабря — день, когда вся страна была охвачена предпраздничной суетой. В сражении за старопромысловские пятиэтажки гибли и военнослужащие приданных подразделений — бесстрашные омские собровцы, танкисты... А в тот день по телевизору объявили, что вся Объединенная группировка потеряла лишь четырех человек убитыми.

Потом, когда Старые Промыслы были очищены от боевиков почти полностью, бригаде пришлось покинуть занятые позиции и срочно возвращаться в лагерь около Алхан-Калы и Алхан-Юрта. Эти населенные пункты были неожиданно захвачены прорвавшимся из Грозного отрядом известного ваххабитского главаря Арби Бараева. Первое, что сделал бандит, захватив эти селения, —

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

расстрелял три десятка местных жителей, по его мнению, лояльных к федеральным властям. Оставшимся он объяснил, что в наказание за несправедный образ жизни даст в селах бой, подставив их тем самым под огонь федералов. Так и вышло, но зажатые софринцами в огневое кольцо боевики оставили на поле боя несколько десятков трупов.

Приданная бригаде сводная рота снайперов, в которой я загостился со вчерашнего дня, торопилась меньше всех. Хотя в дырявой палатке, едва согреваемой двумя немилосердно чадающими печурками, было весьма прохладно, никто не спешил подниматься с общего для всех солдат и офицеров ложа — брошенных на землю дощатых щитов.

Оно и не удивительно — еще вчера рота веселилась допоздна. Посреди палатки гремел и сипел полуразбитый магнитофон, под модные эстрадные шлягеры по медвежьи отплясывали несколько солдат. "Надо ребятам хоть как-то расслабиться", — извиняющимся тоном пояснил Валерий, рыжебородый капитан, командующий здесь снайперским взводом. Среди снайперов немало дембелей, есть и такие, для кого двухлетний срок службы истек еще месяц-два тому назад. Их война началась еще в Ботлихском районе Дагестана и продолжилась под Ведено. В полном соответствии с законом эти бойцы могли бы отказаться идти на завтрашнюю операцию, предоставив возможность рисковать молодым. Но никто из них, кажется, даже и не думал об этом.

В углу палатки офицеры роты обсуждали перспективы предстоящего штурма и рассматривали сделанную каким-то умельцем из подручных материалов приманку для снайперов — одетый в рваный камуфляж и вязаную шапочку грубый муляж человеческой фигуры с вставленной в "рот" сигаретой, которую можно было

"курить" с помощью пластиковой помпы от капельницы. Предполагалось, что по ночам чеченцы должны расстреливать фанерного курильщика, тем самым раскрывая свои позиции нашим стрелкам.

Утро наступило и у нас. Вошедший в палатку солдат сообщает, что остальные роты уже построены, и, подчиняясь зычной команде "замполита", все лихорадочно собираются, с трудом отыскивая впотьмах вещи. Через несколько минут солдаты и офицеры расходятся по другим ротам и ба-

тальянам: они сейчас нарасхват — снайперские пары хотят получить командир каждого подразделения.

Мы с Валерием запрыгиваем на "Урал" с "зушкой" в кузове. Машина тут же трогается, с натугой вырывается на мерзлую разбитую дорогу. Кроме взвзвонной техники, здесь часто попадаются автомобили с эмблемами муллинских мотострелков. От вчерашней веселости у сидящих рядом с зениткой бойцов не осталось и следа. Все понимают: предстоят нешуточные бои и кому-то не суждено вновь увидеть ставшие почти родными палатки.

В предрассветных сумерках виднеются пологие заснеженные холмы, остовы разбитых машин и черные силуэты деревьев с обрубленными минометным огнем сучьями. Бросаются в глаза ряды покосившихся серых крестов. "Славянское кладбище", — тихо и мрачно говорит кто-то.

Наш "Урал" поднимается на вершину холма, у дальнего склона которого тонут в густом тумане

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

не окраины Грозного. Туда, по целям в Заводском районе, бьют скопившиеся на высоте танки, самоходки, зенитки, "Грады", "Ураганы", минометы. Зрелище одновременно красивое и жуткое. Трассы множества разнокалиберных снарядов то и дело перекрещиваются, накладываются друг на друга, а внизу сквозь туман видны всплывающие огни разрывов. Склон холма шевелится и грохочет, проезжает техника, сгружаются и строятся все новые отряды. Пока работает артиллерия, пехота стоит и ждет.

Мы подходим к вырытому на склоне КНП бригады. Отсюда открывается вид на стоящие внизу пятиэтажки — главную цель сегодняшнего броска бригады. До них всего километра полтора, и над КНП изредка посвистывают чеченские пули. (Нам крупно повезло: у обороняющихся в этом районе боевиков не оказалось тяжелых снайперских винтовок калибра 12,7 мм с прицельной дальностью до двух километров, которых так много было, например, у ваххабитов, сражавшихся осенью в Кадарской зоне Дагестана.) Отсюда будет руководить предстоящим боем софринский комбриг полковник Геннадий Фоменко. не-

давно удостоенный звания Героя России. На его опыт и умение надеется вся бригада.

Проходит час, другой — артподготовка все продолжается. То справа, то слева от КНП со страшным грохотом бьют по городу "Грады" и танки. Сегодняшний день обещает быть солнечным. На небе ни облачка, но туман над Грозным все еще не рассеялся. Первой в этот грозящий неприятными неожиданностями туман уходит разведка бригады под командованием улыбчивого капитана татарина Салавата. Он один из наиболее опытных офицеров бригады, прошел первую чеченскую войну, но я знаю, что по отношению к этой кампании, так же как и подавляющее большинство офицеров, он настроен довольно пессимистически, опасается нового Хасавюрта.

Ожидая завершения артподготовки, в еще не окончательно порубленном на дрова и искореженном машинами леске позади КНП собирается группа молодых офицеров. Темой вялого трепа становится, конечно, курс доллара. Его рост вызывает чрезвычайную обеспокоенность — все рассчитывают, вернувшись, получить со-

лидные суммы "боевых". И то сказать — заслужили.

Тем временем готовится двинуться вниз и первый батальон бригады, командует которым спокойный, немногословный старший лейтенант белорус по имени Тарас. Еще недавно он был начальником штаба батальона, а теперь сменил раненного 29 декабря комбата. Сам батальон насчитывает человек восемьдесят — немало потерял в предыдущих боях.

Экипажи бэмпэшек пока остаются наверху. Штурмовать первые здания будет одна пехота. Технике сейчас слишком опасно соваться в городские кварталы. Броня двинется в Грозный лишь после того, как очистят от врага значительный плацдарм.

Штурмовать Грозный, где закрепились, по данным разведки, две с половиной тысячи профессиональных боевиков, пойдут несколько малочисленных полков и бригад внутренних войск. Соотношение между атакующими и обороняющимися, вопреки канонам военной науки, примерно один к одному..

Мы с Валерием уходим вниз с батальоном. Перед началом спуска видим, как комбат договаривается с поддержива-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ющими нас огнем танкистами. Немолодой армейский капитан в засаленном комбезе советует далеко не соваться и чуть что — обращаться за подмогой...

Бегом спускаемся по крутому склону в рощу. Все еще не рассеявшийся туман нам на руку — скрывает передвижения от глаз вражеских снайперов. Уже совсем недалеко слышны короткие автоматные очереди, потом начинается длинными бить пулемет. Это вступили в бой передовые группы батальона или работает разведка софринской бригады.

Через некоторое время осторожное медленное движение вниз начинается снова. Выходим на открытую проселочную дорогу. Комбат оглядывается на идущих посередине дороги солдат и командует: "По обочинам, держитесь по обочинам!". С нами вместе спускаются три мотострелка-рекогносцировщика с белыми

опознавательными повязками поверх штанин. Их задача — отыскать и показать нам растяжки, которые они же ставили в лесу несколько суток назад.

До пятиэтажного дома, захват которого является ближайшей задачей первого батальона, остается пробежать каких-то две сотни метров. И тут над головой начинают петь тягучую песню пули, отчетливо раздаются резкие щелчки снайперской винтовки. Кажется, что стреляют откуда-то сбоку, но на самом деле точно определить направление очень трудно. Звучит команда: "В укрытие!". Солдаты мигом рассыпаются по обочинам дороги, вжимаются в канавы и впадины, заползают под деревья. Мы залегли за неким подобием плетня. Кто-то сдавленно чертыхается — чеченские кустарники, и те встречают российских солдат здоровенными колочками.

Стоять остается только комбат, предусмотрительно отошедший на несколько метров от дороги. В руках у него две ракеты. Одна для связи с Двенадцатым — командиром действующей в нескольких десятках метров впереди штурмовой группы, по другой он докладывает обстановку находящемуся на командном пункте комбригу. Двенадцатый сообщает, что по его людям работают снайпера и пулеметчик. Комбат вызывает огонь стоящих высоко на холме танка и "зушки" по позициям противника.

Над нами с воем проносятся снаряды, от близких взрывов подрагивает земля. Через некоторое время Двенадцатый докладывает: двухэтажка взята, а к пятиэтажке удалось подойти совсем близко, но у него двое, нет, уже трое раненых, а один солдат обезоружен прямым попаданием снайперской пули в автомат.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Выходит на связь и комбриг, обеспокоенный медленным продвижением штурмовых групп. Но, зная обстановку на передке, он говорит: "Я не тороплю. Главное — беречь людей". Полковник Фоменко прекрасно осознает трудность задачи, доставшейся его подчиненным.

Проходит еще несколько минут, и комбат начинает нервничать. "Пока сами не пойдем, они дальше не продвинутся", — бросает он своему заместителю, и они первыми из нашей группы начинают перебежками двигаться к дому. Мы с бойцами тоже по одному перебегаем в небольшую впадину около разбитых снарядами гаражей, чтобы опять надолго застыть без движения. От лежания на холодной земле все сильнее мерзнут ноги, сырость заползает даже под теплую куртку.

С самой вершины склона по дому бьют танк, зенитная установка, миномет. Приподнимаю голову и вижу: снаряды рвутся всего в нескольких десятках метров, уничтожая ближние хозяйственные постройки.

Мы с Валерой по очереди перебегаем дальше, пока не оказываемся за прочной кирпичной стеной какого-то сарая. Здесь скопилось часть солдат и офицеров батальона. Видно: многие бойцы порядком измотаны. В большинстве своем невысоким и не слишком могучим солдатам нынешней рабоче-крестьянской армии нелегко выдерживать физические нагрузки, диктуемые военной обстановкой.

Откуда-то с крыши сарая часто стреляет наш пулеметчик, а вскоре к нам спрыгивает его помощник — ему надо заменить раскалившийся от стрельбы ствол ПК. За стенкой пальба то нарастает, то почти совсем стихает, перемежаясь хриплым командным матом. Улучив момент затишья, выглядываю из-за кирпичного укрытия. Удастся увидеть, как наши бойцы бегут к дому, поливая

окна очередями из автоматов. До пятиэтажки осталось каких-то два десятка метров.

Вскоре наступает и наша очередь двигаться к зданию. Проведенный и относительно безопасный путь — до фонарного столба, а затем вниз. Дом стоит в довольно глубокой впадине, поэтому его нижние этажи и оказались недоступны для нашей артиллерии.

Повинуясь взмаху руки незнакомо лейтенанта, с почти спринтерской скоростью добегаю до столба и вламываюсь в растущие на склоне кусты. Наконец-то "дома"! От пятиэтажного здания, несколько часов назад еще вполне целого, сейчас остались лишь руины. Три верхних этажа — бесформенные развалины. По груды кирпичей и обломков мы вскакиваем на полуразрушенный балкон первого этажа, над козырьком которого на прутьях арматуры удерживаются куски стен с верхних этажей, грозя в любую секунду свалиться нам на головы.

В маленькой комнате полно бойцов. На грязном топ-

чане в неловкой, скованной позе сидит раненый солдат из снайперской роты. Вражеская пуля попала ему в плечо. Однако бойцу еще повезло, ранение вроде бы не слишком тяжелое, а в батальоне есть уже один убитый — пулей в шею. Другая комната вых-

н а м и
н а

противоположную сторону, поэтому она и прихожая простреливаются чеченскими снайперами, и нам приходится стоять в дверном проеме, выходящем на лестничную площадку. Время от времени боевик, сидящий в соседней точно такой же, как наша, пятиэтажке, посылает очередь в окно комнаты, и пули с сухим щелканьем попадают в комод.

В прихожей есть стенной шкаф, в нем уместился низкорослый солдатик, обладатель странной клички Борман. Через простреливаемую прихожую ему перекидывают дымовые шашки, и он ползет на животе к окну. Чеченец в соседнем доме явно видит его движения, но пули не достают до пола, пролетают в двух десятках сантиметров над головой бойца. Тот сосредоточенно пыхтит, ползет быстрее и наконец попадает под защиту подоконника. Оттуда бросает за окно шашки — прикрыть тех, кто будет штурмовать следующее здание.

Вдруг совсем рядом чей-то бас ревет на чистом русском языке: “Сдавайтесь! Вы окружены, сопротивление бесполезно!” и еще что-то про горячий чай. “Наши, что ли?” — недоумевает кто-то из моих соседей. Один из солдат на мгновение выглядывает в дверной проем: “Нет, чечены”. В подтверждение густой бас начинает солировать: “Аллах акбар!”. Вскоре к нему присоединяются еще несколько голосов. “Крикните им, что мы их ... вертели, — просит балагур-снайпер. — А то я сам не могу, осип”.

Борману не сидится. Не обращая внимания на предостережения товарищей, он начинает какие-то сложные манипуляции и наконец извлекает из-под себя здоровенную швабру, на которую насаживает детское пальтишко. Импровизированное чучело, похоже, здорово разозлило чеченского автоматчика. Он начинает лупить в нашу комнату с удвоенной силой, и сверкающие зеле-

ным огнем трассирующие пули то и дело пролетают через проемы в стенах.

“Пусть себе стреляет, — ворчит все тот же бывалый снайпер. — Патроны только потратит, а потом мы-то уж с ним разберемся”. — “Когда там он их до конца потратит”, — вздыхает в ответ его товарищ, стоящий рядом с нами в дверном проеме. — Лично я здесь встречать 2001 год не намерен”. Через пару минут пуля чеченского бандита, срикошетив от стены, попадает ему в бок. “Задело меня, ранен”, — тихо произносит он, ослабевшими руками лапая место, в которое ударила пуля. Тихонько вдоль стеночки втаскиваем его в соседнюю безопасную комнату. Первого раненого в ней уже нет. Несмотря на огонь чеченских снайперов и гранатометчиков, к пятиэтажке прорвалась “бэха” и увезла “груз 300”.

Выходного отверстия нет — пуля осталась у бойца в животе, его перевязывают, вкалывают промедол, кладут на топчан. Он спокоен, даже не стонет, лишь кашляет и жалуется на сухость в горле. Над ним склоняется товарищ, утешая и успокаивая раненого извечными солдатскими прибаутками и обещаниями — предстоящей грандиозной гулянки после войны дома у ротного командира, про баб, которых нет уже полгода, и про орден, который теперь уж точно дадут.

Подкатывают розоватые сумерки. Мы с Валерием многозначительно переглядываемся — ситуация тухловатая. Вторую пятиэтажку захватить так и не удалось, на ночь нам остается только эта неудобная развалюха, к тому же еще и насквозь простреливаемая. Если чеченцы сумеют подтянуть подкрепление или просто пришлют из центра города свежую смену, удержать эту позицию будет очень непросто. Все мы изрядно замерзли и устали.

Справа от здания полыхают несколько частных домов — рабо-

тает третий батальон. Там сопротивление не очень сильное — бандиты предпочитают закрепляться в прочных многоэтажках. Однако мы знаем: там тоже есть потери. А второй батальон, действующий по левую руку, вроде бы занял двухэтажные здания, за которыми простирается стадион, по данным разведки, превращенный чеченцами в настоящий укрепрайон.

Вскоре оттуда, где, как мы считали, уже давно находятся наши, на второй этаж обрушивается шквал огня. Закрытый лоштинкой первый этаж вроде бы в безопасности, зато хорошо видно, как пули градом бьют в стену метром выше. Наши со второго этажа интенсивно отвечают из нескольких стволов. После пятнадцатиминутной перестрелки со второго этажа слышатся лютые матюги и крики...

Лиха беда начало. Через некоторое время дом содрогается от страшного удара, и без того хлипкие стены буквально ходят ходуном, с потолка сыплется штукатурка. Всем становится ясно: стреляет наш же танк, стоящий на горе (как выяснилось позже, снаряды действительно ложились очень близко, но непосредственно в дом, к счастью, не попал ни один). Естественно, мы поминем танкистов и их родню “незлым, тихим словом”. У одного из солдат за плечами здоровенная рация армейского образца, но она не может помочь нам связаться с ними — у старого барахла давно сели аккумуляторы...

Тем временем самые беззаботные зачищают подвал и, обнаружив в нем пару банок с маринованными помидорами, радостно хлещут из них рассол. А лежащему на диване раненому становится все хуже. Бээмпэшки, которая должна доставить его наверх, все нет. Ее мотор рычит вдалеке, сама она появляется в поле видимости, но до нас все никак не доедет — раненые есть и в других батальонах.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

“Бэха” подходит к дому почти в темноте. Чумазый механик-водитель появляется на разбитом балконе и сообщает, что мне тоже приказано возвращаться. Наскоро прощаюсь с остающимися, подхватываю раненого снайпера под мышку, а его винтовку использую в качестве посоха — он идет сам, но с большим трудом, и начинаем недолгий путь по каменной осыпи вниз, затем вверх, затем снова вниз к большой яме с мусором, где машина укрылась от бандитских гранатометчиков и снайперов. Наводчик-оператор, поводя стволом, прикрывает нас с тыла. “Давай познакомимся, что ли, — сипит раненый. — Я Сергея Егоров”.

Над “бэхой” нависает бетонный забор, под прикрытием которого собралось почти все управление батальона. “Еще один такой бой, и от нашего батальона ничего не останется”, — говорит мне молодой комбат. Пройдет меньше суток, и он сам попадет в госпиталь с ранением в голову.

“Мех” протестует против моей попытки проехать на броне. Как только мы выкарабкались из ямы, я по достоинству оценил его предостеречьность — по броне десантного отделения раз за разом щелкают автоматные пули. Древняя БМП-1 движется

так тяжело, что кажется, готова развалиться на запчасти в любую минуту.

Новая остановка у какого-то забора. Испуганные лица молодых солдат и посвист близких пуль. К нам садятся еще несколько легкораненых. Потом снова медленные передвижения и мучительно долгие, полные напряженной неизвестности остановки. Проломившись сквозь кустарник, мы снова оказываемся в двадцати метрах от дома — там, где первый батальон скапливался для броска несколько часов назад. Теперь здесь закрепилась часть третьего бата. Приносят двух раненых. У одного пуля прошла около сердца, он постанывает и пытается подняться, чтобы самому влезть в машину. Солдаты толпятся рядом, никто не знает, что делать — то ли помогать, то ли останавливать и укладывать его в машину лежащим. Вопрос решается сам собой, когда на зеленом пластиковом листе подносят еще одного, по-настоящему тяжелого. Куда ранен боец, сразу не поймешь — кровью залито все туловище, обмотанное бинтами. Пробуем поместить его в свободное десантное отделение, но никак не получается — парень очень высок и ноги просто не умещаются. Бээм-

пэшник спускается в башню и оттуда пытается втянуть верхнюю часть туловища, однако силенок не хватает. Так мы возимся несколько минут, а раненый стонет, сначала громко, потом все тише и тише. Позже мне сказали, что он так и не дождал до госпиталя... Всего за первый день штурма бригада потеряла четырех человек убитыми и семнадцать ранеными.

Соскочив с бээмпэшки около КНП, в свете множества костров вижу, что утром еще почти не тронутый войной лесок неузнаваемо преобразился. Собственно, никакого леса уже нет. На его месте стоит техника, выросли брезентовые шатры, открыты землянки.

Через несколько минут встречаю комбрига. Фоменко внешне спокоен, но голос выдает его внутреннее состояние. “Как видите, противник еще не сломлен, а сегодняшняя огневая подготовка из-за тумана оказалась недостаточно эффективной. Продвигаться будем, но очень медленно”, — веско говорит полковник. Его слова оказались пророческими.

Внизу под КНП лежал в темноте Грозный. Лишь несколько горящих домов нарушали однообразие мрачного пейзажа.

Завтра усталые и промерзшие роты и батальоны первого, и единственного, эшелона, не надеясь на скорый отдых, снова пойдут штурмовать укрепленные районы боевиков. К ним на помощь будут постепенно спускаться танки и БМП, втянется в бой и армейская пехота.

Они будут проходить по сто, а иной раз и по пятьдесят метров в сутки. И в конце концов выметут бандитов из многострадального города...

Александр БОРОДАЙ
Фото автора

Центральное ОУМТ и ВС МВД России объявляет о проведении открытых конкурсных торгов на размещение заказов на поставку продовольственных товаров на второй квартал 2000 года для обеспечения потребителей МВД РФ.

Все продовольствие должно соответствовать требованиям ГОСТов, оплата за поставленные товары будет производиться по факту их поставки в течение 30 банковских дней.

Конкурсная документация за плату в размере 6 рублей за печатный лист.

Срок окончания подачи заявок — 22 марта 2000 года.

Конкурс проводится 29 марта 2000 года по адресу: 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д.8. Контактный телефон/факс 361-82-73.

Факторы победы

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ

4 10 '99

Приборы наблюдения то застигало густым, удушливым дымом, то засвечивало оранжевым пламенем горящих строений дагестанского села Карамахи. Командир танка младший сержант Вячеслав Погудин уверенно выполнял поставленную командиром задачу: «Огнем уничтожить ваххабитов, скрывающихся в подвалах и на чердаках домов, расчистить дорогу наступающим мотострелкам».

За массивной тумбой из железобетона появился характерный силуэт.

— По гранатометчику, с ходу, осколочным... Огонь!

Корпус бронированной машины вздрогнул от выстрела. Прямое попадание! Взрыв мгновенно разворотил тумбу, похоронив под обломками террориста с «шайтан-трубой».

«Браво, парни! Работа на пять с плюсом!» — мысленно поблагодарил подчиненных за точную стрельбу младший сержант. Да, наводчик рядовой Роман Васильев, заряжающий рядовой Александр Адлер не подвели. Как по нотам управлял машиной механик-водитель рядовой Сергей Куч-

кин. Благодаря его быстрой реакции танк без промедления проскочил под падающими стропилами дгорающего дома.

Впереди — извилистый, словно ущелье, переулочек. В выбитом окне ближнего здания показался бородач с пулеметом.

— Цель слева, с короткой остановкой — уничтожить!

И этот фанатик не ушел от возмездия.

За пожарницей — околица. Рубеж достигнут в установленное время...

После боя старший начальник отметил уверенные, решительные действия атакующих, поставил в пример экипаж Вячеслава Погудина. Танкисты завершили бой без потерь, сохранили тяжелую машину в сложной обстановке, требующей непрерывного маневрирования на узких улочках села. Их снаряды метко поражали бандитские укрепления, живую силу противника.

Говоря об успехе экипажа, важно подчеркнуть ведущую роль сержанта, обеспечившего согласованную работу своих бойцов. Вячеслав Погудин

— опытный, прекрасно подготовленный младший командир. У него в подразделении непререкаемый авторитет специалиста, не только досконально знающего технику, вооружение, но и способного наилучшим образом выполнять конкретные обязанности подчиненных. Наводчика не раз посвящал в секреты меткого ведения огня с места, с коротких остановок и с ходу, в горно-лесистой местности. Перед наступлением на Карамахи провел тренировку с рядовым Васильевым, чтобы закрепить его навыки использования прицела в условиях ограниченной видимости. Моделируя командами различные ситуации, добился мгновенной реакции солдата на резкие изменения обстановки, присущие уличному бою. Для механика-водителя тоже нашлись поучительные советы.

— Если на горной дороге танк накренился, сохраняя спокойствие, не дергайся. Сразу ставь рычаги в первое положение. Когда машина замедлит ход, рычаг со стороны, противоположной обрыву, переводишь во второе положение и выворачиваешь

СЛУЖБА

от пропасти. Затем оба рычага возвращаешь в исходное положение и доводишь обороты двигателя до 1600-1800 в минуту — гусеницы прочно уцепятся за грунт, увеличивая тяговое движение брони. Помни, наш Т-62 выдерживает крен до 30 градусов: при штурме высот учитывай крутизну скатов. И еще. В горячке боя оберегай борта от ударов "духовских" гранатометчиков, — настаивал Погудин рядового Кучкина. — Согласовывай свои действия с работой наводчика, от тебя в немалой степени зависит точность каждого выстрела.

Не забыл командир и о заряжающем. Рядовой Адлер получил подробный инструктаж на случай возникновения пожара в отделении боевого управления танка: очень важно предотвратить от огня боеприпасы.

Спокойный, ровный тон распоряжений младшего сержанта перед суровым испытанием, его шутки по поводу капризной погоды и остроумные приколы в адрес "непримиримых"

поддерживали бодрый настрой солдат, укрепляли их моральный дух, убежденность в том, что не так страшен черт-ваххабит, как его малюют.

Этот пример приведен не случайно. Он красноречиво свидетельствует о возрастающей роли малых подразделений, значении их боевой слаженности в борьбе с незаконными вооруженными формированиями. Обратим внимание на существенный момент — подчиненные младшего сержанта Погудина вместе с другими экипажами, расчетами, мотострелковыми подразделениями атаковали ваххабитов стремительно, организованно, в соответствии с замыслом боя, указаниями о порядке взаимодействия по задачам, рубежам и времени. Так победили, дружным натиском сломив отчаянное сопротивление ваххабитов.

Боевая слаженность. Очень важный, актуальный для наших дней смысл заложен в этом понятии. Мощным вооружением оснащены армия и флот, сложная боевая техника на-

ходится и в руках военнослужащих внутренних войск МВД России. Она, как правило, содержится, обслуживается, применяется коллективами специалистов. При этом успех в огромной степени зависит от целенаправленных, согласованных усилий как в целом подразделений, частей, так и отдельных солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров.

Боевая слаженность — понятие конкретное. Она связана с точно выверенными категориями: задачами, нормативным временем, отведенным на их выполнение в исключительно сложных условиях, характерных для современной вооруженной борьбы. Фундамент боевой слаженности подразделений, частей, соединений закладывается кропотливой, повседневной работой в отделениях, расчетах, экипажах. Невелик численный состав этих воинских коллективов. Всего несколько человек. Но не в количестве дело. В народе недаром говорят:

“Мал золотник, да дорог”. Справедливая, не стареющая формула.

Вспомним огненные годы Великой Отечественной войны. Пекло Сталинградской битвы. В ее эпицентре небольшая группа бойцов во главе с сержантом Яковом Павловым, кстати, почти сверстником младшего сержанта Вячеслава Погудина, самоотверженно защищает обычный жилой дом. В историю это малоприметное здание вошло под названием “дом Павлова”.

Его малочисленные защитники показали поистине легендарную стойкость. Ведь фашисты более пятидесяти суток штурмовали павловскую твердыню, обрушили на нее лавину бомб, мин, снарядов. Тщетно! Горстка смельчаков, управляемая волевым, мужественным командиром, уничтожила больше немцев, чем потеряла их гитлеровская армия при взятии Парижа.

В трагической обстановке сержант Павлов за короткий срок тесно сплотил подчиненных, обеспечил четкую боевую слаженность автоматчиков, снайперов, пулеметчиков, саперов, а позже и артиллеристов. Именно это во многом способствовало успеху фронтовиков, громивших врага по-суворовски — не числом, а умением.

Славные традиции отцов и дедов живют!

Расчет, которым командует прапорщик Виктор Гаврилов, на протяжении нескольких лет является лучшим в части. Когда знакомишься с буднями небольшого коллектива, то приходишь к выводу, что его личный состав крепко спаян и действует в духе испытанного жизнью принципа: все — за одного, один — за всех. Здесь и в помине нет пресловутой дедовщины. Старослужащие являются внимательными и требовательными наставниками молодых воинов. Они с первых дней берут шефство над новичками, занимаются дополнительно по предметам, которые труднее усваиваются новобранцами, щедро делятся собственным опытом, тренируют молодежь на аппаратуре, технике.

Известно, что после приема пополнения в войсках наблюдается некото-

рое снижение качественных показателей как в учебе, так и в несении службы. Явление объяснимо. Однако совершенно нежелательно в интересах сохранения стабильного уровня боеготовности подразделений и частей.

Опыт расчета Гаврилова и других правофланговых доказывает: благодаря разумной заботе командиров о быстром становлении молодых солдат, сокращению сроков введения их в строй боевая слаженность подразделений остается неизменно на высоком уровне.

Поучительно и другое: прапорщик с максимальной отдачей использует время, отведенное расписанием для комплексных занятий по специальной подготовке, которая наиболее сложна для новичков. Показывая личный пример, он изо дня в день тренируется с ними в отработке нормативов непосредственно на технике. Причем обязательно требует, чтобы каждый номер расчета не только хорошо представлял себе то, чего он должен добиться на занятии, но и знал, каким способом, в какой срок, с каким качеством выполнить задание. Осуществляется этот процесс поэтапно. При достижении намеченной цели Гаврилов ставит перед начинающими специалистами новую, более сложную и ответственную задачу, поднимает планку требований. Так со ступеньки на ступеньку идет набор высоты.

Разумеется, при всем методическом мастерстве офицеров и прапорщиков всех звеньев боевая слаженность не может быть достигнута в классах, на учебных тренажерах. Главный экзамен обучаемых и обучающихся — на местности: в поле, в лесу, в горах, где проверяются все знания и навыки, морально-боевые и психологические качества военнослужащих, их готовность согласованно выполнять поставленные задачи, умело и решительно, с полным напряжением сил действовать в сложной обстановке.

Вот почему в системе боевой подготовки большое значение придается тактико-строевым занятиям, отработке задач, нормативов на танкодромах, стрельбищах, полигонах. Именно здесь все учебные вопросы,

темы, разделы обучения отрабатываются последовательно, по отдельным элементам. Каждый из них повторяется до тех пор, пока обучаемые не приобретут прочных навыков в быстром и правильном выполнении изучаемого приема индивидуально и в составе экипажа, отделения, расчета. Затем действия по всему учебному вопросу повторяются в целом.

Проиллюстрируем этот процесс на частном примере из практики обучения ведению разведки в горах.

Высокие скалы стискивают маленькую ложину. Цепкий кустарник, колючая вьющаяся трава покрывают крутые склоны. За каждым камнем, в каждой расщелине может затаиться “противник”. Надо своевременно его обнаружить, определить характер цели, расстояние до нее. Все это сделать быстро и точно.

— За острым обломком скалы — пулемет, — докладывает рядовой Константин Репин.

— Правильно, — тихо отзывается старший сержант Федор Чайков. — Определить расстояние.

— Триста метров.

— А если посмотреть внимательно?

— Двести пятьдесят.

— Нет. Здесь четыреста метров, — поправляет командир. — Наблюдайте за верхним ярусом.

— За поваленным деревом — гранатометчик, — докладывает солдат.

— Верно, — кивает Чайков. — Расстояние?

— Пятьсот метров.

— Точнее.

— Шестьсот.

— Не более трехсот пятидесяти...

Старший сержант на конкретном факте обстоятельно объясняет подчиненным, в чем корень ошибки молодого разведчика, почему он в первом случае приуменьшил дистанцию до цели, а во втором — увеличил. Разведка в горах имеет свои особенности. Вводя наблюдение за местностью, следует учитывать, что на ней кажущиеся расстояния сильно отличаются от действительных. Так, при взгляде сверху вниз горы скрадывают, уменьшают расстояния, а снизу вверх, наоборот, увеличивают.

Известно, что основным способом разведки в небольших подразделениях

СЛУЖБА

ях является наблюдение. Уметь его вести — дело нелегкое, тем более в горных условиях, где панорама местности резко изменяется даже при незначительных перемещениях человека. Ущелья, лоцины, скалы, густая растительность, неровный каменистый грунт — все это затрудняет обнаружение замаскированных объектов.

Как показывает опыт, лучше строить боевой порядок подразделения или группы при ведении разведки в горах треугольником: два парных дозора — впереди, один-два дозорных — сзади. В середине следует ядро с ручным пулеметом и гранатометом. Личный состав должен избегать скученности. Движение осуществляется скрытно, скачками от одних удобных для наблюдения укрытий до других. При этом тщательно соблюдаются все меры предосторожности и маскировки.

Коротко коснемся способов передвижения. Дозорный должен уметь бесшумно ходить по крутым склонам ущелий, без помех преодолевать любые горные препятствия. Существуют испытанные жизнью правила. Двигаться надо ровным шагом, слегка пригнувшись, не напрягаясь. Во время подъема корпус несколько наклонять вперед, ногу ставить на всю ступню, не делать рывков и частых остановок. Чем круче подъем, тем короче шаг.

На спуске корпус подается несколько назад. Ногу ставить на каблук, чтобы не поскользнуться. Шаг соответственно удлинится. При движении вне троп ноги следует ставить боком или елочкой, идти зигзагами, если позволяют обстановка и условия.

Несмотря на огромное разнообразие горного рельефа, почти каждое ущелье имеет вход и выход, иногда их несколько. Учитывая данную деталь, дозоры должны внимательно обследовать именно эти участки, так как чаще всего здесь неприятель будет располагать огневые и другие средства, оборудовать опорные пункты, устраивать засады.

Обнаружив объекты противника, намеченные для поражения, разведчику нужно тщательно продумать и грамотно передать соответствующие целеуказания, верно определить ори-

ентиры — хорошо видимые и выделяющиеся местные предметы или элементы рельефа, которые невозможно уничтожить огнем: гребни, отроги оврагов, скальные выступы, перекрестки дорог и троп...

В роте, где служит старший сержант Федор Чайков, этим и другим вопросам командиры уделяют самое пристальное внимание на практических занятиях. Добиваются, чтобы каждая разведгруппа работала как единый живой организм.

Умелое обучение военнослужащих согласованным действиям в составе отделений, экипажей, расчетов, постоянное закрепление навыков, необходимых для четкого выполнения функциональных обязанностей у группового оружия — залог победы на поле боя. Успех здесь сопутствует тем частям, где

занятия и тренировки проводятся планомерно, на высоком методическом уровне, с учетом опыта, накопленного в горячих точках. Однако эти слагаемые не исчерпывают возможностей совершенствования ратного мастерства. Жизнь войск, практика обучения и воспитания выдвигают в центр нашего внимания еще одну составляющую затронутой темы. Важную роль в боевом слаживании воинских коллективов играет состязательность — мощное средство мобилизации солдат правопорядка на дальнейшее повышение боеготовности подразделений и частей. Об этом речь в следующей статье.

Алексей ИВАНОВ
Фото Олега СМЕРНОВА

Женщина на войне

КОРОЛЕВА БЕНЗОКОЛОННЫ

На войне умер прапорщик. Не был ни ранен, ни контужен — сердце не выдержало. На замену из Питера прибыл другой специалист. Через два месяца чеченской командировки увезли в госпиталь и его, видимо, будет увольняться... Невеселые эти новости узнал между прочим, пока маялся ожиданием на КП группировки внутренних войск "Восток"...

Наконец подвернулась оказия до второго батальона — сейчас туда и по другим подразделениям бригады повезут горячее. Кидаю в кабину КамАЗа-бензовоза рюкзак, не без труда выдираю ноги из "чеченского асфальта" — этой опустыленной пластилиновой грязюки, лезу в застекленное светлое тепло...

— Кто поведет колонну? — спрашиваю сержанта Андрея Лошенкова, водителя, заранее освобождая место для третьего нашего спутника.

— Начальник склада ГСМ, — услышал я сквозь шум прогревающегося движка.

— А где он?

— Да вот ОНА, — кивнул Андрей, — бумаги подписывает.

В двух шагах от нашей машины стояла в группе солдат-водителей женщина. Сколько раз бывало, что в закамуфлированной массе военного народа, да если еще сумерки или туман, не сразу разглядишь представительницу прекрасной половины человечества. Прапорщика Антонову разглядел — белокурые волосы из-под шапки, яркая помада на губах. А когда поднялась в кабину, увидел и веселые, с задорными искорками глаза.

Наш путь по Гудермесу был недалек, успели обменяться несколькими фразами. Мне не надо было рыться в памяти, листать блокноты, чтобы уяснить — такую женщину на войне я еще не встречал. Писал про санинструкторов и поваров, писарей и связистов. Какие разные судьбы! Одна на войне вместе с мужем, а дети оставлены на попечение бабушки. У другой муж — адмирал на Камчатке, а она — прапорщик в Ачхой-Мартане. Третья потеряла мужа на войне, но войска не оставила, служит в спецназе. Еще одна совершает опасные гастроли по воюющему Кавказу, по-

ет для мальчишек-бойцов написанные здесь же песни об этой войне, внушая им главное: "Будем жить!"

И вот теперь новая знакомая — прапорщик Надежда Антонова.

"Королевой бензоколонны" я окрестил ее сразу. Пусть кто-то поморщится, дескать, фи, как не изящно. Ах, если б видели те скептики Надежду Дмитриевну в работе! Работа как раз та, что не осилили мужики, о которых упомянул в начале этих заметок. Повезло нашим командирам, что есть еще женщины в русских селеньях...

Пока второй батальон заливал солярку и бензин, привезенные накануне прапорщиком Антоновой с кизлярской базы, расспросил Надежду Дмитриевну об окопном житье-бытье, о службе, о семье.

В бригаду оперативного назначения Северо-Западного округа внутренних войск она пришла из погранвойск, в которых прослужила три года инструктором по вождению. Водила колонны в службе ВАИ погранвойск. На учениях "Запад — 95" довелось ей встречать и сопровождать на полигон самого дирек-

тора Федеральной пограничной службы генерал-полковника Николаева. Мимо такого неординарного факта не прошли корреспонденты газеты "Пограничник" — не просто запечатлели красивую женщину, но и заметили, что судьба Надежды Антоновой во многом уникальна. Попробуйте отыскать в войсках вторую женщину, которая имеет первый класс и водит военные колонны.

А когда закончились учения, она улетела в Таджикистан, где в составе группы особого назначения три с половиной месяца провела в Хорогском погранотряде. Сегодня она вправе утверждать, что выше гор чеченских могут быть только горы памирские. Высоту, на которой стояла их застава, местные прозвали "Двадцать бешеных собак" — то ли это перевод старинного наименования, то ли русские пограничники заслужили такое прозвище за свою злость и ярость по отношению к нарушителям. Ведь отряд занимался, причем рьяно и довольно успешно, борьбой с поставщиками оружия и наркотиков из соседнего Афганистана. Три заставы — в горах, в долине и в аэропорту — были словно копьё в горле у моджахедов-наркочурьеров. Чем занималась в группе Надежда? Во фронтовых условиях должна быть обеспечена максимальная взаимозаменяемость. Она кашеварила, раны-болячки ребятам лечила, машины водила — сама за рулем. Представьте зимние памирские перевалы, которые не всякий мужик одолеет...

Совсем девчонкой оставила она монотонную — не по ее живому характеру — профессию прядильщицы и пошла на курсы водителей. Принимать поначалу не хотели — не было даже восемнадцати. Но она убедила начальство: дескать, на день получения водительских прав как раз исполнится.

Флер романтики за столько лет не улетучился, наверное, именно поэтому работу свою, которую принято считать мужской, она делает с улыбкой, с задором.

Кто-то из упертых скептиков скажет: дело женщины — детей рожать. Она и тут улыбнется открыто

и лучисто — материнский долг исполняет исправно. Вправе сказать: "Три сына у меня — у кого больше?"

Старший, ему 23 года, служит по контракту в Таджикистане, в его подчинении три боевые машины пехоты, практически командир взвода. В части на хорошем счету. Спортсмен. Сам министр обороны маршал Сергеев на плацу перед строем вручал ему грамоту. Предлагают идти учиться на офицера. Но... Во-первых, сам признается, что за три года на "таджичке" страшно устал. А во-вторых, ждет его девушка. Ну посмотрим... Среднему — 18. Закончил лицей по специальности "повар-кондитер", работает коком на корабле, как у них говорят, "тянет вахту". Младшему 15, учится в школе. Муж тоже три года отслужил по контракту в погранвойсках, год был в Таджикистане. Сейчас на гражданке, специалист по контрольно-измерительным приборам и автоматике.

В 1997 году Надежда пришла во внутренние войска. Почему? В погранвойсках должность ефрейтора Антоновой сократили, сказали, что ВУС (военно-учетная специальность) не позволяет женщине быть водителем-инструктором.

И во внутренних войсках успела выпустить лишь одну группу. Водитель первого класса, доподготовку новобранцев она провела по-военному строго, по-матерински заботливо, понимая, что парни будут водить машины в очень непростой обстановке, на войне.

Снова попала под сокращение. Предложили принять склад автобронетехники. Служба не мед, конечно. А кому нынче легко?

— В Таджикистане, наверное, горы покруче, а тут — обстановка?

— Да, — соглашается Надежда Дмитриевна, — эта командировка очень сложная. Нагрузка двойная получается: и автосклад, и склад ГСМ на мне.

Вновь посоветовал на мужиков, которые ее "подставили": один помер, другой захворал.

— А мы-то с вами еще послужим? — спрашиваю, а сам боюсь, не усмотрела бы в этих словах дежурное

зрянное бодрчество. Прапорщик Антонова отвечает уверенно:

— В марте приеду сюда опять. Будем заниматься своим делом. Вы хотите знать мое мнение о внутренних войсках? Везде тяжело. Хорошо там, где нас нет. Особенно женщине тяжело. Но закаляемся, — добавляет с улыбкой.

— Значит, в командировку еще поедете?

— Если не поехать — это будет предательством.

Офицеры в бригаде рассказали, что "чехи" просто бесятся, когда видят эту блондинку, ведущую колонну бензовозов. Не далее как вчера их колонну обстреляли под Новогрозненским. Вдупили по техзамыканию, где с "зушкой" шел офицер автобронетанковой службы округа подполковник Владимир Янкин. Этот мужик — калач тертый, бывший морпех, сумел сориентироваться в обстановке. Так что можно сегодня королеве бензоколонны рассказывать о случившемся с улыбкой...

"Я уехала в край далекий,

Где холодные горы вокруг" — так писала она сыну в одном из писем. Здорово соскучилась по своим мужчинам...

Из Гудермеса до Моздока мы летели одной "вертушкой". Сидели рядом. Под шум винтов не очень-то поговоришь. Да и понятно было, что мыслями она уже дома.

Пусть долго живет Надежда...

* * *

Когда этот материал уже был написан, пришло известие, что колонна именно этой бригады попала в засаду. В бою погибла повар рядовой Ирина РЫЖОВА. В нынешней кавказской кампании погибли санинструктор сержант Ирина ЯНИНА, которой посмертно присвоено звание Героя России, и старший писарь ефрейтор Светлана ЛЯПИКАЛО.

Вечная вам память, наши боевые подруги...

Полковник Борис КАРПОВ

Фото автора

Загляните в душу солдата!

*Советуют командирам офицеры социально-психологической службы
Отдельной дивизии оперативного назначения*

Ровно год в Отдельной дивизии оперативного назначения существует социально-психологическая служба.

О целях и задачах, проблемах и достижениях в работе службы с ее начальником подполковником Андреем МУРАШКО беседует наш внештатный корреспондент капитан Александр КИРИЛЕНКО.

— Андрей Александрович, чем была вызвана необходимость создания вашей службы?

— Последние годы ознаменовались серьезными изменениями, коснувшимися внутренних войск в целом, и нашей дивизии в частности. Система политработы, которая эффективно функционировала долгое время, в одночасье была подвергнута кардинальному реформированию. Прибавьте к этому еще и то, что прекратилась подготовка специалистов для структур по работе с личным составом. Вчерашний командир взвода, получивший командное образование, приступал к исполнению обязанностей заместителя командира роты по работе с личным составом, фактически не имея для этого практической и теоретической базы. Безусловно, это обстоятельство наложило отпечаток на микроклимат в воинских коллективах и на качество воспитательной работы. В итоге это привело к росту числа нарушений воинской дисциплины, воинских преступлений, всплеску неуставных взаимоотношений.

Несколько лет назад, еще до того, как наша служба была официально утверждена, мы начали проводить в дивизии специальные социально-психологические исследования. Их результаты показали, что неуклонно снижается степень доверия военнослужащих к своим командирам в плане разрешения психологических проблем. К сожалению, ни командир взвода, ни командир роты, ни его заместитель по воспитательной работе ни тогда, ни в настоящее время не обладали и не обладают знаниями, профессиональными навыками по оказанию психологической поддержки.

Сама жизнь показала — необходим специалист, профессионально разбирающийся в нюансах человеческой психологии. Специалист, знающий путь к сердцу солдата, умеющий заглянуть ему в душу, а главное — стремящийся помочь ему в трудную минуту.

Так что, как это ни пафосно прозвучит, знания, умения и стремление помочь — вот те три столпа, на которых базируется работа нашей службы.

— Расскажите, пожалуйста, какие задачи на нее возложены?

— Задачи, которые перед нами стоят, ненадуманные. Они продиктованы жизнью и повседневной деятельностью воинских частей и подразделений. Судите сами. Прибыло в часть молодое пополнение. Что делает наша служба? Начинает детально изучать индивидуально-психологические

качества военнослужащих. На основе полученной информации прогнозируем их поведение во время служебно-боевой деятельности и вырабатываем рекомендации командирам по индивидуальной воспитательной работе.

Идем дальше. Бывает, что некоторые молодые воины тяжело привыкают к жестким армейским требованиям после вольготной гражданской жизни. И здесь мы приходим на помощь — обеспечиваем психологическую адаптацию новобранцев к условиям военной службы, формируем психологическую устойчивость в ходе боевой учебы и боевой подготовки. Мы организуем мероприятия по психологической реабилитации военнослужащих в ходе и после выполнения служебно-боевых задач в экстремальных условиях.

Наша служба постоянно изучает, анализирует и прогнозирует социально-психологические процессы в воинских коллективах и вырабатывает предложения по поддержанию в них здоровой морально-психологической обстановки. Стараемся осуществлять психологическое сопровождение военнослужащего срочной службы от первого до последнего дня его пребывания в части.

— На протяжении нашей беседы вы говорите только о срочниках. Интересно было бы узнать, как вы работаете с другими категориями военнослужащих?

— Для них и для членов их семей мы предлагаем психологические консультации, а при необхо-

димости проводим психокоррекционные мероприятия.

Кроме того, офицеры нашей службы принимают участие в работе кадровых органов. Помогаем кадровикам в осуществлении профессионально-психологического отбора кандидатов на службу по контракту, в изучении индивидуальных психологических качеств кандидатов на вышестоящие должности.

В самом тесном взаимодействии работаем с командирами всех уровней, с органами военного управления. Для них мы вырабатываем конкретные предложения, осуществляем психологическое консультирование по вопросам управленческой деятельности. Психолого-педагогическая подготовка, распространение социально-психологических знаний также относятся к нашей сфере деятельности.

— Да, задач очень много. Не могли бы вы конкретными примерами проиллюстрировать работу вашей службы?

— Мы разработали и направили в части методические рекомендации командованию, специалистам кадровых служб и психологам воинских частей по комплексному изучению и профессионально-психологическому отбору кандидатов на военную службу по контракту, рекомендации по психодиагностическому обследованию военнослужащих, прибывающих на пополнение в период учебных сборов.

Офицерами службы создана и внедрена в жизнь система работы должностных лиц воинской части по выплате единовременных денежных пособий и выдаче документов на право получения страховых сумм в случае страхового события. Нужный документ? Безусловно...

Хочется остановиться на разработанной новой форме личного дела военнослужащего, проходящего службу по призыву. Не считите за саморекламу, по отзывам офицеров дивизии, коллег из других соединений и офицеров

Главкомата, на сегодняшний день эта форма признана лучшей в войсках.

В комплект документов личного дела включены бланки психодиагностических методик, формализованные служебные и социально-психологические характеристики, социологическая анкета и многое другое.

К примеру, в нашей анкете тридцать шесть вопросов, и подопытные они так, что практически раскрывают любого человека.

— Андрей Александрович, а какова все-таки вероятность ошибки, промаха при анализе характеристик, результатов анкетирования и тестирования?

— Вероятность ошибки существует. Каждый человек индивидуален и сложен, психодиагностические методики, предназначенные для изучения его особенностей, дают лишь общие, приблизительные результаты. Но их прогностические свойства достаточно для того, чтобы познать личность и создать оптимальные условия для успешной деятельности человека, для его психологической поддержки и оказания ему необходимой помощи. К тому же полученные результаты впоследствии уточняются в процессе личного общения психолога с военнослужащим. При необходимости заводится индивидуальная карта психодинамического наблюдения и психокоррекции. В ней отражаются результаты работы психолога, что позволяет скорректировать поведение военнослужащего и оказать ему конкретную помощь.

И еще один пример из наших будней. Он касается рекомендаций командирам. Их мы записываем в личное дело военнослужащего, который по каким-то причинам не может выполнять весь объем служебно-боевых задач.

Выглядит это так. "Учитывая заявление рядового Иванова о том, что он не может в полном объеме исполнять обязанности военной службы по состоянию здоровья, рекомендую: 1. Реше-

ние о служебном использовании рядового Иванова и допуске его к выполнению служебно-боевых задач принять после проведения медицинского освидетельствования и получения заключения военно-врачебной комиссии. 2. Не привлекать рядового Иванова для выполнения служебных задач в отрыве от пункта постоянной дислокации, в карауле, а также с оружием. 3. Организовать переписку с родителями рядового Иванова на предмет выявления дополнительных сведений, касающихся его личной жизни до призыва на военную службу"

— Насколько действительна такая подсказка для командира?

— Если командир не хочет ломать дров, если он заинтересован в том, чтобы в его подразделении не было фактов неуставных взаимоотношений, попыток суицидов или отказов от выполнения служебно-боевых задач, то он обязательно воспользуется нашими рекомендациями. В противном же случае он рискует взять на себя всю полноту ответственности, если прогноз психолога подтвердится.

— То есть вы хотите сказать, что если командир игнорирует рекомендации психолога, он сам для себя становится как бы врагом?

— В общем-то да. Но, к счастью, таких командиров практически нет. Все прекрасно понимают, что мы работаем для их же пользы, и стараются оказать нам необходимую помощь и поддержку.

— В последнее время все чаще приходится слышать, что на протяжении всей службы военнослужащие находятся под постоянным воздействием психотравмирующих факторов. Не могли бы вы пояснить, что это за факторы и каким образом вы помогаете командирам сглаживать их негативное воздействие на подчиненных?

— Да, в процессе службы на наших солдат воздействует много психотравмирующих факторов.

Подполковник Мурашко беседует с одним из своих подопечных

Может, не очень сильных по эмоциональному воздействию, но действующих постоянно и достаточно длительное время. Это и монотонность воинской службы, и ограничение личностно значимой информации, и относительная групповая изоляция, и многое другое. Поэтому тот комплекс мероприятий, о котором я говорил выше и который мы проводим с момента прибытия военнослужащего в часть, позволяет командиру объективнее оценивать психический потенциал каждого солдата. А следовательно, эффективнее использовать свои возможности по влиянию на тех, у кого этот потенциал низкий, или же на тех, кто сам инициирует психотравмирующую обстановку.

— Андрей Александрович, насколько мне известно, психическое самочувствие зачастую напрямую связано с физическим здоровьем. Недаром же древние говорили: «В здоровом теле — здоровый дух». И, соответственно, наоборот. А вы в своей работе берете в расчет результаты медицинского освидетельствования призывников?

— Опыт показал, что военнослужащий, имеющий слабое здоровье, в первую очередь стано-

вится объектом воздействия — психологического или физического — со стороны отдельных сослуживцев. Над такими ребятами мы осуществляем психодинамическое наблюдение и психологическое сопровождение в процессе всей службы. По результатам призыва в каждой части дивизии составляются списки солдат с низкими адаптационными способностями и низкой нервно-психической устойчивостью, с признаками депрессивного состояния, имеющих в прошлом суицидальный опыт. Повторюсь: но одна из задач психолога и состоит в выявлении таких военнослужащих и оказании им помощи с первых дней службы. Мы считаем, что со временем, при условии эффективной работы офицеров, сержантского состава и психологов, практически каждый военнослужащий сможет адаптироваться к условиям воинской службы. А это значит, что меньше солдат будут ударяться в бега, значительно сократится число склонных к суициду. Да и проблема дедовщины во многом будет решена.

— Как-то мне довелось услышать оригинальное суждение о том, что работа войскового психолога сродни деятельности священника в приходе. И

что психологи так же свято хранят «тайну исповеди» своих подопечных. Так ли это на самом деле?

— Скажу больше — это один из основных принципов нашей работы! Даже мне — начальнику службы — мои подчиненные могут и не предоставлять всей информации по своей индивидуальной работе. Психолог взаимодействует с конкретной личностью, и только он может решать, какие выводы довести до сведения командиров, рекомендуя им, где и как использовать данного военнослужащего, какую помощь ему оказать. Мы руководствуемся врачебным правилом — «Не навреди!». Приоритет всегда отдается интересам личности.

— Андрей Александрович, и традиционный вопрос — каковы планы вашей службы на ближайшую перспективу?

— Больше всего мы страдаем от отсутствия специальных помещений для работы. Поэтому первый и главный пункт наших планов — это создание в дивизии центра, а в каждой воинской части, где есть штатный психолог, — комнаты психоэмоциональной регуляции и психического консультирования. Военнослужащие смогут там отдохнуть, расслабиться, сбросить с себя последствия стрессовой ситуации.

И второе — это организация дежурной службы «Телефон доверия». Мы хотим, чтобы военнослужащие дивизии, их родственники могли в любой момент непосредственно обратиться к командованию, а также получить консультации психолога или юриста. Уверен, что работа «Телефона доверия», с одной стороны, позволит оздоровить морально-психологическую обстановку в воинских коллективах, а с другой — поможет должностным лицам иметь более четкое представление о проблемах своих подчиненных.

Фото Александра КИРИЛЕНКО

Опыт прошлого

АТТЕСТАЦИЯ И ЧИНОПРОИЗВОДСТВО В РУССКОЙ АРМИИ

Стройная система аттестования офицерских кадров, сложившаяся в армии России к середине XIX века, постоянно совершенствовалась и была направлена на поддержание качественного состава военных кадров. Важность этого мероприятия особо подчеркивалась на страницах "Военного сборника" в 1911 году: "Система аттестаций имеет целью очистить армию от лишних, ненужных и, следовательно, вредных (в волевом, умственном или физическом отношениях), облегчить выдвижение в первые ряды сильных и способных".

Для оценки достоинств офицера, его деловых и моральных качеств была разработана целая система критериев. При аттестовании учитывались следующие качества офицера:

- энергия и сила духа, продолжительность положительных эмоций;
- ум — самостоятельный, синтетический, смелый, умеющий в каждом деле сразу найти его гвоздь;
- воля как устойчивое стремление к поставленной цели;
- мужество — умение преодолевать чувство самосохранения перед необходимостью идти на риск;
- присутствие духа, способность мыслить и принимать логические решения в экстремальной ситуации;
- умение повелевать собой и властвовать над массами;
- чувство долга и честолбия — главные стимулы энергической деятельности;
- любовь к военному делу.

Основные критерии были сформулированы с учетом интеллектуальных, нравственных и психологических качеств личности офицера как военачальника.

В различных документах — воинских уставах, положениях и инструкциях — ведущее место отводилось характеру офицера. "Все военное дело, — подчеркивалось в докладе военного министра императору, — лежит прежде всего на характере начальника, а потом уже фигурирует его ум, такт, знание".

Аттестация — документ, определяющий образ офицера, качества характера, которые и устанавливают степень полезности его службы. Военачальникам, всем офицерам внушалась мысль, что "закон аттестации стоит на страже интересов общего дела; служба офицера, его карьера не зависят ни от протекции, ни от случайностей, ни от умения ладить с окружающими (подлаживаться), а только лишь от его служебных достоинств; что оцениваться будет одна лишь польза, какую он сможет принести своему делу".

Аттестация рассматривалась как средство выдвижения вверх по служебной лестнице действительно достойных людей. Объективностью оценки достоинств офицера должна была служить вся система аттестования. Ежегодно каждому офицеру его начальник и вышестоящие кадровые органы давали аттестацию. Комиссия из штаб-офицеров войсковой части формулировала свой вывод и представляла его командиру на утверждение. От последнего требовались наблюдательность, опыт и знания, чтобы не ошибиться и объективно оценить подчиненного.

Основную аттестацию младших офицеров составляли их ротные, утверждал ее командир полка. На высших чинов, начиная со штаб-офицеров, основную аттестацию составлял

непосредственный начальник (от командира полка и выше).

При аттестации офицера требовалось оценивать "не диплом, не то, что человек уже дал и за что уже награжден, а то, что он дает и дать может".

Однако жизнь показывала другое. Процесс аттестования офицерского состава обнаружил сомнительные критерии оценок нравственных и профессиональных качеств офицера. Вышнее военное руководство разделяло их на два вида: добродетели мирного и добродетели военного времени.

Для мирного времени добродетели предполагали особый стиль поведения: "вовремя угодить или сказать слово начальнику", "втереть очки" на смуту; "поднести жене начальника букет цветов". Самостоятельность же офицера, отстаивание убеждений и прав, настойчивость и мужество — ценнейшие качества не только для военного времени, но и для мирного, расценивались как отсутствие служебного такта. "Зато гостеприимство, услужливость, проявляемые на всех поприщах, оцениваются очень высоко. Самолюбие, решительность, мужество, на этой бирже вовсе не котируются".

Способности и перспективы использования аттестуемого выражались следующими оценками: "выдающийся", "достоин производства вне очереди", "в первую очередь", "хороший", "удовлетворительный".

Обоснование критериев оценки личности офицера при аттестовании и чинопроизводстве в офицерской среде обсуждалось очень оживленно. Главные споры шли по двум положениям: продвижение офицера по принципу старшинства, или очередности, а так-

же оценка и выводы аттестации офицера.

Первое положение — продвижение в службе по принципу старшинства, или очередности. Мнения оказались противоположными, хотя аргументы за и против звучали достаточно убедительно. Сравним их и станем на свою точку зрения.

Защитники принципа старшинства, или очередности возводили его в ранг “справедливейшего закона”. Этот критерий не допускал прыжков через головы товарищей, не давал места личным симпатиям или антипатиям. Способствовал, в первую очередь, росту товарищеских отношений, что так важно в военной семье, признающей за догму принцип: один — за всех, и все — за одного.

Офицеры также считали: “рывок” в карьере младшего в ущерб старшему приводит к тому, что “за флагом” остаются незаметные труженики. “Мы только тогда можем спокойно служить, когда уверены в том, что придет наша очередь и мы получим должное. Это и есть справедливость”.

Противники принципа старшинства, или очередности утверждали: “Закон, нивелируя всех, убивает талант,

энергию, знания, что не в интересах дела. Не подогреваемый извне, не видящий никакого просвета талант, как растение без воздуха, погибает”.

Спокойно служить — это, по мнению противников старшинства, означает служить по ущербным заповедям: “Работа не волк, в лес не убежит”; “Дела не делай и от дела не бегай”; “На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся”; “День и ночь — сутки прочь”.

Видный русский военачальник А. А. Брусилов доказательно и жестко осуждал принцип очередности, который “подрезал” готовность офицеров к честной службе, называя его пресловутым. Он отмечал, что как бы успешно ни командовал ротой, эскадрой, полком, а отмечен повышением в звании и должности не будешь. Продвижение по службе в самой армии происходило медленно, и подавляющее большинство офицеров заканчивало ее в чине капитана или подполковника.

Самостоятельность, инициатива в работе, твердость в убеждениях и личный почин не поощрялись. А часть высшего начальства оценивала боеготовность войск только на церемониаль-

ном марше и по более или менее удачной маршрутовке судило об успехе боевого применения армии.

Только выдвижение способных, трудолюбивых работников знаменует прогресс, повышает требования, создает конкуренцию, без которой любое человеческое предприятие обречено на застой и прозябание. Все сильное по своей природе стремится к власти, к широкой сфере деятельности, где оно могло бы расправить свои крылья, приложить способности и знания.

К сожалению, при аттестовании на практике торжествовал консервативный по своей сути закон “продвижения по старшинству, или очередности”.

Критически относились офицеры и к выводам аттестации, особенно к оценке “выдающийся”. Большинство офицеров считало неприемлемым такое определение. Оно давалось многим аттестуемым скорее не по способностям, а как ничего не значащее поощрение. Журнал “Военный мир” по этому поводу в 1912 году писал: “В частях весьма охотно раздают этот высокий титул именно потому, что от этого никому нет никакого вреда, а носителю его — все же польза: польщено хотя бы

самолюбие. Этот титул "выдающийся" у нас обесценен, как обесценили мы в свое время высокие боевые награды, щедро раздаваемые за тыловые подвиги.

Определение "выдающийся" — это звук пустой, ничего никому не говорящий и никого ни к чему не обязывающий. Его придумали, как видно, для улады самолюбия — так оценивали большинство офицеров. Они же замечали: сегодня "все перевернулось". Емкие и призывные понятия приобретали другой, чаще иронический смысл. Теперь утверждают: "Плох тот офицер, который думает быть генералом".

Офицер, оцененный аттестационной комиссией как "выдающийся", считался обладателем всех "добродетелей" и рассматривался как кандидат на выдвижение. Однако офицерская общественность крайне негативно относилась к такой оценке. В жизни получалось наоборот: "Когда же во время войны с Японией, — писали офицеры, — потребовалось много офицеров для живого дела, то из этих "выдающихся" вряд ли отправились 10 процентов. Поехали же заурядные или те, кто имел спокойный для начальства характер".

Резкой критике со стороны офицеров подвергалось комплектование и работа аттестационных комиссий. Их закрытость и таинственность, наличие в составе комиссий офицерских чинов высокого ранга, совершенно не знающих аттестуемого офицера, беспелеяционность выводов комиссии угнетали служивый люд. Оспорить решение комиссии было вовсе невозможным, и судьба офицера оказывалась в руках некомпетентной комиссии. Один из военных журналов в 1910 г. писал: "Пока таинственность не перестанет окружать аттестационные комиссии, пока не будет предоставлено право обжаловать решения этих комиссий, до тех пор младший офицер будет испытывать страх за свою судьбу и искать случая избавиться от военной службы".

По понятиям передовых военных истинно "выдающимся" мог быть тот офицер, который любит свое дело, силен волей, тверд характером, полон инициативы, не теряет, религиозен и до мелочей честен, умен, военно образован и постоянно следит за прогрессом военного дела, крепкого здоровья (редко болеет), трудолюбив.

Среди выводов аттестации были и другие оценки, в частности "предупреждение о служебном несоответствии". Это означало, что если офицер не исправится, то будет уволен со службы. Если же провинившийся офицер был поставлен на "штрафное" положение, то он не получал повышения, пока оставался под "штрафом".

В печати того времени критике подвергалась и работа аттестационных комиссий высших инстанций. Так, журнал "Офицерская жизнь" писал: "Члены аттестационных комиссий, не знакомые с личностью аттестуемого, в силу своей невольной слепоты поддерживают лишь мнения прямого начальника и, как бы узаконивая эти мнения, снимают с начальства ответственность за последствия неправильных аттестаций".

Офицеры отмечали, что прежняя система, когда командир полка утверждал текст аттестации, была более эффективной. "Аттестацию в случае несогласия можно было обжаловать, и по расследовании, в случае обнаружения несправедливой оценки, восстанавливалась справедливая служебная репутация. Нынешнее решение комиссии обжаловать нельзя, ибо это бесконтрольно". Действительно, как могли члены дивизионных и корпусных комиссий, никогда не видевшие в глаза аттестуемого, определять его служебные и нравственные качества?

Высказывались разные мнения о содержании самой аттестации. Иной текст представлял собой "жизнеописание". Он походил на всестороннюю характеристику. Справедливо подчеркивалось, что частная жизнь может и должна отражаться в аттестации настолько, насколько она сказывается на службе офицера.

В иных аттестациях вещи не назывались своими именами. Особенно когда подчиненный заслуживал критической оценки. "Об отрицательных сторонах аттестуемого часто умалчивают вовсе, стараясь обойти их, или в лучшем случае высказываются... намеками".

Офицеров удивляла необъяснимая секретность аттестации. Они писали: "Ты мне скажи с открытым забралом: в чем обвиняешь? Я постараюсь либо исправить свои погрешности, либо отвергну возводимые обвинения. Ведь нет ничего некорректнее, чем обстреливать из-за угла".

Выступавшие со статьями и репликами в военных журналах и газетах вставали горой за отдание предпочтения тем, кто военную службу познал сполна, т.е. строевым офицерам, в первую очередь командирам рот. Причем до получения должности ротного необходимо быть в строю не менее двух лет, а для присвоения первого штаб-офицерского чина командовать ротой не менее трех лет.

Журнал "Офицерская жизнь" писал: "Справедливость требует, дабы все преимущества аттестации были предоставлены офицерам-строевикам, а не гастролерам, взирающим на строй как на необходимую и в высшей степени неприятную ступеньку в их нестроевой карьере".

Изучение документов и публикаций показывает: часть аттестаций писалась формально, оценки "скользили по поверхности". Многие аттестуемые с выводами "выдающийся", "вне очереди" боевого испытания не выдерживали. А не замеченные при аттестации офицеры в боевой обстановке неожиданно разворачивали свои духовные силы, обнаруживали выдающиеся военные качества. Военный историк тех лет Е.И.Мартынов утверждал, что в жизни офицеры талантливые, самостоятельные, инициативные зарабатывают репутацию неудобных, строптивых. А ограниченные, искусно подлаживающиеся к господствующим течениям, считаются умными и тактичными. Они через свою покладистость получают открытый доступ к высшим служебным назначениям.

Бывали и такие факты, когда, желая избавиться от плохого ротного командира, начальство представляло его к производству в подполковники, дабы скорее сплавить в другую часть. Об этом же говорил в своих воспоминаниях и А.А.Брусилов: "При известном русском добродушии и халатности зачастую случалось, что недостойного кандидата аттестовывали хорошо в надежде поскорей избавиться от него посредством нового, высшего назначения без неприятностей и жалоб со стороны обиженного. Я сильнейшим образом восставал против такого образа действий, и трудно себе представить, сколько у меня было неприятностей по этому поводу во время моего командования дивизией и двумя корпусами".

Выдвижению на более высокие дол-

жности препятствовала и установившаяся практика "не высовываться, ждать своей очереди". Она сдерживала талантливых и инициативных офицеров, не давала простора для роста. В жизни получалось так: аттестационные выводы — на бумаге, а назначение на высшие должности "вверялось случаю и протекции".

К концу XIX — началу XX века военный, общеобразовательный и культурный уровень офицерского корпуса русской армии заметно повысился. В руководстве частями от начальников всех степеней требовался новый стиль деятельности. Не окрики и оскорбления, а такта и уважения к подчиненным офицерам требовало время. Это хорошо понимали офицеры и генералы высшего звена военного руководства. В журнале "Офицерская жизнь" автор делится размышлениями о начальнике дивизии, который хорошо понял качества современного офицера: "Мне удалось вести продолжительную беседу с начальником дивизии. Собственно говоря, я позавидовал подчиненным этого генерала. Столь разумны его взгляды, и столь здраво смотрит он на дело. Офицерство, по его мнению, очень изменилось за последнее время. Нужен теперешнему начальнику авторитет, а не один кулак, готовый, подобно паровому молоту, с громом раздавить все попадающее на наковальню. Нужна громадная начитанность начальника и в области общекультурной. Нужно близкое соприкосновение генерала с выпускным подпоручиком. Нужна ответственность начальства за аттестации. Нужна работа сверху и снизу".

Оценить качества офицера объективно, глубоко и всесторонне, рассмотреть в нем еще нераскрытые возможности, мужественно сказать офицеру о служебных недостатках мог только принципиальный, смелый и заботливый начальник... Таким, например, был генерал от инфантерии М.И. Драгомиров — видный теоретик и педагог, начальник Академии Генерального штаба. Для современного российского военачальника определенный интерес представляет ознакомление с емкими, краткими и глубокими характеристиками, которые в порядке аттестации дал М. И. Драгомиров ряду генералов высшего военного звена армии России.

Приведем данные, некогда бывшие

под грифом "Весьма секретно", обнаруженные в фонде № 601 императора Николая II. Из многих характеристик, составленных М. И. Драгомировым, приведем только некоторые:

"Генерал-лейтенант Барсов — характерен, тверд, даже упорен, служака почтенный.

Генерал-лейтенант Зверев — честен, предан делу, добросовестен. Книжник. В поле терется.

Генерал-майор Отфиновский — давно по дряхлости нуждается в покое.

Генерал-лейтенант Липский — рачителен, добросовестен, толково деятельен.

Генерал-лейтенант Батьянов — весьма способный военный и боевой человек. К сожалению, любит высказывать. Скор и опрометчив в решениях. Пронырлив. Третью года в отпусках. Двуличен. В деле нужно держать на глазах.

Генерал-лейтенант Новицкий — энергичен, толков, тучен, но не борется.

Генерал-лейтенант Панютин — представительный боевой человек. Не прочь втереть очки делом, а особенно словом. Любит заниматься делами, к его специальности не относящимися.

Генерал-лейтенант Плаксин — отличный начальник дивизии, будет таким же корпусным, если Бог ему даст.

Генерал-лейтенант Хрипатацкий — весьма даровитый и разумный человек, но много говорит.

Генерал-лейтенант Филиппов — своеобразен и с заскоком. Путальник. Лучше под благовидным предлогом убирать.

Генерал-лейтенант Есаулов — исполнительен, не прочь порадовать родному человеку.

Генерал-лейтенант Домантович — был конь, да изъездился".

Выводы и оценки аттестации офицеров реализовывались в чинопроизводстве, которое также было достаточно инерционной системой.

Так, например, окончившие военные училища по первому разряду производились в поручики через три года; по второму разряду — через четыре. Прослужив дальнейшие 4 года, офицер получал чин капитана. В армейской пехоте срок этот растягивался до 10 лет, так как надо было дожидаться открытия вакансии ротного командира. Скачок из капитанов в подполковники офицеров пехоты был затяжным

и трудным. Вакансию батальонного командира нередко перехватывал офицер из гвардии. Большинство капитанов, прокомандовав ротой лет 15-18, достигнув предельного возраста (у обер-офицеров — 53 года), уходили в отставку подполковниками.

Как всегда, гвардия имела преимущества. При переходе из гвардии в армию капитан производился прямо в полковники, минуя чин подполковника.

Офицеры, награжденные орденом Св. Георгия, имели право вне срока получить следующий чин.

Стрелковые полковники по достижении предельного возраста со службы уходили в чине отставного генерал-майора.

Присвоение генеральского звания зависело от "высочайшего усмотрения". Никто не имел права просить генеральского чина, опережая своих сверстников.

На войне производство в очередной чин и получение новой должности проходило вне принципа "старшинства, или очередности", за боевые отличия.

В системе чинопроизводства особое место имело присвоение первичного офицерского звания. Для выпускника училища — это перелом в жизни. Для армии — новое поколение офицерского корпуса. С давнего времени в России существовало два неповторимых и всепрощающих праздника: Татьянин день — день окончания учебы в вузе; военный день — день производства в офицеры. За простутки выпускников-именинников в такой день "никто не ругает, никто не осудит". И даже сами выпускники — молодые офицеры — не осуждали себя. Встречались единицы, которые все же сожалели о походе в день выпуска. Вот как описывал и оценивал в своем дневнике вечер торжества один из произведенных офицеров:

"9 августа 1909 г.

Сегодня я произведен в офицеры. Я достиг цели. Как все рады, счастливы. Лица сияют, глаза горят, смех, шум, напряженный, радостный. Как все добры, великодушны. Забыты старые счеты. Руки крепко сжимаются у недавних врагов. Все счастливы, а счастье не знает зла.

10 августа 1909 г.

Вчера кутили... Ездили по садам, кафепантанам и много пили. Мне ка-

жется, что те, кто был искренне счастлив производством, этими похождениями загрязнили чистые минуты радости. Это мне пришло в голову при взгляде на лица многих товарищей: вчера еще сиявшие неподдельной радостью, молодой восторженностью, сегодня они были бледны, помяты, и трудно было предположить, что обладатели их чувствуют себя так же на вершине блаженства, как вчера.

...Я задал товарищу вопрос:

— Неужели тебе сейчас не стыдно вчерашнего?

— Нет! Чего мне стыдиться? По крайней мере есть что вспомнить. Потом, как же не повеселиться?!

Карьера офицера во многом определялась получением первоначального места службы. А оно зависело от самого офицера-выпускника, т.е. от качества сданных выпускных экзаменов. Лучшие по баллам брали такие "стоянки", как Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Одесса, Киев. Другие стремились в родные края. С низкими баллами ехали в отдаленные места, названные медвежьими углами, — туркестанские степи, Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток. Данная система назначения на должность и получения места стоянки "в порядке старшинства баллов" исключала протекционизм.

Юнкера-выпускники вносились в список по старшинству баллов. В присутствии училищного начальства и всех юнкеров каждый согласно этому списку выбирал вакансию в ту или другую часть, согласно перечню вакансий, присланному из Главного штаба.

Юнкера, желавшие пойти в гвардию, являлись заблаговременно к командиру соответствующего полка. На офицерском собрании происходило знакомство с юнкером. Если он производил благоприятное впечатление, то его фамилия сообщалась в Главный штаб.

И тем не менее в русской армии протекционизм существовал, создавая условия для карьеры далеко не самым способным офицерам, сдерживая рост достойных. Иной высокопоставленный генерал, заняв должность, стремился к внешней, показной стороне дела. Чувствуя свою устойчивость и будучи огражден от возможных неприятностей, он знал, что на своем месте останется до тех пор, пока преклонный возраст или неизлечимая болезнь

не приведут его к тихой пристани одного из высших государственных учреждений.

Было и такое. Иные офицеры считали: зачем рисковать на поле боя, когда золотые погоны можно получить и в приемной Его Превосходительства. Это был так называемый "придворный путь" военной карьеры. Для этого надо было уметь понравиться Его Превосходительству, войти в круг доверенных лиц — своеобразный "маленький двор", уметь рассказывать анекдоты, быть веселым собутыльником, ревностно выполнять домашние поручения супруги своего покровителя, быть просто "приятным во всех отношениях". Поднимается по иерархической лестнице высокая особа, и вместе с ней возвышаются все приближенные, занимаая все более высокие военные посты.

К тому же во время кутежей — разгульных попок, или, как тогда называли, "великосветских удовольствий" — создавались прочные связи, обеспечивавшие блестящую военную карьеру.

В чиновном производстве прошлого также обращает на себя внимание неадекватность высокого воинского звания занимаемой должности: генерал-лейтенант — смотритель музея; генерал-лейтенант — преподаватель черчения; генерал-майор — библиотекарь. Генеральские звания носили военнослужащие на железнодорожном транспорте и в пожарной службе. Количество генералов превосходило всякую логическую целесообразность.

Полковники, уходя из армии со вспомогательных должностей, производились в генерал-майоры. На 1400 генералов, состоявших в 1904 году на действительной службе, приходилось свыше 9000 отставных генералов. Подобная практика подрывала значение генеральского чина.

И тем не менее данная система оставалась незыблемой и объяснялась высокой значимостью офицерской службы. Полковник, отдавший армии десятки лет и теперь уходящий в отставку, нуждался не только в материальном обеспечении, но и в создании в обществе атмосферы уважения и почета. А почет напрямую зависел от степени чина. Журнал "Офицерская жизнь" в 1878 году писал: "Производство в очередной воинский чин — лучшая для отставника награда. Получен-

ный чин для него имеет большое значение в остальной его жизни. Его общественное положение повышается. Ведь чем выше чин, тем с большим уважением к тому и относятся".

В системе чиновного производства наблюдалось еще одно явление, отрицательно влиявшее на взаимоотношения между офицерами разных видов войск. Так, офицеры гвардии и Генерального штаба с легкостью неимоверной пробивались наверх, без особого труда получали на погоны очередные и внеочередные звезды и правительственные ордена. Росла трещина между выскочками из гвардии и Генерального штаба и армейскими офицерами. Последние были не в силах подниматься по служебной лестнице или поступить на учебу.

Помните, как А. Куприн писал про молодого подпоручика Ромашова, который мечтал о военной карьере и пытался поступить в академию? Рутинность службы в полку и бесперспективность рушили планы молодого офицера. Противостоять обстоятельствам он был не в силах: "Книги лежат уже девять месяцев на этажерке, и Гайнан (денщик. — С.Ч.) забывает сметать с них пыль, газеты с неразорванными бандеролями валяются под письменным столом, журнал больше не высылают за невзнос очередной полугодовой платы, а сам подпоручик Ромашов пьет много водки в собрании, имеет длинную, грязную и скучную связь с полковой дамой, с которой вместе обманывают ее чахоточного и ревнивого мужа, играет в штос и все чаще тяготеет к службой, и товарищами, и собственной жизнью". Чувствуете, как нелегко было армейскому офицеру сделать удачную служебную карьеру и получить высокий воинский чин?

Однако опыт аттестования и чиновного производства офицеров армии России XIX столетия является ценным национальным достоянием и в ряде моментов может быть использован в работе с офицерским составом современной Российской армии и внутренних войск.

**Подполковник
Сергей ЧИНЕННЫЙ,
кандидат исторических наук**

К Дню внутренних войск

ВНУТРЕННЯЯ СТРАЖА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

В № 9 нашего журнала за 1999 год под рубрикой "Недаром помнит вся Россия..." был опубликован материал "И стражники французов побивали...". Сегодня мы продолжаем рассказ об участии подразделений внутренней стражи в Отечественной войне 1812 года.

Отечественная война 1812 года стала серьезным испытанием для армии и Государства Российского. Посильную лепту в победу над французами внесла и внутренняя стража. К июню 1812 года в ее составе насчитывалось 42 батальона, 4 полубатальона и 406 инвалидных команд.

С самого начала кампании инспектор внутренней стражи генерал-майор и генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский находился при императоре в армии. Позднее, осенью, он был направлен в Подольскую и Вольнскую губернии для сбора и приемки лошадей взамен рекрутов. Помощь в

этом нелегком деле ему оказывали лично выбранные генералом офицеры внутренней стражи: полковник Куликовский, подполковники Вевер и Макаров, майор Фюрстенау. Командировка продолжалась до лета 1813 года. За это время было собрано около 13 тысяч лошадей. Император остался доволен, пожаловал Комаровского орденом Св. Владимира 2-й степени и поручил ему новое задание.

В соответствии с манифестом об общем рекрутском наборе от 21 августа 1813 года 22 губерниям предоставлялось право вместо набора на службу людей сдавать лошадей. По 4 кирасирских, 6 драгунских, 7 гусарских или уланских за одного рекрута. В результате проведенных мероприятий кавалерийские резервы генерала от кавалерии Кологривова пополнились почти 40 тыс. лошадей. За успешное выполнение поставленной задачи управляющий военным министерством князь А.И. Горчаков

представил Комаровского к чину генерал-лейтенанта. Однако император отклонил представление, и новый чин инспектор внутренней стражи получил только 30 августа 1816 года, как было сказано в приказе, "за отличие по службе".

Дополнительные обязанности в связи с началом войны были возложены и на окружных генералов. Так, начальник 7-го округа генерал-майор Н.Ю. Урусов сформировал в Костроме, Ярославле и Владимире 15 резервных пехотных батальонов. Начальнику 8-го округа генерал-майору В.А. Русанову в приказе по армии от 2 октября 1812 года главнокомандующий лично объявил благодарность за формирование 4 пехотных полков в Рязани и Тамбове и 2 егерских в Воронежке, "в коих люди в столь короткое время довольно доведены до познания службы и из коих значущая часть поступила на укомплектование гвардии".

Подразделения внутренней стра-

жи участвовали не только в подготовке и обучении резервов регулярной армии, но и в создании ополчения. Кутузов, будучи еще на должности начальника Санкт-Петербургского ополчения, предлагал "весь здешний батальон внутренней стражи при- дать к составу сего нового ополчения, оставив из него то число людей, которое постоянно уже при иных местах находится...". В соответствии с этим предложением все офицеры и нижние чины подразделения были равномерно распределены по дружинам — 20 человек в каждую. Подготовка ратников Новгородского ополчения проводилась по уездам силами местного губернского батальона и инвалидных команд. В подчинение начальника 3-го округа генерал-лейтенанта графа П. А. Толстого в ополчение поступили все батальоны и инвалидные роты Казанской, Пензенской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и Вятской губерний. В Твери при формировании батальона Великой княгини Екатерины Павловны в его состав для обучения были откомандированы унтер-офицеры и музыканты Тверского гарнизонного полубатальона и Московского гарнизонного полка. Впоследствии некоторые из них были оставлены в составе подразделения. Так, на конец 1814 года в батальоне Ея Величества из Тверского полубатальона состояли: фельдфебель Тимофей Росляков, унтер-офицеры Иван Абрамовский, Кондратий Щедрин, Леон Егоров, Спиридон Спиридонов, музыканты Осип Савельев и Андрей Литяков. По окончании войны, в 1815 году, все они, кроме музыкантов, были переведены в лейб-гвардии Егерский полк, что явилось признанием их боевых заслуг и опыта.

В Тульской губернии совместно с батальоном внутренней стражи несли службу жители города, снабженные пиками. Та же картина наблюдалась и в Калужской губернии. В письме главнокомандующего к гражданскому губернатору П.Н. Каверину разъяснялось, что "все предписания... и требования от войск команды особенно должны исполняемы быть начальством внутренней стражи беспрекословно". Объяснялось это еще и переводом губернии на военное положение. В самой Калуге бы-

ли усилены патрули, а нижние чины отряжены в уезды к земским судам и городничим.

В дополнение к "Положению для внутренней стражи" в августе были приняты правила о препровождении пленных. Они отправлялись с воинскими командами от внутренней стражи в Астраханскую, Пермскую, Оренбургскую, Саратовскую и Вятскую губернии. Поляков отправляли на Кавказ в Георгиевск, а испанцев и португальцев в Санкт-Петербург. Причем из-за нехватки людей чины стражи зачастую препровождали пленных не только до границ своих губерний, но и далее.

26 августа по постановлению главнокомандующего в Калуге был создан военно-временный ордонанс-гауз. На него возлагался полицейский надзор по военной части, а одной из основных функций стал прием и пересылка пленных. Создание этого учреждения, единственного в своем роде, стало одним из этапов по подготовке к объявлению Калужской губернии на военном положении, которое состоялось 28 августа. Город стал одним из основных пунктов пересылки пленных. С 26 августа по 1 сентября обязанности начальника ордонанс-гауза в должности плац-майора исполнял штабс-капитан Калужского внутреннего губернского батальона Амелита, но в связи с выступлением батальона он оставил эту должность. Первоначально военно-полицейский орган подчинялся командиру войсками в губернии, но в конце декабря он был переподчинен начальнику 3-го округа внутренней стражи генерал-майору И.Г. Мицкому, а на следующий год и до расформирования 14 августа — командиру Калужского губернского батальона майору Махову.

Для предотвращения грабежей и эпидемий в освобожденные населенные пункты сразу же вступали подразделения внутренней стражи. Так, уже через два дня после Малоярославского сражения, 14 октября, местная инвалидная команда прапорщика Ахмаментьева вступила в город для "восстановления... во всех частях прежнего порядка". В соответствии с распоряжением начальника 3-го округа генерал-майора Мицкого места захоронений тел окуривались мож-

жевельником и навозом, а для предохранения от пожаров и осуществления непрерывного курения выделялись караулы.

Подразделения внутренней стражи принимали непосредственное участие в боях. Первым скрестить свое оружие с противником довелось Гродненскому внутреннему гарнизонному батальону, входившему во 2-ю бригаду полковника Шица 4-го округа внутренней стражи. В его составе было немало ветеранов. Так, из 108 человек Гродненской штатной роты только 18 не участвовали в походах и сражениях. Возраст чинов был от 25 до 57 лет. Командовал батальоном майор Федор Карлович Фоше, бывший до этого гродненским плац-майором. 13 июня, сразу после получения известия о начале войны, в Гродно стали готовиться к эвакуации присутственных мест. Но она проводилась "с великим затруднением потому, что... некоторые даже и повеления об отправлении... не имели, кроме что о приготовлении к тому, но и сего не исполнили" — так рапортовал М.И. Платов главнокомандующему 2-й армией генералу от инфантерии князю П.И. Багратиону.

16 июня вплотную к городу подошли по белостокской дороге передовые части 8-го вестфальского корпуса Иеронима Бонапарта, а со стороны г. Августова через деревню Лососну — авангард 5-го польского корпуса Понятовского и заняли предместье Занеманский форштадт. Для обеспечения вывоза казенного имущества в городе остановился отряд Платова, состоявший из казачьих полков. Казаки заняли оборону на правом берегу Немана и вели перестрелку при поддержке команды, посланной от Гродненского батальона во главе с почтмейстером Высотиным и прапорщиком Ившининым, который здесь и погиб. Отряд продержался до вечера, когда Платов, "видя невозможность задержать неприятеля, не имея пехоты, кроме слабого и не имевшего порядочных ружей Гродненского батальона, спалил" мост и оставил город. Гродненскому батальону с транспортом "с казенными вещами, оружием и одного ж батальона с больными, в гродненском госпитале находившимися, главною аптекою и прочим" приказано было следовать

на Щучин, Белицу, Новогрудок, Кареличи, Турец, Мир, Новый Свержень, Камелу, Кайданов и Минск. Но по причине занятия последнего противником отряды отправились из Новогрудка к Бобруйску и далее в Чернигов, куда и прибыли благополучно в середине июля, кроме первого, который, будучи отправлен ранее других, пришел в Минск и был захвачен французами.

В конце сентября черниговский губернатор послал в г. Белицы на реке Соже отряд из Черниговского и Гродненского батальонов и выздоровевших в черниговском госпитале под общим командованием майора Фоса. Всего в нем было 2 штаб-офицера, 11 обер-офицеров и 636 нижних чинов. Он занял аванпосты по р. Сож от Белицы до местечка Чечерска.

В конце октября отряд получил предписание продвинуться частью сил к крепости Бобруйск и занять город Рогачев. 1-я и 2-я роты Гродненского батальона под командованием капитана Григория Ивановича Шишкина и подпоручика Сафрона Ивановича Кохановского-1* двинулись вперед: 1-я из местечка Шопетовичи, а 2-я из Чечерска. 2 ноября рота Кохановского-1 при селении Рыськове встретила с кавалерией неприятеля и, отразив ее, продолжила путь. На следующий день она подошла к селению Гроддцы, где в это время с превосходящими силами противника вел бой капитан Шишкин. 40 человек его роты, расстреляв все патроны, были уже взяты в плен, но прибытие подпоручика Кохановского-1 переломило ход сражения. Французов прогнали, а пленных освободили. Бой продолжался с 9 утра до 3 дня. За это время "1 ротой 36 человеками выстреляно каждым человеком по 45 патронов, 2-й ротой также 36 человек выстреляно каждым человеком по 50 патронов".

Объединившись, роты на другой день подошли к конечной точке маршрута — Рогачеву и, перестроившись, атаковали. "Неприятель [был] вытеснен и захвачен ими заготовленный в целости магазин". Роты остановились в городе.

Вскоре по причине отступления противника командир 2-й бригады полковник Шиц получил приказание от малороссийского генерал-губернатора снять охрану и возвратить отряд в Чернигов, где тот и был расформирован. Черниговский батальон приступил к своим обязанностям, а Гродненский с казенным обозом выступил обратно в Гродно, куда и прибыл в январе 1813 г.

Не менее тяжелые испытания выпали на долю Могилевского внутреннего гарнизонного батальона. По дороге со стороны г. Игумно на город надвигался корпус маршала Даву. 7 июля, после получения известия о появлении у местечка Княжица в 10 верстах к западу от Могилева французского авангарда, туда был послан по приказу гражданского губернатора графа Толстого могилевский полицмейстер Литвинов с 30 рядовыми батальона. Этот небольшой отряд попал на аванпосты неприятеля и, захватив пленного, рядового 3-го конно-егерского полка, доставил его начальству.

Вечером того же дня весь батальон под командованием полковника Коллена-1 выступил из своих казарм в Луполове к Виленским воротам. Он насчитывал не более 300 человек, поскольку от него были наряжены команды для сопровождения рекрутов, казны и казенных дел. В самом городе находились при разных должностях, кои не могли успеть к батальону и впоследствии пропали без вести: капитан Пустынников, штабс-капитан Замятин, поручик Скачков, подпоручики Бортников, Дубяков, Лужецкий, 5 унтер-офицеров, 145 рядовых и 15 нестроевых". Кроме того, от батальона "были выставлены караулы: один при офицере у Шкловских ворот а другой у Луполовского моста через р. Днепр". У продовольственно-магазина выставили заставу, а в сторону Княжиц отправили драгунскую команду батальона.

В городе помимо батальона находился слабый отряд полковника Гессера-2, шефа 2-го пионерного полка, состоявший из запасных трех ротных батальонов, 1, 5, 33 и 42-го егерских полков и минерной роты подполковника Сазонова (всего около 400 человек), и 664 рекрута. 8 июля в 4 часа утра с дороги из Княжиц на

Виленское поле перед городом выехали кавалерийские посты и на рысях пошли к заставе. Могилевский батальон встретил их огнем. Противник вынужден был отступить, но через час появилась французская пехота. Это был 25-й линейный полк. Пять его батальонов развернулись и повели наступление по Виленскому полю. За ними разворачивалось до 6 тыс. кавалерии. Могилевцы, ведя неравный бой, начали нести существенные потери. Часть французов направилась в обход правого фланга к Шкловским воротам, угрожая батальону, а другая ударила "в штыки". Не имея более возможности удерживать свою позицию, Могилевский батальон вместе с отрядом Грессора-2 "прошел около городского вала и выступил из города через Быховские ворота по дороге к деревне Дашковке (Салтановке). На месте остались только караулы и заставы, которые были полностью уничтожены. Вместе с батальоном из города выехал и губернатор граф Толстой, остававшийся в нем до последней возможности. Он даже не успел вывезти своего сына, который остался у одного священника под чужим именем.

По выходе из Могилева отряд разделился. Полковник Грессор-2 пошел отдельно, а батальон полковника Коллена-1 — далее по дороге, преследуемый стрелками. В 8 верстах от города французы дважды пытались отрезать путь у местечка Буйничи, "а потом за две версты вновь атаковали, но храбрые воины, невзирая на превосходное число силы неприятеля, имея при себе две городские пушки, пошли на штыки и, ружейными выстрелами прогнав неприятеля, пошли далее". В этом бою батальон потерял убитыми 4 рядовых и без вести пропавшими поручика Домбровского, подпоручика Далецкого, 2 унтер-офицеров и 12 рядовых. Все раненые были увезены с собой.

На другой день батальон с тяжестями был достигнут у деревни Салтановки двумя полками легкой пехоты и 3-м конно-егерским полком. Преследование длилось до деревни Дашковки, но окружить могилевцев французам так и не удалось, поскольку с флангов стражников прикрывала местность, а при нападении с фронта "батальон... делал несколько

* До революции в русской армии офицеры с одинаковыми фамилиями получали порядковые номера по старшинству.

залпов и брал под курок". У Дашковки на помощь полковнику Коллену-1 подоспел отряд Сысоева из 7-го корпуса генерал-лейтенанта Раевского, состоявший из тысячи казаков. Из засады они атаковали конных егерей. В плен попали 1 полковник, 8 офицеров и около 400 нижних чинов, а от двух пехотных полков в Могилев вернулось не более 100 человек. Все пленные поступили под охрану Могилевского батальона. За отличие П.И. Багратион приказал графу Толстому выдать всем раненым нижним чином по рублю, прочим по 50 копеек, а офицерам объявлена благодарность.

Смоленский внутренний гарнизонный батальон, входивший в состав 1-й бригады 3-го округа, с начала войны исполнял все возложенные на внутреннюю стражу обязанности. По мере приближения противника в городе скапливались пленные, которые препровождались небольшими партиями во внутренние губернии. Первый день штурма 4 августа батальон встретил на своем месте. Он занимал караулы, посты в городе, наряжал команды в помощь гражданским властям и на тушение пожаров. Вечером, после штурма, батальон получил под свою охрану пленных, а также гражданских арестантов, выступил из города и вместе с армией проследовал до Гжатска. Из этого города направился в Ярославль, куда и прибыл 21 сентября. Там он нес службу вместе с Костромским батальоном. Наряду со своими прямыми обязанностями эти подразделения участвовали в обучении ратников костромского ополчения, набор в которое начался 1 сентября. Формирование его завершилось к началу декабря, и всего было создано 4 пеших полка, 1 конный и особая команда общей численностью 10519 человек. Но Смоленский батальон оставил город, по-

лучив предписание от Кутузова выступать обратно, по очищении губерний от французов. Он остановился на некоторое время в г. Сычеве, ожидая повеления выступить в Смоленск.

Сычев был одним из немногих городов Смоленской губернии, не пострадавших во время нашествия. Это произошло во многом благодаря начальнику уездной инвалидной команды поручику Подлущкому. "Он, несмотря на оставление губернии и уход к Москве армии и гражданских властей, не оставил города, поддерживал в нем и уезде порядок караулами и дозорами, забирая в уезде мародеров и держа их под караулом... Примером своим удержал в городе всех служащих лиц и жителей на своих местах".

В состав Рижского внутреннего гарнизонного батальона вошли Рижская штатная губернская рота и 140 человек расформированного Рижского гарнизонного полка под командой подполковника Тромбино. Он и сформировал батальон в ноябре 1811 года.

Ввиду надвигающейся угрозы многие его офицеры пожелали перейти в полки полевой армии, а с мая "через день батальон двумя третями состава нес охрану правительственных учреждений, тюрем и острогов".

14 июня полк подполковника Тромбино получил экстренное предписание генерал-губернатора Рессы Эссена-1 о выступле-

нии в г. Пернов. На следующий день батальон в полном составе выступил по направлению к этому городу, составляя конвою гражданского губернатора и эвакуируемых присутственных мест. В Пернове он должен был соединиться с Митавским батальоном для совместного несения караульной службы. По приказу бригаадного командира, при проходе через г. Вольмар в нем была оставлена одна рота капитана Тоша. Оставшиеся две роты после небольшой задержки 23 июня продолжили свой путь и через два дня прибыли в г. Пернов, где и поступили в подчинение коменданта генерала Будбера. В городе батальон нес службу три с половиной месяца. И 6 сентября получил приказ о скорейшем выступлении к Пскову. К тому времени капитан Тош присоединился со своей ротой к батальону, и 9 числа выступил форсированным маршем из Пернова, прибыв 25 октября к месту назначения. В городе ожидали прибытия Баркляя-де-Толли. В батальоне стали срочно приводить в порядок обмундирование и амуницию после пятимесячного похода, готовясь к смотру. Эти усилия не прошли даром, военный министр остался доволен.

В связи с окончанием кампании батальон 7 января 1813 года выступил к месту своей постоянной дислокации. Но не скоро пришлось солдатам и офицерам увидеть Ригу. В Вольмаре был получен приказ генерал-губернатора Паулунчи о поступлении в ведение рекрутского присутствия в г. Введен. 21 января рижане прибыли в количестве 5 штаб-офицеров, 20 обер-офицеров, 585 нижних чинов. Рекрутский набор продолжался до начала июня. И к его концу в строю оставалось 4 штаб-офицера, 5 обер-офицеров, 195 нижних чинов. Кроме того, было выделено на составление резервных батальонов 4 обер-офицера, 2 унтер-офицера, 3 музыканта и 26 рядовых.

Дмитрий КАРАГОДИН,
член военно-исторического
клуба при Центральном музее
внутренних войск МВД России

1730 — 1800

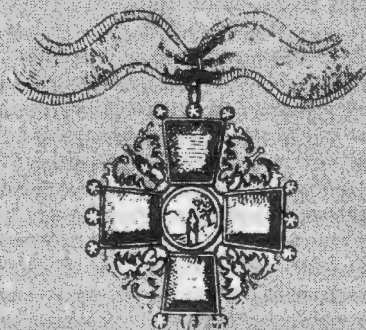
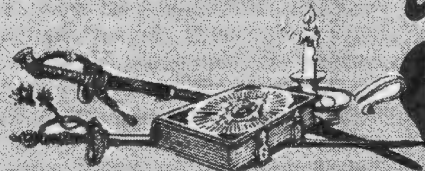
Суворов вернулся к армии в марте 1774 года, получив в команду 2-ю дивизию, стоявшую в устье реки Яломницы, составлявшую правый фланг армии его нового родственника — Румянцева. Соседом Суворова был энергичный и смелый генерал-поручик Михаил Федотович Каменский, командир отдельного корпуса. Два генерала согласились с тем, что следует не дожидаться нападения турок, а идти навстречу и разбить непри-

ходили Молдавия и Валахия. Черное и Азовское моря, а также проливы были открыты для русских торговых судов.

Летом 1774 года Суворов выехал из Бухареста в Москву и, повидавшись с отцом и женой, не теряя ни дня, помчался к генерал-аншефу Панину, командующему войсками, двинутыми на подавление вспыхнувшего осенью 1773 года восстания Емельяна Пугачева.

Вольдемар БАЛЯЗИН

Александр Васильевич СУВОРОВ

**Без добродетели
нет ни славы,
ни чести.**

А.В. Суворов

ятеля в его крепостях. Войска Суворова и Каменского 9 июня встретились в деревне Юменли, не зная того, что за ближайшим лесом, у деревни Башанту и в Козлуджи, стоит 40-тысячный корпус. Как только русские появились в узкой лесной ложине — дефиле, навстречу им ринулись конные албанцы, пытаясь окружить отряд Суворова, шедший впереди. Русская кавалерия бросилась назад, сам Суворов едва уцелел, но на выходе из дефиле он успел поставить четыре пехотных каре, а Каменский бросил навстречу албанцам свою конницу, и это решило исход боя. Противник ретировался к деревне Шумла, бросив 29 орудий и 107 знамен.

Сражение под Козлуджи было одним из последних в русско-турецкой войне, длившейся целых шесть лет. 10 июля 1774 года в деревне Кючук-Кайнарджи был подписан мир, по которому Турция признавала независимость Крымского ханства, перешедшего под протекторат России, переход к России Кабарды и междуречья Днепра и Буга. Под покровительство России пере-

В августе 1773 года в селениях Яицкого (Уральского) казачьего войска появился человек, утверждавший, что он чудом спасшийся император Петр III, которого жена его — Екатерина — свергла с прародительского престола. Он просил казаков помочь вернуть ему трон, за что обещал им землю и волю, и клялся, что будет справедливым "мужицким царем".

В сентябре в Заволжье началась крестьянская война. 5 октября повстанцы блокировали Оренбург и держали его в осаде пять месяцев. Карательные отряды, посланные на подавление мятежа, были разбиты один за другим, восстание охватило Южный Урал, часть Казанской губернии. На подавление пугачевского бунта были брошены кавалерийские полки генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова. 22 марта 1774 года войска Пугачева были разгромлены в генеральном сражении под Татищевой крепостью. Через два дня подполковник И.И. Михельсон разбил войска атамана Чики-Зарубина под Уфой, а самого его взял в плен.

В конце августа Суворов при-

Продолжение. Нач. в № 2

был в ставку Панина, размещавшуюся в селе Ухолово, между Шацком и Переяславцем-Рязанским, где ему было приказано отправляться в Царицын и принять командование над всеми отрядами, гнавшимися за уходящим на Дон Пугачевым.

Суворов ехал по территории, где бродили шайки пугачевцев, сопровождаемый одним адъютантом и одним ординарцем. Для того чтобы добраться до Царицына, они иногда выдавали себя за простолюдинов, иногда даже принимая "злодейское имя", спасаясь "от безчеловечной и безцестной смерти".

Прибыв в Царицын 2 сентября,

За конвоированием Пугачева неусыпно наблюдал сам Суворов

Суворов уже через день вывел в Заволжье отряд кавалеристов, казаков и пехотинцев, посаженных на телеги. Без воды и хлеба, идя днем по солнцу, а ночью — по звездам, Суворов 12 сентября вышел на реку Малый Узень и, разделив отряд на четыре части, двинулся разными дорогами к Большому Узеню, выжигая камыши, в которых прятались мятежники. Наконец, он напал на свежий след Пугачева и узнал, что самозванец повязан своими сообщниками и увезен в Яицкий городок. Промчавшись за девять суток 600 верст, 16 сентября он достиг городка, но здесь узнал, что Пугачев уже сдан коменданту Симонову. А ему так хотелось самому перехватить пленника! 1 октяб-

ря Пугачев под личным наблюдением Суворова вместе с женой и сыном был доставлен в Симбирск, откуда Панин отрапортовал Екатерине, что именно Суворову принадлежит честь поимки Пугачева. В январе 1775 года сразу после казни Пугачева Суворову была пожалована шпага с алмазами, и он снова уехал в Заволжье и на Урал уничтожать остатки повстанческих отрядов.

К лету его экспедиция закончилась, а в августе он уехал в Москву в связи со смертью отца...

Здесь начались крупные семейные неприятности из-за ветрености Варвары Ивановны, в также и его — что греха таить — неуживчивости, вспыльчивости и нетерпимости. Однако же главной причиной было то, что в Полтаву приехал дворянский племянник Александра Васильевича тридцатилетний секунд-майор Сергей Николаевич Суворов и у него с Варварой Ивановной наметился роман, впоследствии ставший причиной развода. Тогда еще до измены, кажется, дело не дошло, но роковое знакомство уже состоялось.

Суворов уехал в свое имение Опошню и прожил там всю зиму, дожидаясь, когда удовлетворят его просьбу о переводе в другую дивизию, и наконец получил назначение на Кубанскую линию. Там за три месяца он построил тридцать укреплений, и в апреле 1778 года был назначен в Крым командующим войсками вместо ушедшего в отставку Прозоровского.

Время было беспокойным. Трон под русским ставленником — ханом Шагин-Гиреем шатался, и турки не оставляли надежд, вопреки Кючук-Кайнарджийскому договору, возвратить Крым под свое владычество. Суворов по всему побережью расставил наблюдательные посты, взялся за строительство новых укреплений, установил сигнализацию между войсками и флотом.

16 мая был издан приказ по войскам Крымского корпуса, в котором содержалось подробное "наставление о порядке службы пехоты, кавалерии и казаков в лагере, на походе и в бою", изменявшее и дополнявшее Устав 1763 года.

В январе 1779 года Суворов выехал в отпуск в Полтаву, куда незадолго перед тем отправил в сопровождении своего племянника заболевших в Крыму лихорадкой жену и дочь. Приехав в Полтаву, он получил очевидные доказательства неверности Варвары Ивановны и быстро уехал в Астрахань для инспекции Моздокской линии. 3 февраля Суворов послал Румянцеву — теперь уже как своему родственнику — письмо, начинавшееся так: "Вашего Сиятельства гостеприимством пользовался я в Полтаве свыше недели и, оставя там мое семейство в разстройке и почти окончательной смертности, посетил через Астрахань — Кизляр — Моздок — Астраханскую уже выстроенную и

В ноябре 1776 года дорога Суворова лежала в Крым, где предстояло ему служить в корпусе князя Прозоровского — нового его родственника по жене, но не тестя, а дворянского дяди его жены — Александра Александровича. В Крыму получил он назначение "в полки Московской дивизии" и начал с того, что заместил Прозоровского на его должности, потому что командир корпуса заболел.

Вскоре заболел и Суворов, безделье и лихорадка вконец истомили его, и он попросился в отпуск и уехал в Полтаву, где жила его жена с двухлетней дочерью Наташей.

оселенную линию и по Кубани (где так же по укреплениям выстроено все) от Павловской крепости чрез коммуникационные на степь к Азову шанцы, Бердинскую линию возвратился". Кажется, проехав более двух тысяч верст, Суворов пришел в себя "от... почти окончательной смертельности", в которой оставил он в Полтаве "семе́йство свое".

В конце июля 1779 года, оставив в Крыму по приказу из Петербурга шестнадцатитысячный гарнизон, Суворов вывел с полуострова остальные войска, отправившись в Полтаву, где намечено было пребывание штаб-квартиры его Малороссийской дивизии. Здесь распри с женой дошли до того, что Суворов решил начать дело о разводе, но стараниями Прозоровских, Голицыных и даже самой Екатерины назревавшее скандальное предприятие было замято. Помирившись с Варварой Ивановной, Суворов вместе с нею и дочерью 24 января 1780 года выехал в Астрахань.

В Астрахани Суворов должен был готовиться к новому персидскому походу, но в Петербурге вскоре поняли всю фантастичность этой затеи и приказ отменили, а об Александре Васильевиче просто напросто забыли, и он почти два года был не у дел, числясь в командировке, но без всяких обязанностей, без командования.

Не привыкший к праздности, он попросил перевести его хоть куда-нибудь, но только 31 декабря 1781 года был подписан приказ о назначении Суворова командующим дивизией в Казань.

Но и в Казани пробыл он всего семь месяцев — уже в августе 1782 года ему было приказано отправиться в армию Потемкина и снова принять войска в Крыму. Но когда Суворов прибыл в Херсон, в ставку Потемкина, то получил в командование Кубанский корпус и 19 октября 1782 года прибыл в крепость Святого Димитрия (ныне Ростов-на-Дону), где стоял его штаб.

Прежде всего Суворову надлежало привести в российское подданство ногайские племена, жившие по Кубани. Они занимались не только скотоводством, но и земледелием, в значительной части своей были

уже не кочевниками, а оседлыми хлеборобами и огородниками, и потому многих из них Суворову удалось привести к присяге на верность России мирным путем. Старейшины принесли присягу 28 июня 1783 года, а ровно через месяц Суворов был награжден за это орденом Святого Владимира 1-й степени.

Однако Суворов не удовольствовался достигнутым и стал проводить переселение ногайцев в уральские степи. Это вызвало недовольство новых подданных, и 31 июля начался мятеж, разгромленный Суворовым без всякой пощады, после чего большинство ногайцев бежали за Кубань, надеясь на помощь своих единоверцев — турок. Вскоре к ногайцам и горцам Северного Кавказа бежал и крымский хан Шагин-Гирей, находившийся в Тамани не то почетным пленником, не то заложником русских.

Потемкин потребовал от Суворова "немедленного пресечения дерзости ногайцев", и 19 сентября на Кубань пошли 16 рот, 16 эскадронов, 16 орудий и 6 казачьих полков. В ночь на 1 октября Суворов соединился с 10 казачьими полками, приведенными с Дона походным атаманом Алексеем Ивановичем Иловайским, и сразу же переправился на южный берег Кубани.

Вся операция была проведена с величайшей осторожностью, и ногаи были захвачены врасплох.

После этого Суворов был отозван в Москву и в апреле стал командовать Владимирской дивизией. И хотя на новом месте обучением и воспитанием войск занимался он, как обычно, чрезвычайно много, но близость к его собственным владимирским вотчинам более всего привлекала внимание Суворова к состоянию дел именно там.

Сохранилось любопытное его письмо к крестьянам села Кистошь, написанное в августе 1785 года, в котором Суворов выступает и как просветитель и христианин, заботящийся о жизни и здоровье крестьянских детей, и как рачительный хозяин и эконом.

В начале письма он приводит дурной пример удольских крестьян, которые не были чадолюбивы "и недавно в малых детях терпели жалостный убыток. В оспе ребят от простуды не укрывали, дверь и окошки оставляли полые и ненадежащим их питали... Порочный, корыстолюбивый постой проезжих

тому главной причиной, ибо в таком случае пекутся о постояльцах, а детей не блодут. Свидетельствует то и последняя ревизия, сколь мало мои деревни против прочих умножились. А потому имеющим в оспе и кори детей отнюдь не пускать приезжающих, и где эта несчастная болезнь окажется, то с этим домом все сообщения пресечь, ибо той болезни прилипчивее нет".

Во второй половине года наступил окончательный разрыв между супругами. Девятилетнюю дочь Наталью Александр Васильевич поместил на воспитание в Смольный институт, а только что родившегося сына Аркадия оставил при матери, тем более, что не считал его своим сыном, полагая, что мальчик — плод преступной связи Варвары Ивановны с его племянником. Только через несколько лет признал он Аркадия сыном, убедившись во множестве черт, присущих ему самому.

В частности, из-за того, что жизнь Суворова была осложнена недавними семейными обстоятельствами, его перевели в Петербург командующим Петербургской дивизией и 22 сентября 1786 года произвели в генерал-аншефы — последний генеральский чин перед фельдмаршалом. Ожидая нового назначения, ибо чаще всего новый чин вел и к перемене должности, и к перемене места, Суворов мог уделять внимание и своим хозяйственным делам. Сохранилось еще одно его письмо. Послано оно было тем самым "нечадолюбивым" удольским крестьянам, которые к тому же еще оказались и корыстолюбивы.

Вот это письмо, во многом поучительное и сегодня.

"Лень рождается от изобилия. Так и здесь оная произошла издавна от излишества земли и от легких оброков. В привычку вошло пахать иные земли без навоза, отчего земля вырождается и из года в год приносит плоды хуже. Под посев пахать столько, сколько по числу скотин навоз обнять может. Я наистрожайше настаивать буду на разноможении рогатого скота и за нерадение о том жестоко вначале старосту, а потом всех наказывать буду.

У крестьянина Михаила Иванова одна корова! Следовало бы старос-

ту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михайлу дожить до одной коровы. Но на сей раз — в первый и последний — прощается. Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег. Сие делаю не в потворство и объявляю, чтобы впредь на то же еще — никому не надеяться. Богатых и исправных крестьян и крестьян скудных различать и первым пособлять в подачах и работах беднякам. Особливо почитать таких неимущих, у кого много малолетних детей. Того ради Михайле Иванову сверх коровы купить еще из моих денег шапку в рубль...”

Увеличение числа детей, а следовательно и будущих работников, Суворов почитал первой крестьянской добродетелью. Недаром любил он повторять: “Крестьянин богатеет не деньгами, а детьми — от детей ему и деньги”.

Как он и ожидал, недавнее повышение в чине повело его к новому месту службы и к новой должности. 6 января 1787 года переведен был Александр Васильевич командиром дивизии в Кременчуг, в армию фельдмаршала светлейшего князя Потемкина-Таврического.

Новое назначение Суворова было не в последнюю очередь связано с предстоящим путешествием Екатерины в Новороссию и Крым — области, не только присоединенные к России Потемкиным, но и превращенные его трудами и заботами в цветущий край, где были распаханы тысячи десятин земли, построены новые города — Симферополь, Екатеринослав, Николаев, Херсон, Одесса, создан Черноморский флот и военно-морская крепость Севастополь, многочисленны кораблестроительные верфи, мануфактуры и фабрики.

Показ всего этого императрица Потемкин считал чрезвычайно важной государственной задачей, и составной частью намеченного великого действия были многочисленные военные парады и смотры. И потому, приехав в Кременчуг, куда Екатерина должна была пожаловать по пути в Новороссию, Суворов едва ли не впервые в жизни самым серьезнейшим образом занялся фронтонтом и эскерцией, готовя дивизию к императорскому смотру, обратив сугубое внимание и на па-

радное обмундирование, и на все мелочи формы.

30 апреля 1787 года в Кременчуге состоялся смотр, после которого Екатерина написала своему многолетнему почитателю и корреспонденту барону Фридриху Гримму: “Суворовское войско, которое видела я в Кременчуге, превосходнейшее, какое только можно встретить”.

После смотра Суворов был приглашен в свиту Екатерины и сопровождал ее до Херсона. Когда императрица возвращалась обратно, был устроен еще один смотр, также приведший ее в восхищение. После того Суворов сопровождал государыню до Полтавы, где присутствовал вместе с нею и всей ее свитой на полутеатрализованном действе — маневрах на историческом поле боя под Полтавой, где в строгом соответствии с минувшей действительностью сошлись два корпуса, один из которых изображал армию Петра Великого, другой — армию Карла XII. “Русским” корпусом командовал Кутузов и по окончании маневров получил из рук Екатерины орден Святого Владимира 2-й степени.

А 13 августа — через два месяца после маневров под Полтавой — началась новая русско-турецкая война, в которой Суворов и Кутузов встретились снова. На сей раз Суворов получил под команду один из пяти корпусов Екатеринославской армии Потемкина, расквартированный в Херсоно-Кинбурнском районе, где ожидался первый удар турок. Суворов сразу же начал строительство береговых укреплений, хорошо вооружил речную флотилию, базировавшуюся в Глубокой пристани, и особенно сильно укрепил Херсон.

Однако вскоре перебежчики-греки сообщили, что турки готовят нападение не на Херсон, а на Кинбурн. Суворов тотчас же отправился туда сам, двинув в Кинбурн подкрепления, и приказал всему флоту идти из Глубокой туда же. Он подошел к Кинбурну — старой крепости на одноименной косе, между Днепровско-Бугским и Ягорельцким лиманами Черного моря — когда в виду крепости уже крейсировала большая турецкая эскадра.

Двое суток турецкий флот бом-

бардировал Кинбурн, а затем наступило затишье, которое Суворов использовал для энергичной подготовки к отражению неизбежного десанта. Он скрытно разместил на берегу косы пехоту и артиллерию и стал ждать развития событий. Вскоре подошла еще одна турецкая эскадра, а на помощь Черноморского флота рассчитывать не приходилось, ибо он накануне попал в жестокую бурю и не был в состоянии выйти в море. На рассвете 1 октября бомбардировка возобновилась с новой силой, и в 9 часов утра турки стали высаживать на косу сразу два десанта — в двух и в двенадцати верстах от крепости.

Суворов послал один полк на встречу дальнему десанту, а второму полку объявил: “Пока постоит, братцы: пускай все вылезут”, а сам пошел в церковь, так как 1 октября был праздник Покрова.

Турки — 5000 отборных янычар — быстро пошли к крепости. Суворов же приказал подпустить их как можно ближе, потому что при таком развитии событий турецкий флот уже не мог обстреливать Кинбурн, опасаясь поразить своих. Суворов внезапно вышел из крепости с 1500 пехотинцев и бросился в штыки. Завязался жесточайший рукопашный бой, проходивший с переменным успехом, — отступали то турки, то русские. Суворова, шедшего в первых рядах, едва не убили — его спас рядовой Шлиссельбургского полка Степан Новиков, уложивший в рукопашном бою штыком и прикладом трех янычар. Через несколько часов Суворов был ранен картечью под сердце и потерял сознание. Русские было побежали, но к этому времени подоспели свежие силы — шесть пехотных рот, легкая конница и казаки — и, дружно ударив на неприятеля, сбросили десант в море. Во время заключительного этапа боя Суворов был ранен еще раз — в левую руку. Турки потеряли 4500 человек, русские — 1000.

За “спасение Кинбурна”, как назвала подвиг Суворова Екатерина, был он пожалован орденом Андрея Первозванного. В рескрипте, приложенном к ордену, императрица писала: “Вы оное заслужили верою и верностью”.

На зиму Суворов остался в Кинбурне, тяжело перенося последние ранения. Лишь 16 июля вернулся он в строй и тут же отправился под Очаков — еще одну сильную турец-

кую крепость, расположенную в виду Кинбурна, которую минувшей весной осадил Потемкин.

Военные действия под Очаковым шли вяло. Блокировав крепость 1 июля, Потемкин все никак не приступал к осаде и не готовился к штурму. Прибыв под Очаков, Суворов весьма лапидарно изложил свое понимание решения ситуации: "Бить брешь с флота, в нижнюю стену. Успех — штурм, одним взглядением крепости не возьмешь".

В это же время под Очаков подошел Бугский егерский корпус Кутзова.

27 июля турки произвели сильную вылазку из крепости, сбили на левом фланге пикеты бугских казаков, но были остановлены любимым полком Суворова — Фанагорийским.

Затем Суворов сам бросился в бой с гренадерским батальоном и, заставив противника отступить, бросил в атаку еще один батальон, решив ворваться на плечах неприятеля в Очаков.

Потемкин, наблюдавший за боем, четыре раза посылал адъютантов с одним и тем же приказом: "Немедленно вернуться в лагерь", но Суворов продолжал бой. Русские уже потеряли более 500 человек, когда Суворов был ранен в шею и приказал принявшему от него командование генерал-поручику Юрию Богдановичу Бибику отходить. Но было уже поздно — русские побежали.

Потемкин потребовал объяснений. Суворов обиделся и через пять дней уехал в Кинбурн. Там он заболел лихорадкой, дыхание его было затруднено, сильно болела новая рана, начались частые обмороки. Дело дошло до созыва консилиума. Суворов не вставал с постели больше месяца.

18 августа в довершение всех случившихся с ним несчастий рядом с его домом взорвалась артиллерийская лаборатория, в которой заряжались порохом бомбы: одной из них была пробита стена комнаты, где он лежал. Кусками щепы Суворова ранило в лицо, в правую руку и обе ноги и взрывной волной выкинуло за порог. После этого его перевезли в Херсон, а затем в Кременчуг.

В конце 1788 года Суворов узнал, что 6 декабря Очаков пал после

ожесточенного, кровавого штурма. Светлейший же отправился в триумфальное путешествие по Новороссии, где в каждом городе встречали его, как царя, — пушечным салютом, колокольным звоном, фейерверками и несочетаемыми балами. По природе неолобивый и отдававший должное военным талантам Суворова, Потемкин почти одновременно с Суворовым приехал в Петербург, где они оба были на одних и тех же приемах в Зимнем дворце и Эрмитаже. Потемкин представил Александра Васильевича к награде, и Екатерина подарила ему бриллиантовое перо на шляпу с буквой "К", что означало "Кинбурн".

В эти же дни получил он и новое назначение: ему следовало поехать в передовой корпус Молдавской армии и принять там 2-ю дивизию.

25 апреля 1789 года Суворов выехал из Петербурга в Кишинев и вскоре предстал перед генерал-аншефом князем Николаем Васильевичем Репниным, исполнявшим в

ления, тем более не мог начинать новую кампанию с ретирады и решил не выполнять приказа Репнина. Прибыв в Бырлад, Суворов вошел в тесный контакт со стоявшим неподалеку союзным России австрийским корпусом под командой принца Фридриха Кобурга, человека храброго и прямого, что весьма импонировало Александру Васильевичу. Суворов быстро установил с принцем непосредственный контакт и, выполняя наказ Потемкина "не терпеть впереди себя неприятельских скопищ", вечером 16 июля двинулся на соединение с австрийцами.

В его отряд входило три пехотных полка, три полка конных карабинеров, два казачьих полка и 15 орудий. Войска Суворова шли без отдыха целые сутки, и он, приведя их к австрийскому отряду, сразу же приказал ложиться спать, а затем велел отдыхать и целый следующий день.

Принц еще утром пригласил Суворова к себе, но Александр Ва-

Ранение Суворова в бою за Кинбурн

отсутствие Потемкина должность главнокомандующего. Репнин ознакомил его с планом предстоящей кампании и сказал, что в этом году боевые действия станут вестись в Бессарабии, а на Валахию мы никаких видов иметь не должны.

Поэтому Репнин приказал отвести 2-ю дивизию от города Бырлада за реку Васлуй.

Суворов, не терпевший отступ-

сильевич отговаривался разными причинами и на свидание не шел. Кобург не мог понять столь странного поведения, как вдруг в полночь с 18 на 19 июля ему привезли от Суворова записку: "Войска выступают в два часа ночи тремя колоннами. Русские — в средней колонне. Неприятеля атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими поисками ни вправо, ни влево". Су-

воров поступил так, опасаясь, что принц Кобург, к тому же и старший по званию, примет командование на себя, еще и потому, что его корпус состоял из двенадцати тысяч солдат и офицеров, а у Суворова было всего пять тысяч.

Получив среди ночи записку, Кобург оказался поставленным перед фактом и немедленно двинулся по маршруту, приложенному к записке. 21 июля еще в темноте союзники форсировали реку Путну и в четыре часа утра выстроили пехоту в пять каре, расположив их в шахматном порядке, а в третьей линии поставив конницу.

Союзники легко сбили с позиций шесть тысяч янычар, прогнали их через лес и вскоре вышли к окраинам города Фокшаны, который собрались оборонять 30 тысяч турок во главе с Дервиш-Мухаммедом, занявшим позиции в окопах и за земляными брустверами.

Дружной атакой, подтаскивая на руках орудия, союзники выбили турок из окопов, и большая их часть побежала, а меньшинство, соблюдая порядок, отошло в болгарский монастырь святого Самуила, находившийся в тылу неприятеля. Кавалерия погналась за бегущими, а пехота союзников тут же окружила монастырь, и в то же время артиллерия открыла по обители сильный огонь, продолжавшийся более часа. Когда в стенах были пробиты бреши, русские и австрийцы ворвались во двор монастыря и перебили его защитников. Лежащие рядом Фокшаны были заняты без выстрела. Турки потеряли до полутора тысяч человек и 15 пушек, союзники — в два раза меньше солдат и офицеров и ни одного орудия.

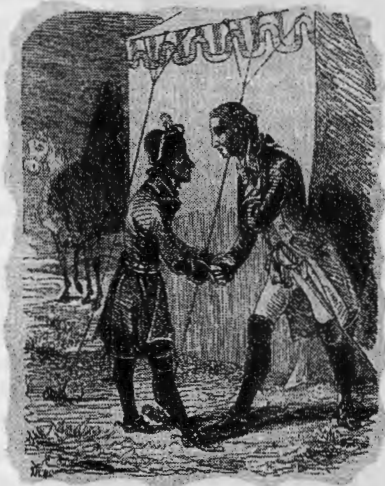
Суворов настаивал в рапорте Репнину на развитии успеха, но генерал-аншеф категорически приказал ему возвращаться в Бырлад. Скрепя сердце Суворов выполнил приказ и здесь провел в бездействии весь август. К этому времени в армии вернулся Потемкин, приказав Суворову и Репнину начинать наступление.

За Фокшаны Суворов получил бриллиантовый крест и звезду к ордену Андрея Первозванного, а от австрийского императора — золотую табакерку, усыпанную бриллиантами.

Выполняя приказ Потемкина, Суворов двинулся вперед и 4 сентября получил извещение, что великий визирь идет во главе 100-тыся-

чной армии к реке Рымник, чтобы разбить австрийцев. 6 сентября об этом узнал от лазутчиков и Кобург. Он попросил у Суворова незамедлительной помощи. Суворов двинулся на выручку союзникам под проливным дождем, из-за которого река Серет почти вышла из берегов и смыла наведенный австрийцами мост. Ночью полторы тысячи солдат и тысяча согнанных местных жителей с неимоверным трудом восстановили мост, но как только войска перешли на противоположный берег, мост снова был смыт.

10 сентября войска Суворова подошли к австрийскому лагерю, и

Суворов и принц Кобургский

русский командующий тут же предложил принцу немедленно атаковать турок. Кобург без колебаний согласился.

Суворов умчался из лагеря, залез на высокое дерево — вспомните, что ему шел уже 59-й год! — и с него, глядя в сильнейшую подзорную морскую трубу, провел рекогносцировку местности, отмечая каждый лесок, каждый овраг и каждую лоцину. Он увидел, что турецкие войска стоят двумя лагерями на расстоянии 6—7 верст друг от друга, в укрепленных лагерях — под Мартинешти и под Тыргокукули, — расположившись между реками Рымна и Рымник, а за Рымником — у Одая — стоял еще один вражеский стан, который за дальностью расстояния Суворов не заметил.

Разумеется, что, осматривая вражеские позиции, Суворов не знал, в каком из лагерей стоит сколько войск, как не знал он и то-

го, кто командует ими. Все это — и численность неприятелей, и имена их командиров (а это были: в лагере возле Одая, который Суворов не увидел, — великий визирь Юсуф-паша; под Мартинешти — Ага-паша; у Тыргокукули — Гаджи-паша-Сальдар) — все это и множество других деталей и подробностей стало известно только по окончании битвы. Тогда же союзники узнали, что у неприятеля было 102000 человек, что самый крупный контингент — в 70000 возглавлял Ага-паша, что великий визирь стоял с 20000, а Гаджи-паша командовал отрядом в 12000.

С заходом солнца русские и австрийцы вброд перешли обмелевшую Рымну и двинулись уступами каждый по своему направлению. Суворов после трехчасового упорного боя выбил из лагеря отряд Гаджи-паша-Сальдара — самый малый из трех имевшихся у турок.

Великий визирь, узнав о начавшемся сражении, послал на помощь 15000 янычар и всю конницу, бывшую под началом Ага-паша, но и эти войска были остановлены и отбиты союзниками и отступили к деревне Бокзы. После артиллерийской подготовки Бокзы была взята приступом с одного удара, и турки бежали в лагерь возле Мартинешти, из которого главная масса войск стала спешно уходить, не принимая боя. Потери турок доходили до 15000 убитыми, союзников — в десять раз меньше.

И хотя основные силы турок сохранились — более 85000 сумели уйти живыми, — но они лишились почти всей артиллерии, потеряли огромный, богатейший обоз, 100 знамен и из-за всего этого были вконец деморализованы.

Суворов простился с Кобургом и вернулся в Бырлад. Там стоял он до следующей осени, получив от императрицы небывало щедрые награды: титул графа Рымникоского, орден Георгия 1-го класса, бриллиантовый перстень и рескрипт, а от австрийского императора получил титул графа Священной Римской Империи.

В бездействии провел Суворов более года. За это время он писал проекты будущих боевых действий и так хорошо изучил турецкий язык, что поражал своими знаниями переводчиков.

Продолжение следует.

Александр Георгиевичу ГОРЛОВУ —

60 лет

В это трудно поверить тем из нас, кто трудился под его началом в журнале "На боевом посту" четыре непростых перестроечных года — с восемьдесят восьмого по девяносто второй, кто близко знает этого удивительно энергичного, волевого, деятельного человека, офицера, руководи-

теля, журналиста, историка, писателя... Собственно, в журнал он пришел еще в 69-м, работал до осени 77-го, заявил о своем недюжинном таланте публициста, очеркиста и ушел в политуправление, в отдел пропаганды и агитации. Там он курировал войсковую печать и писал сам, издал множество интересных книг, брошюр, альбомов, ставших своеобразной летописью внутренних войск, организовал семинары войсковых литераторов по образцу и подобию всеармейских и буквально разбудил творчество многих одаренных офицеров и прапорщиков "Криком певчей птицы" — одной из своих ранних книг, своеобразным гимном службе во внутренних войсках.

С этими "пробужденными" силами он и вернулся потом в журнал, ставший читаемым и почитаемым не только в профессиональной среде, но и далеко за пределами войск, во многих городах и весях бывшего Союза, а потом и России. Он пригласил с собой одного из лучших военных корреспондентов "Правды" Петра Студеникина, написавшего затем немало ярких репортажей из горячих точек запылявшей страны. Пригласил писателя Виктора Муратова, с которым намеревался выпускать литературные приложения к журналу. Пригласил опального главреда "Военно-исторического журнала" генерала Виктора Филатова возглавить войсковую газету "Ситуация", которую видел в будущем ни в чем не уступающей "Красной звезде"...

Не все начинания полковника Горлова оправдали себя, не все задуманное им удалось претворить в жизнь. Изменилось время, изменились обстоятельства. Главное, что люди, которых он учил отдаваться делу целиком, которые подпитывались его энергией, не перевелись ни в нашем журнале, ни в Объединенной редакции МВД России, которую он возглавлял затем целое пятилетие.

С юбилеем Вас, Александр Георгиевич! И новых Вам творческих удач!

БЕЛЫЕ

Рассказ

Двор старой Матвеевны всякий покажет в Касаевке. Некогда считавшийся большим и просторным, теперь он по сравнению с крепкими, ухоженны-

ми усадьбами колхозников выглядел сонным карликом, чудом примостившимся у самой околицы.

Стоял этот дом в заветрии и тени необыкновенной — что глаза и уши всего селения. И раньше пеший ли, конный, а ныне велосипедом ли, мотоциклом, трактором или машиной кто из села выбирается — не миновать дома. Тут всякий прохожий замедлит шаг, оглянется напоследок, на Касаевку взглянет, а кто на транспорте — притормозит: сцепление переключить надо. Дорога от дома круто забирала на увал, где росли дубы вперемежку с карагачами, проходила по его подножию и сбегала на старое грейдерное шоссе. Сидя в ведро на завалинке, а в ненастье у окошка, Матвеевна часто с грустью глядела на дорогу, на мохнатые шапки деревьев и о чем-то думала — долго, с затаенной надеждой.

— Что, Матвеевна, не шумновато ли тебе здесь живется? — спросил однажды Михаил Павлович, колхозный председатель, и предложил ей перебраться в новенький коттедж, опоясанный серыми лентами асфальта. — И воду из колодца крутить не надо — краник отверни, сколь душе угодно польется. Опять же удобства всякие: газовая плита (ни угля тебе, ни дров не надо), паровое отопление, ванная вполне баню заменит, да и теплый сортир в новом доме — тоже далеко не последняя вещь.

— Нет уж, — ответила Матвеевна, высокая, сухая, но совсем еще не квеляя старуха с широким, круглым лицом и слегка надтреснутым голосом. — Своими руками вместе с покойным Калистратом, почитай, каждый кирпичик укладывала. Тут и дети мои народились. Хлопчики один другого краше и смекалистее, не какие-нибудь кулявки. Все в люди вышли. Не подумайте, что хвастаю, по справедливости сужу. Иные ведь люди, как сказывал мой Калистратушка покойный,

ЖУРАВЛИ

царствие ему небесное, ровно поплавок из пробки: потянула рыбка — окунулся, отпустила — всплыл и качается на воде. Мои сыны не такие были.

Говорила она медленно, певуче, заметно волнуясь. И чем больше было слов, тем реже становилась речь, напевность сменялась глухостью, тяжестью неотвязчивой мысли и большой погруженностью в себя. Но вот она снова ласково, сердечно вспоминала о сынах, называла их поименно, и опять речь ее становилась нежной, напевной, тревожная грусть во взоре исчезала. И будто не Михаил Павлович был перед нею, а кровинушка ее, первенец, большак синеглазый Минька. Об ту пору, как бригадирствовал Минька, нынешний председатель прицеппчиком на тракторе был у ее Георгия.

Смотрит старая Матвеевна на лесистый увал, на серую полоску дороги, и новая волна воспоминаний захлестывает ее. Отсюда через увал она друг за дружкой проводила на фронт всех сынов своих. И никто не вернулся.

Подумать только — семерых они с Калистратушкой взрастили. Сполна лиха выпало на их долю. Разве забудет она, как дети от голода пухли, как по Калистрату, первому колхозному ударнику, из кулацких обрезов палили. Он-то, хозяин, все в степу да в степу, а она с детишками хорошилась, по дому хлопотала. Не согнулась Матвеевна, всех на путь-дорогу верную наставила. А теперь вот нет сыночек. И года не в силах излечить душу материнскую. Каждого помнит ее сердечко. Разве может забыть мать Осеньку своего? Сызмальства любил Остап книжки, тянулся к ним. Ося — беленький, курчавый, весь в деда покойного. И когда вытянулся в ладного парня, в городе проучился и на село приехал детишек грамоте учить, для нее он все одно Осей оставался, а люди уважительно Остапом Калистратовичем величали его. А этот егоза, Петенька ее, первый косарь был, любо-дорого глядеть, как он по утренней росе одну прокошину за другой одолевал без роздыху. Ванюшка во всем подражал Калистрату, неторопливый, тихоня с виду, а тронь только — ровно огонь, так и польхнет пламенем. Поллобу пришлось ему чабанское дело, отару уже за старшего водил, никак им не могли нахвалиться правленцы — работяга. И Фрол у нее перед глазами стоит — лицо белое такое, словно девичье, а вот приняли на красного командира учиться. Как фашистам напасть, школу должен был окончить. И сейчас она жалкует по младшенькому, Шурику. Еще в школу бегал, а тоже не мог в сторонке прождать, как грозы все отгрохочут, ветры буйные пронесутся. Ладные были ребята. Только-только

жизнь перед ними распахнулась, а тут фашисты, что ханская орда, на землю русскую свалились.

В который раз глядит она на подножие увала, на дорогу, ведущую к городу. Раньше глаза все проглядывала, почтальона ждала. Сначала пачками получала письма. Но вот Фрол без вести пропал, потом Ванюша. От Петра, сколь ни ждала, — ни письмишка. Георгий тоже замолчал. Казенная бумага пришла — Миньку где-то на Дону убили. Дольше всех Ося писал, да и младшенький около них, стариков, был. А как только супостаты нагрянули в Касаевку — старый (он у нее только с виду тихий, а так заяристый был) с Шуриком в лес подался. Промеж них с Калистратом прямо-таки здоро вышла. «Ты, згальнявый, — слова побиднее Калистрату она подбирала, и сейчас стыдоба за них, — сам иди, елозь по лесу, а детиночку не трожь. Не дам».

А младший-то у нее и не спрашивал, убег за Калистратом... И вот никто не воротился...

Матвеевна тяжело вздохнула. Ее выцветшие глаза затуманились от горькой думки. Слово бусины на суровой нитке, нанизываются в ее памяти прожитые годы. Чудится ей то мелодичный, как перелив колокольчика, то резкий, как удар о рельсу, звон радостных, тихих, а более тревожных дней и ночей былого.

— Всех поубивало. Одна я осталась. Если б не люди, давно схоронили бы и меня, горемычную. А вот на людях вроде и не так тягостно. В своей хате и куковать мне, век доживать. Не стану душой кривить, сколь годов утекло, как германца разбили, а я жду. Изболелось сердечко ожидаючи, все одно — жду. Слез давно уже нет, беззвучно плачу, зажимая рот. Плачу и дрожу, как в лихорадке. Если б горе могло утечь со слезами! Нету такого чуда.

Забудется иной раз, вроде ничего, а как на стену взглянет Матвеевна, на карточки сынов своих — они рядком развешаны, в рамках все, покойный дед Харитон по первой весне после войны сделал, — так и вспомнит их, убиенных, в голове зашумит, ровно в лесу перед бурей...

«У каждого, видать, своя судьба, — размышляет Матвеевна, — свой век». Понимает, нельзя раскисать, но ничего поделаться с собой не может. Вот лежит ночью и думку думает. Задремлет, да ненадолго. В холодном поту проснется: вроде к изгородке кто-то подошел, на крыльцо тянется, кажись, и стук в дверь слышится. Подойдет к дверям, пока щеколду отодвинет — слышит еще го-

лосок родненький. Распахнет этак широко дверь-то, и обнимет ее ветер косматый, а ночка сомкнет деревья вокруг двора плотным кольцом. Пусто — никого, померещилось, зная. Сердцу не прикажешь. Не верит оно, чтоб всех вот так, как головки татарника одним взмахом косаря. Вон по радио сказывали: ждала-ждала жена своего разлюбезного. Тридцать годов ждала, и он пришел... Покалечило его на фронте, он и не показывался, не хотел в тягость ей быть. А она ждала его, какого ни на есть, и дождалась. Вдруг кто из сынов придет, а ее нет. Не быть такому, пока глаза на свет Божий глядят, будет ждать и она своего часа.

И ждала Матвеевна терпеливо, настойчиво. Ждала, но и от людей нос не воротила. До того как детскому саду открыться, у нее всегда двор полон ребятни — мал мала меньше. Особенно в страду, когда женщины в поле. Она и ныне в погожие дни не могла сиднем сидеть и, несмотря на свои восемьдесят годков, пособляла сельчанам: то полола свеклу, то морковь окучивала. За труд ее, усердие в деле колхозном Михаил Павлович, председатель колхоза «Богатырь», всякий раз в канун праздников всенародно в пояс кланялся, подарки ей, грамоты вручал.

Так и жила Матвеевна в почете и в известности. И оттого не впала в тоску, не потеряла привязанности к людям, не одичала от неутешного горя и тяжких дум. Тихо, неприметно вела счет своим дням. Но однажды вроде бы прорвало Матвеевну, показала она свой крутой нор. А дело вышло так.

Не то в годовщину Победы, не то в другой какой праздник появился в селе бородастый скульптор. Искал он сюжет для своей новой работы. Что ни предлагали ему, не брался: скучным казалось. Бродил он по селу, по полевым станам дней пять, не менее, а все без толку, пока не очутился у двора Матвеевны. Чем она его приворожила — вроде и не речиста, — трудно сказать. Только увидел ее, поглядел на портреты ее сынов — и загорелся думкой, опьянел от мечты создать памятник.

Денно и ночью бородач колдовал над глиной на старой ферме, где по указанию Михаила Павловича организовали мастерскую. Настал час поглядеть — людей собралось туда полным-полно. Откинул горделивый бородач простыню — ахнули колхозники: красоты такой не видавали!

В женщине, изваянной скульптором, все узнали Матвеевну. Лицо строгое, гордое, руку подняла

— сыновей на смертный бой с заклятым врагом благословляет.

Михаил Павлович без долгих колебаний решил:

— Установим в селе. Будет не только краса, но и гордость наша.

Бородач чего-то мнетса, вроде поздравления и восторженные отзывы не хочет принять. А потом говорит: мол, как Матвеевна скажет, ей показать надо. Немедля послали за старушкой председательский газик. Да не поехала — пешком привыкла ходить. Пришла суетливым, сбивающимся шагом, запыхалась аж. Только не сразу поняла, зачем она понадобилась сельчанам. А когда растолковали — сразу оробела. Морем закачалось у нее перед глазами небо. И будто по ряби волн поплыли человеческие лица — не знала, за что такая честь: полсела не вернулось с войны, а памятник ее сынам.

Как успокоилась, подошла к скульптуре поближе. Рассматривала долго и пристально гордую, устремленную в поднебесье фигуру женщины, рассматривала так, как разглядывают через лупу микроскопически малый предмет. Потом благодарно поглядела на бородача, что-то едва слышно прошептала, так что и стоявшие рядом не разобрали ее слов. Но Михаил Павлович понял по своему.

— Я же говорил вам, что это настоящее произведение искусства. И не только Матвеевна, все матери Касаевки вам, товарищ скульптор, в ноги поклонятся. Ведь так, Матвеевна?

Старушка робко взглянула на председателя и неожиданно замотала отрицательно головой.

Михаил Павлович изумленно воскликнул:

— Неуж не глянулось?! Что, не красиво?

— Красиво, неуж не красиво. Но все ж...

— Что все ж? Ты хорошенько погляди. Вот отсюда видно получше.

— Потому и негоже, что меня тут расписали, ровно мать Божью, — спокойно ответила Матвеевна. — А кто я такая, чтоб...

И больше ни слова.

— Вы не расстраивайтесь, — попытался успокоить бородача председатель. — Она не подумала, не разглядела как следует.

Но скульптор, похоже, обрадовался словам старушки, словно обрел в ней союзника.

— Значит, не нашел я чего-то, не раскрыл сути подвига матери... Понимаете — матери...

Председатель снова к бородачу со словами уте-

шения, но скульптору от них стало еще горше, и он резким ударом лопаты разбил свое творение.

— Ну это вы напрасно, мил человек, — укоризненно произнес Михаил Павлович.

Бородач даже не взглянул в его сторону, склонился над листком бумаги и что-то лихорадочно, поспешно стал рисовать.

Председатель еще какое-то время стоял молча, но, видя, что скульптор увлечен и работает торопливо, боясь упустить мысль, тихо кивнул колхозникам — уйдите.

А через неделю скульптор сам пришел к Михаилу Павловичу, приглашая взглянуть на новую работу. Когда председатель вошел в мастерскую, то увидел беззвучно стоящую возле скульптуры Матвеевну, которая, по всему чувствовалось, не раз бывала тут.

Бородач в задумчивости рисовал на клочке бумаги кружочки и крестики — волновался.

Михаил Павлович поразился. Семь журавлей летели над черной скалой. Летели впритык, словно поддерживая крыльями друг друга. Внизу, со стороны скалы, просматривалась мать. А белые журавли, в которых она вдохнула жизнь, летели и летели. И были они сильны материнским дыханием, ее верой и святостью. Сыновьям лететь дальше, выше. Для этого они обрели крылья.

Председатель взглянул на Матвеевну и неожиданно предложил:

— А что, если установить памятник на увале? Чтоб всякого входящего в село встречал...

Глаза старушки слезились от счастья, от гордости, охватившей ее, наполнившей ощущением изначальной святости каждую клеточку тела. И, не находя нужных слов, Матвеевна вся засветилась лицом, как бы пытаясь глазами поймать звуки, слова, начертанные для нее одной в осеннем воздухе.

— Вот это гоже. Гоже... — только и сказала.

...На вершине увала, откуда открывается красивый вид и на село, и на степь, стоит памятник. Семь сыновей и мать. Зорко смотрят они на далекую предзакатную дымку: не полыхнет ли там, у кромки горизонта, грозовая туча, не послышится ли оттуда громкий зов о помощи? И если случится такое, они, оставив увал, оставив старый домишко у самого подножия, взвоятся в небо.

В 1998 году Ирина ДЕГТЯРЕВА, первокурсница Литературного института им. А.М. Горького, дебютировала в нашем журнале с рассказом "Билеты до Ростова". Судя по отзывам читателей, он не оставил их равнодушными, тем более что главным его героем был молодой офицер внутренних войск, участник чеченской войны. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию новые рассказы Ирины, недавно принятой в Союз писателей России.

Три рассказа

Дога

Памяти моего учителя С. А. ИВАНОВА

Весело начался денек! Сначала мне чудовищно отдавили ногу в метро. Потом на лутчке наш полковник устроил всем разнос. А чего, спрашивается, ругать рабочих лошадок? На самом-то деле всегда и во всем виноваты следяки! При чем тут мы? Вот лично я чем вчера занимался? Бегал по квартирам шестнадцатизэтажки и выяснял, видел ли кто-нибудь подозрительных личностей и слышал ли шум в двадцать третьей квартире. Я сам жил в этом доме лет четырнадцать назад (случайное совпадение), но меня никто из жильцов не помнил. Еще бы, когда в подъезде по шестьдесят четыре квартиры, разве всех запомнишь? Естественно, незнакомых типов никто не видел, а выстрела не слышал. Конечно, пистолет-то был с глушителем, а в какой-нибудь квартире гремела музыка или работала дрель (заколебали со своими евроремонтами,

дятлы). Короче, что касается убийства, я ничего не выяснил. Зато вчера у меня появился ребенок. Не младенец — три килограмма четырехста граммов, пятьдесят сантиметров росту. А сразу ростом метр шестьдесят и весом где-то под сорок килограммов. Про этого ребеночка я и рассказал Борису Шебалину, капитану. Мы с ним сидим в одном кабинете, наши столы напротив.

— Какой ребенок? — обалдел он. — Ты, Ник, перегрелся? Ты же не женат.

Меня почти все в управлении зовут Ником. Говорят, что я чем-то похож на американца.

— Обыкновенный ребенок, — интриговал я.

— Ладно, Ник, колись, — вмешался Егор Крайнев, забежавший к нам на минутку и услышавший разговор.

И я раскололся.

Вчера позвонил в квартиру тридцать шесть в той самой шестнадцатизэтажке, где произошло убийство. Когда-то в этой квартире жила моя пассия. Открыла женщина. Очень даже симпатичная, и ее лицо вроде бы знакомо. Неужели она? Женщина пристально на меня посмотрела и вдруг сказала:

— Явился! Вспомнил через четырнадцать лет. У тебя совесть-то есть?

— Я из милиции, — пролепетал я.

— Чего ты мелешь? — вспыхнула она.

Я сунул ей под нос удостоверение. Она как-то сразу сникла и пригласила войти. Все, что нужно, я спросил и собрался уходить. Я ее узнавал и не узнавал одновременно. Она постарела.

— Неужели ты меня не помнишь? — устало спросила она.

— Мне ваше лицо знакомо... Как вас зовут?

— Екатерина Сергеевна.

Мы с ней вернулись на кухню и многое вспомнили.

— Было чего? — поинтересовался Борис, поднимая голову от бумаг.

— Было, — кивнул я.

— А ребенок-то сразу, что ли? — Егор сидел на краю стола и обкуривал меня своей ядовитой беломориной.

— погоди, сейчас и про ребенка.

Поболтали мы с Катей, а в конце разговора она и говорит так, между прочим.

— А ты знаешь, что твоей дочери тринадцать лет?

Вот тут у меня челюсть и отвисла. Что ж ты раньше, говорю, молчала?

— А чего говорить? — отвечает. — Я молодая была и ты тоже. Тогда мы уже поссорились. Ты наверняка предложил бы мне от ребенка избавиться. А я не хотела. К тому же ты переехал из нашего дома. Я замуж вышла, развелась, а теперь снова замуж собираюсь. Хорошего человека встретила...

— Скорее всего она врет про ребенка, — заключил Борис.

— Зачем? — возразил Егор. — Если бы она хотела Ника захомутать, она бы не сказала, что замуж выходит.

— А алименты? — Для Бориса это было актуально. Он год назад развелся и платил бывшей жене на двоих детей.

— Они же не были женаты. Да и чего сейчас от него бабки требовать? — Егор уже приблизился к двери, но вернулся. — Тяжело, когда ребенок маленький, а сейчас девчонке уже тринадцать... Ты, кстати, ее видел?

— Нет, только фотку. Девчонка хорошенькая и на меня похожа.

— Все-таки бабы стервы, — возмутился Борис, обращаясь к Егору. — Видал, как мужика окрутила? Теперь он все, что есть, на девчонку ухлопает. Она ему уже нравится. Плакал твой мотоцикл, Ник.

Кажется, все знали, что я давно коплю деньги на мотоцикл, не на какой-нибудь драндулет, а на приличный. Конечно, не "Харлей", но что-то вроде того.

— Так что ты думаешь делать? С дочерью познакомиться?

— А почему бы и нет? Может, у меня детей больше не будет?

— Господи, какой наивняк! — кипятился Борис. — Да пошлет тебя эта дочка куда подальше. Больно нужен ей папаша, который соизволил аж через тринадцать лет объявиться.

В комнату заскочил Валерка Григорьев:

— Что за посиделки?

— А ты чего как уторелый носишься? — Борис начальственно сдвинул брови. — Тебе что приказано? Опросить народ в доме напротив. А ты...

— Я опросил. И кое-что выяснил. Нашего толстяка видели незадолго до смерти с каким-то мужиком на рынке, рядом с домом.

— На рынке? Там нет рынка.

— Ну на ярмарке. Какая разница? — Валера нервно выдвигал ящики своего стола в поисках сигарет.

Борис протянул ему пачку "Парламента". Тот удивленно поднял брови.

— Откуда? Они же дорогие.

— Да тут у одного хлыща конфисковал. Ему года четыре впаяют, придется курить чего-нибудь подешевле. Пусть сейчас привыкает... Так что там, на ярмарке? Ты там был?

— Нет. А надо было? — Валера и сам знал, что должен делать, но почему-то не делал. Борис без конца его за это отчитывал.

На сей раз капитан только устало отмахнулся.

— Поезжай с Ником. Разленились, черти! А начальство кому будет шею мылить?

— Тебе, Боренька, тебе, — улыбнулся Егор. — Распустил ты этих субчиков.

Григорьев всю дорогу развлекал меня анекдотами, которых знал невероятно много. В его коллекции были сплошь матерные и похабные. За это Борис прозвал Валерку "массовик-похабник".

После очередного такого анекдота женщина, стоявшая рядом с нами в автобусе, покраснела и отодвинулась подальше...

На ярмарке узнать что-то новое не удалось. Одна пожилая торговка видела полного мужчину с высоким худым парнем в черном длинном плаще.

— А вы не можете его поподробнее описать? Того, высокого, — пояснил Валера.

— Ой, мальчики, я толстого лучше запомнила.

Меня рассмешила эта тетка. "Мальчики!" Валерка еще тянет на мальчика, а я с бо-о-ольшой натяжкой.

— Ну а все-таки, постарайтесь вспомнить, было в нем что-нибудь особенное? Шрамы на лице или родинки?

— Нет. Я бы рада помочь, но... — Торговка смущенно развела руками. — А что он натворил?

— Может, и ничего, — разъяснил я. — Нам бы с ним познакомиться...

Я покупал "Космос" у поджарой бабки с лотком разноцветных сигаретных пачек. Григорьев топтал

Ирина ДЕГТЯРЕВА

ся рядом. Нервный он какой-то, весь как на шарнирах. Губами без конца шевелит, шепчет чего-то.

— Что ты там бубнишь? — не выдержал я.

— Это я злюсь. Похоже, дохлое дело на нас повесили.

— Похоже, — кивнул я, закуривая. Григорьев бесцеремонно вытащил из моей пачки сигарету.

— Голодранец ты, Валерка! Когда я покупал сигареты, ты же рядом стоял, почему не купил?

— Послезавтра получка. А сейчас у меня пустой карман. Жалко тебе, что ли?

— Детский разговор! Не жалко, но с деньгами у меня тоже напряг.

— Что ты думаешь насчет этого высокого?

— Ничего не думаю. Может, он очень хороший человек, а может, у него под плащом пушка висела. Теперь вряд ли мы узнаем. Разве что он окажется среди знакомых толстяка.

— Вяткин связями занимается. Сестра толстяка назвала некоторых его друзей. Все в основном бизнесмены.

— Да “заказали” его. Это как пить дать! А киллера скорее всего и в Москве уже нет. Пистолет оставил. Тут все ясно.

— Мотаться по его знакомым все равно придется, — мрачно заметил Валера.

— Слушай, Валер, мне тут в один дом зайти надо.

— Дочку посмотреть хочешь? — Григорьев уже знал обо всем.

— Да, интересно. Одно дело фотография, а другое...

— Ты надолго? Мне с тобой?

— Пошли. Это рядом.

Дверь мне открыла девочка. Короткие волосы у нее были покрашены в разные цвета — красный, фиолетовый и синий, губы темные от помады, почти черные. Ярко-розовая футболка и джинсовый комбинезон с широкими штанинами.

Валерка выпучил глаза на это чудо.

— Ты Вика? — севшим голосом уточнил я.

— Ну! — Вика надула большой розовый пузырь из жвачки, который тут же лопнул, приклеился к ее губам и кончику носа. Она его отлепила пальцем и пихнула обратно в рот: — А вам чего?

— Мама дома? — Я не знал, как ей сказать. “Я твой папа” — прозвучит глупо.

— Ее нет, — так же односложно ответила девочка.

— А ты не боишься открывать дверь незнакомым дядям? — взял инициативу в свои руки Григорьев.

Вика смерила его презрительным взглядом ярких голубых глаз.

— Это вы незнакомые? Вы же из милиции.

— Как ты догадалась? — опешил Валерка.

— Вы вчера тут крутились, когда толстяка с шестого этажа утروхали.

— Допустим, — согласился Валера. — А ты знаешь, кто это? — он указал на меня.

Такой же презрительный и оценивающий взгляд пробежал по мне с ног до головы.

— Это твой отец, — прервал паузу Григорьев.

— А я ваша бабушка, — тут же отреагировала Вика.

— Я правда твой отец, — наконец вмешался я.

— А-а, — вспомнила девочка. — Мама вчера о вас говорила. — Вика сделала паузу. — Ну и что вы ждете? Что я вам на шею брошусь? Не дождетесь! И вообще мне некогда с вами трепаться. Вам еще что-нибудь нужно?

Я был разочарован. Наверное, от этой встречи я действительно ждал чего-то другого.

— Вот, передай маме. Это мой телефон, рабочий и домашний. Если что, пускай звонит. Передашь?

— Ладно. Мне не жалко, — спокойно сказала Вика и закрыла дверь.

— Ты не расстраивайся, Ник. Нынешние дети вообще бессовестные, — пытался успокаивать меня Григорьев. — Тем более ты не виноват, что о ней не знал. Ее мать тебе не говорила. Так?

Я кивнул:

— К тому же я и не расстраиваюсь. Этого следовало ожидать.

— Ну где вы бродили? — Шебалин столкнулся с нами в коридоре. — Ник, поезжай в Давыдково. Я договорился. Георгиев, друг нашей жертвы, ждет тебя в своем офисе. А ты, Григорьев, мне нужен. Пошли.

Господи, какое счастье наконец оказаться дома! Правда, еще придется ужин готовить. Галка-то в очередной раз меня бросила, когда я, вместо того чтобы пойти с ней в театр, помчался на задержание. Пока другой Галки не нашел, самому приходится быть кухаркой.

Перекусив, я устроился у телевизора. Меня заинтересовал американский боевик. После того как мозги Билла разлетелись по асфальту от снайперского выстрела мистера О’Брайана, я вспомнил о сегодняшней встрече с Георгиевым в его превосходном офисе с мраморными полами и толстозадой секретаршей.

“Скользкий тип, этот Георгиев. Сладко улыбается, говорит, что дружил с толстяком Матвеевым, а сам небось его и “заказал”. Скорее всего денежки Матвеева себе загребет каким-то образом... Тут бы в документах его фирмы покопаться, но без санкции Георгиев пошлет нас далеко и надолго. А санкцию нам никто не даст. Толстяка жалко... А Вика колючая девочка, с характером. Жалко, что обо мне и слышать не хочет. Жалко... Я же не виноват... Накрашена-то как! Пугало огородное. Был бы ее отцом, запретил бы себя так уродовать... Черт, как обидно,

ТРИ РАССКАЗА

что мы бессильны. Не удастся взять за жабры Георгиева. А ведь он стопроцентно в убийстве замешан..."

* * *

Глупо заснуть в кресле. Теперь целый день будет болеть спина. Одно хорошо: с утра за мной заехал Григорьев и мне не пришлось толкаться в транспорте.

Машина у Валеры доисторическая — "Запорожец", доставшийся ему от отца. И отец на нем поездил дай Бог. Валерка, золотые руки, сам уже не раз перебирал мотор и перекрашивал корпус. Одно время он, исключительно из любви к своей машине, хотел приделать на крышу проблесковый маячок. Я с трудом его отговорил:

— Ты что, хочешь, чтобы над тобой все постовые гоготали? На черепахе гнаться за бандитами, которые ездят исключительно на иномарках, — сказал я тогда.

Григорьев дулся на меня целый день, но мигалку устанавливать не стал.

Мы ехали на Петровку.

— Валер, а почему вчера был без колес?

— На бензин денег не хватало.

— А теперь? Ты кого-то ограбил?

— Вчера сеструха из Питера приехала. Разжалобилась и отстегнула мне столик. До полочки доживу.

— Сестра у тебя кредитная?

— Да, богатая, как Буратино. В банке работает.

* * *

На машине хорошо! Часа не прошло, а мы уже в другом конце Москвы у очередного знакомого нашего толстяка.

Кого-то из списка Шебалин вызвал повесткой, а к кому-то пришлось ехать самим.

— Пустой номер. — Мы с Григорьевым вышли из очередного офиса. — Практически любой из богатеньких дружков Матвеева мог его хлопнуть.

— "Заказать", — поправил я. — Сами они пачкаться не станут. Но у них действительно могли быть на то причины, и прежде всего финансовые. Но только фиг мы к ним подберемся. Побегает, поахает, а потом со спокойной совестью отправим дело в архив.

— Ага, а нам выговор за низкую раскрываемость, — подхватил Валера.

— Ну и черт с ним!

— Тебе хорошо, ты капитан, а мне что, до седой бороды в лейтенантах ходить?

— Походишь. Молодой еще. — улыбнулся я.

— Ты старый! — отмахнулся Валера. — Вот на сколько ты меня старше? Ну на сколько?

— А тебе сколько?

— Двадцать семь.

— На семь годков, милый. У нас это целая жизнь...

После обеда я отправился в один ресторанчик. К сожалению, не перекусить, а побеседовать с официантами. Там позавчера убили повара-китайца. Широким ножом для разделки мяса ему перерезали глотку.

Григорьев продолжал заниматься связями Матвеева.

* * *

Вечером я снова никакой. Скоро взвою по-собачьи от такой работы.

По дороге домой забежал в магазин, купил собачьей радости — вареной колбасы. Насытившись, сразу бросился к кровати, как будто боялся опоздать. Хорошо, что постель я редко убираю, теперь не пришлось ее стелить. Оставалось только раздеться и забраться под одеяло. Оказавшись в горизонтальном положении, я ловил кайф от того, что до семи утра не надо никуда бежать и можно спокойно и сладко поспать.

Прошло часа два. Мне приснилось, что лежу на шикарной кровати, а рядом не менее шикарная дама в чем-то офигительно белом и кружевном. Все настолько хорошо, дальше просто некуда. И тут эта дрянь, я имею в виду телефон... Иногда я готов зубами перегрызть его шнур.

— Коля, это ты? — встревоженный женский голос.

Одно приятно, что голос женский. Значит, звонят не с работы и есть шанс остаться в собственной постели с шикарной дамой из сновидения.

— Коля, это я, Катя. Узнал? Ты передал мне свои телефоны, и я решила, что только ты сможешь... Вика пропала!

Я мысленно помахал рукой даме в белом пеньюаре.

— Как пропала? Говори толком, — сосредоточился я.

— Она из-за Димы. Не хочет, чтоб я за него замуж вышла. Вот и протестует таким образом.

— Она записку оставила?

— Нет. Но я знаю, что она не убежала. Прячется где-нибудь или в чужом подъезде, или в подвале.

— Попрячется, поиграет в капризную девчонку и вернется, — зевнул я.

— Я боюсь за нее. Вика может надеться глупостей, она такая.

— Что ты от меня-то хочешь? Вика отшила меня. Она сказала тебе об этом?

— Нет, но ты должен помочь. Поискать ее.

— С какой стати? Она меня за отца не считает, тебе я тоже никто.

— Я прошу, — Катя всхлипнула. — Я умоляю, найди ее.

— А твой Дмитрий? Он не может заняться поиском?

— Не хочет. Он сейчас у меня. И ругается. Говорит, что я Вику избаловала.

— В этом он прав. А вот то, что искать не хочет, мерзко.

Ирина ДЕПТЯРЕВА

— Так ты же ее отец... Мы тут болтаем, а с ней, может, уже что случилось.

— Поздно ты вспомнила про отцовство. Ну ладно. Попробую что-нибудь придумать. Позвоню в любом случае.

Я тут же набрал номер Валеры и услышал его сиплый спросонья голос:

— Григорьев слушает.

— Слушай, слушай, Григорьев, — усмехнулся я. — Дело есть. Поможешь?

— Ник, так это ты мне спать не даешь?!

— Я, Валер, я. Ты мне нужен вместе с машиной, и как можно быстрее.

— Что там у тебя?

— Вика из дому убежала.

— И где ты думаешь ее искать? — Григорьев понял, что от него требуется.

— Около ее дома. Катя уверена, что Вика далеко не пойдет.

— Через полчаса спускайся. Я подъеду.

Подвал Катиного дома был закрыт на замок. Валера посветил фонарем, который принес из машины.

— Не думаю, что она могла пройти через закрытую дверь.

— Да. Пошли дальше, — согласился я, — посмотрим в соседнем подвале.

Мы проникли в мрачное сырое подземелье. Пригнувшись, под какими-то толстыми трубами я пробирался вперед. Григорьев пыхтел сзади. Отовсюду капало что-то, и запах здесь стоял не ахти.

— Дерьмом каким-то воняет, — высказал вслух мои мысли Валера.

У меня из-под ног выскочила лохматая черная кошка, заорала, сверкнула глазами и скрылась за трубами в темноте. Ноги все время подворачивались, попадая на куски битого кирпича и осколки бутылок.

— Вряд ли твоя Вика сюда потащилась бы. Сидит небось у какой-нибудь подружки, чай пьет, а мы тут фигней занимаемся, — ворчал Григорьев.

Мы вошли в большое помещение с сырыми заплесневелыми стенами, где валялись ящики, консервные банки и старые тряпки.

— Похоже, здесь божжи ночуют. — Валера пробрался в дальний угол помещения, пригибаясь под низким потолком. Мне показалось, что там ничего нет, только куча тряпья.

— Ник, сюда! — позвал он. — Вот она!

Согнувшись, я прошел к нему. На тряпках, которые я заметил, лежала Вика, неестественно подогнув ногу, запрокинув голову и приоткрыв рот. Подбородок остро выдавался вперед. Мертвых я видел много раз. Она показалась мне неживой.

— Вика, Вика! — я хлопал ее по щекам, держа под голову другой рукой.

Подкрашенные в лиловый цвет веки дрогнули, и она приоткрыла мутные глаза.

— Вика, я тебя домой отвезу, — сказал я.

— Не надо, — с трудом выговорила она, еле шевеля губами. — Там эрот...

— Дмитрий?

Вика дернула головой в подтверждение.

— Тогда ко мне.

— Не-ет. — Она снова закрыла глаза.

— Да что с ней? — Меня раздражала вся эта история. — Чем она накачалась? Неужели наркотой?

— Эта дурища клея нанюхалась, — пояснил Валера, протягивая пакет, который валялся рядом, под трубой. — Ты ей кайф ломаешь. Оставь ее здесь и позвони матери. Пусть сама забирает.

— Ты что, спятил?! А если сюда какая шантрапа нагрянет...

Я взял Вику на руки. Она вся обмякла, расслабилась и от этого казалась неестественно тяжелой.

Я принес ее к себе домой и позвонил Кате:

— Слышишь, успокойся, я нашел ее. Она сейчас у меня.

— Как она?

— Никак. Надышалась клеем. Завтра я ее тебе привезу. Утром позвоню.

Я приволок Вику в ванную и сунул ее голову под струю холодной воды. Девчонка закашлялась и начала приходить в себя. Через пять минут такого душа она уже визжала и вырывалась.

— Дура, бестолочь! — проводил я воспитательную работу. — Думает, она героиня! Насмотрелась сериалов. Ты еще вены перережь или в окошко сигаши.

— Сам ты придурок! — Она не оставалась в долгу. — Никто тебя не просил!

— Я вот тебе сейчас! Выпорю как следует, разом поумнееешь.

— Девочек не бьют!

— Еще как бьют! По тебе ремень давно плачет, дурища. Приличные девочки книжки читают да в куклы играют, а она размалевалась, как индеец. — Я с удовольствием смыл с ее лица косметику. Жаль, краска с волос не сходила.

— Нечего на меня кричать! — взвизгнула Вика. — Ты кто такой? Воспитатель нашелся! Отец!

— Я не как отец действую, а как друг твоей матери и милиционер. Тебя это устраивает? Я из-за нее ночь не сплю, а она еще выпендривается.

— Тебя никто не просил меня искать! Это наше с матерью дело! Тебя не касается!

— Меня как раз твоя мать и попросила.

— Все, я ухожу! — отрезала Вика.

Она сделала несколько шагов к двери, но ее зачало, как от сильного ветра, потом она рванулась в туалет и пробыла там, наверно, минут двадцать. Вышла бледная. Без косметики она вообще выглядела блеклой и жалкой.

ТРИ РАССКАЗА

— Что, проблевалась? Вот! Не будешь в следующий раз дурью маяться.

— Отвяжись, — вяло огрызнулась она.

Вика засыпала на ходу. Я отнес ее на кровать. Стянул с нее джинсы и рубашку. В трусах и майке она выглядела ребенком, каким, собственно, и была. Укрыв ее, я пошел досыпать на узкий кухонный диванчик.

— Эй, папаша! Просыпайся!

Боже, как спать-то хочется.

— Который час? — не открывая глаз, осведомился я.

— Полдевятого.

Я открыл глаза и вскочил.

— Елки-палки, опаздываю!

Вика, неодетая, стояла рядом. Волосы от вчерашней моей головной у нее распушились и торчали в разные стороны.

— Что ты на меня уставилась? Звони матери. Я тебя завезу домой.

— Ты же опаздываешь, — вежливо напомнила она.

— Не твое дело! Звони.

Я скрылся в ванной. "Ну и девица. Хитрая лиса. То посылала меня, а теперь вежливой стала. Ясное дело, домой не хочет. Катерина ей небось всыплет. Только и мне она тут не нужна. Как спокойно я жил до того, как о ней узнал".

Я порезался бритвой, и мое терпение готово было лопнуть. "И где этот Григорьев? Почему он меня не разбудил, как условились?"

Когда я вышел из ванной, Вика уже оделась и вскипятила чайник.

— Ты звонила?

— Ее дома нет. Она на работе. Не веришь? Сам позвони!

Я набрал названный Викой номер. Действительно никого.

— А номер правильный?

— Зачем мне врать? Ты был в ванной, а тебе звонил какой-то Валера. Сказал, что он проспал и сейчас заедет.

— У тебя ключи от квартиры есть? — спросил я, быстро запихивая в рот бутерброд с колбасой.

— Да.

— Чудненько!

Пока мы везли ее домой, она строила Григорьеву глазки и расспрашивала, где мы работаем.

"И зачем ей это надо? Вертихвостка! Ну и детки пошли..."

Я проводил ее до двери, удостоверился, что она

зашла домой, и со спокойной душой отправился на работу.

— Павел Андреевич, в нашу первую встречу вы скрыли от меня, что Матвеев был вашим начальником, — укорил я Георгиева. Я снова сидел в его офисе в кожаном кресле с высокой спинкой.

— Молодой человек... — Плешивый и толстомордый Георгиев тянул от силы лет на пятьдесят. Какой я ему молодой человек? — Я от вас ничего не скрывал. Просто вы не спрашивали. Тем более, я полагаю, это не имеет отношения к делу. Мы с Матвеевым дружили еще до того, как организовалась фирма. Так что моя подчиненность на нашу дружбу влияния не оказала.

— Значит, у вас до конца были хорошие отношения?

— Вы меня уже об этом спрашивали. Отношения были прекрасные. У вас есть еще вопросы? Вы извините, у меня через пять минут важная деловая встреча...

— Вот сволочуга! Сколький, гад. "Молодой человек... у вас есть еще вопросы?" — передразнил я Георгиева.

— Брось, Ник. — Шебакин докуривал последнюю сигарету из пачки своего "Парламента" и старался растянуть удовольствие, долго выпуская дым и не сильно затягиваясь. — У тебя к нему накопилась личная неприязнь. А что, если убийство связано не с бизнесом, а с личными делами Матвеева? Сейчас этим Вяткин занимается, и скоро мы, надеюсь, тут кое-что проясним. Ты мне лучше скажи, что там с убийством китайца?

— Официанты ничего не видели и не слышали. Все это похоже на разборку между узкоглазыми.

В кабинет заглянул Вяткин. Веселая физиономия. Черт его знает, почему он мне не нравится, просто терпеть его не могу.

— Мужики, зарплату получили?

— Хорошо, что напомнил, — встрепенулся я и побегал за честно заработанным. А когда вернулся, увидел в кабинете Вику. Она сидела на диванчике, закинув ногу на ногу, в короткой юбке и непринужденно болтала с Борисом.

— Ник, это и есть твое чудо? — спросил Шебакин.

— Мое, — мрачно согласился я, хлопнув Вику ладонью по коленке, чтобы села как следует. — Как ты сюда попала?

— Меня Валера провел. Он сейчас придет.

И действительно, минуты не прошло, как лейтенант ворвался в кабинет. Вечно он носится, словно за ним кто гонится.

— Валер, где ты ее нашел?

— Она у проходной стояла. Вот я и сжалился, провел ее.

Ирина ДЕГТЯРЕВА

— Лучше бы ты не был таким жалостливым. Вика, ты почему здесь?

— Соскучилась.

"Вот мерзавка. Врет и не краснеет. Здорово придумала, нечего сказать. Чтобы позлить мать, она теперь использует меня. Видно, собралась у меня прятаться. Конечно, это лучше, чем по подвалам околачиваться, но..."

— Отправляйся-ка домой! — буркнул я.

— Постой, Ник, оставь девочку. Пускай посидит, посмотрит, где папка работает, — вступился Борис.

— Нечего ей здесь смотреть, — начал я, но немного смягчился: — Ну ладно, сиди, а будешь мешать, прогнью.

— А почему вы его Ником зовете? — Вика очаровательно улыбалась накрашенными губами. Опять намалевалась! С таких лет уже кокетничает! Да, нет мужской руки в ее воспитании.

Я крутил диск телефона, свирепо поглядывая в ее сторону.

— Ник у нас крутой, — пояснил Григорьев. — Типичный американец. Одна его ослепительная улыбка чего стоит.

Он посмотрел на мою мрачную гримасу и больше не шутил.

— Капитана Романова позовите, пожалуйста, — сказал я в трубку.

Пару минут я ждал.

— А кто спрашивает? — раздался тот же голос.

— Капитан Семенов.

— Ник, это ты? — наконец к телефону подошел тот, кого я звал.

— Михай, и ты меня Ником зовешь?

— А тебя все так зовут. Как ты? Где? Почему не звонишь? Зазнался?

— Зазнаваться в пору тебе, — уколол я старого товарища. Михаил служил в налоговой полиции, недавно повышение получил. — А у меня к тебе дело.

— Я-то думал, ты о моем здоровье справиться решил, а ты все о делах, — вздохнул Романов. — Выкладывай!

— Не по телефону.

— Конспиратор. Это срочно?

— Не то чтобы очень...

— Где встретимся? Мне подъехать или сам?

— А сможешь?

— Чего не сделаешь для старого друга. Ты где? На Петровке?

— Угу.

— Минут через двадцать спустись. Я на синем "пассате". Найдешь?

— Уж как-нибудь.

Я плюхнулся на бархатное сиденье "пассата" рядом с Мишкой.

— Ну ты фраер! На такой тачке катаешься!

— Ладно, не наезжай. — У Мишки, как всегда, улыбались одни темно-серые глаза. — Ты же не налоговая полиция.

— К сожалению, а то бы тебя раскулачил.

— Мне только интересно, — Миша рассматривал Вику в зеркало заднего вида, — кто эта мадемуазель на заднем сиденье? Юная сыщица?

— Юная нахалка, — отрекомендовал я ее. — Моя дочь. Вика.

— Кто?!

— Михай, я не шучу. Сам об этом узнал недавно... Слушай, да ты совсем седой, — перевел я разговор в другую плоскость.

— Да, — Миша поправил белый чуб. — У меня отец еще раньше седесть начал, с двадцати пяти. А вот ты не меняешься. Похудел только и загорел. Когда успел? Еще же не лето.

— Побегаешь с мое и совсем сгоришь, — бросил я.

— И ворчишь, как раньше. А службу-то срочную не забыл? — Миша положил руки на руль, смотрел перед собой. — Повоевали мы в ОМСДОНе...

— Вы воевали? — встряла Вика.

— Да было малость в Карабахе. Отец тебе разве не рассказывал?

— Нет.

Я чувствовал на своем затылке заинтересованный взгляд Вики.

— Чего там рассказывать? Я тогда совсем пацаном был. Насмотрелся всяких мерзостей. Не о чем вспоминать. Разве что только о тебе и как мы дружили... Ладно, хватит лирики. Давай о деле. Вика, иди погуляй.

— Мне и тут хорошо.

— Я кому сказал! — Я повернулся и грозно на нее взглянул.

Повиливая бедрами, Вика обошла машину и направилась в управление.

— Откуда она взялась? — Миша посмотрел ей вслед.

— Да был грешок... На днях встретил ее мать и вот узнал... Девчонка сперва меня отшила, а теперь сама за мной бегае...

— Ну а какое дело?

— Есть тут один тип, некий Георгиев Павел Андреевич. Прощупать бы его по твоей линии. Убили его друга Матвеева Юрия Ивановича, и я подозреваю, что он его "заказал". Сам понимаешь, с доказательствами туго. Должны быть веские мотивы для убийства. И они, как мне кажется, в деньгах...

— Да, задачка. Очень, говоришь, подозрительный?

— На мой взгляд, очень.

— Ну что ж, — хмыкнул Михаил. — Ты пометь мне его координаты и Матвеева этого...

Я выдернул листок из блокнота и написал все, что нужно.

— Держи. Значит, я могу на тебя рассчитывать?

— Ничего твердо не обещаю, но в любом случае позвоню.

— Я есть хочу. — Мы вышли из метро, и Вика, заприметив "Макдональдс", начала канючить.

Григорьев вместе с "Запорожцем" исчез, получив зарплату. Наверное, поехал запастись провизией.

ТРИ РАССКАЗА

Я однажды был у него дома и видел абсолютно пустой холодильник. Куда он деваает деньги? Семьи у него нет, пассии постоянной я тоже не заметил, разве только он ее скрывает...

— Я есть хочу! — снова напомнила о себе Вика, остановившись напротив закуской.

— Мы уже скоро дома будем. Там и поешь.

— А я сейчас очень хочу. — Вика тянула меня за рукав к "Макдональдсу".

Бесцеремонная какая. Знает меня только три дня, а ведет себя так, будто мы всю жизнь вместе. Пришлось разориться на гамбургер и колу.

— Вот доешь, и я тебя к матери отвезу.

— Ник, можно я останусь с тобой?

— Где это? — Я поморщился от того, что и она назвала меня Ником.

— У тебя дома.

— Этого еще не хватало! А школа? Ты ведь сегодня прогуляла, насколько я понимаю?

— Ничего, пару дней можно.

— А вот нельзя! Поедешь домой, — отрезал я. Мне надоело с ней возиться.

— Противный.

— Может быть, но ты сейчас же отправишься к матери.

— Строишь из себя отца, а сам... — вдруг разозлилась Вика.

— Я никого из себя не строю и ни в чем себя не виню. Если бы твоя мать сказала, что беременна, я бы женился на ней. Ради ребенка, то есть тебя. Но это дело давнее. А сейчас, слава Богу, она выходит замуж...

Вика молчала. Так за всю дорогу ничего и не сказала, и я спокойно довез ее домой и сдал на руки Катерине.

Первое, что я почувствовал, когда вошел в квартиру, — запах еды. На вешалке висел длинный белый плащ, а под ним стояли черные туфли на высоком каблуке. Галина хозяйничала на кухне.

— Я тебя пожалела и простила, — сообщила она.

— Да? Очень кстати. Я жрать хочу. — Меня ничуть не взволновало ее возвращение. Вряд ли она меня любит, просто никто на нее не клоннул, вот и вернулась. Конечно, она красивая, но глуповатая...

— Ешь, ешь. — Галина наготовила много всего.

Что в ней несомненно хорошее — готовить она умеет. Но только за это любить человека глупо.

Я включил маленький телек на кухне. Смотрел футбол, а Галина наперегонки с комментатором болтала. Она рассказывала, как жила без меня. А комментатор расхваливал итальянских игроков. В конце концов он дошел до такого: "Виери буквально идет по трупам, вернее бежит, противники остаются за ним лежать на газоне". Я рассмеялся такому его сравнению. Галина обиженно посмотрела на меня.

— Ничего смешного!

— О чем ты говорила? Я не расслышал.

— Я рассказываю о том, что мою подругу бросил

муж и что у нее жуткая депрессия, а ты ржешь как конь.

— Извини, — кротко отозвался я и пошел раздеваться.

Только прилег, как ко мне подкатилась Галина. ласково улыбаясь.

— Галь, если я сейчас не засну, то умру. Я всю ночь не спал.

— Чем же ты занимался? У тебя, кстати, женскими духами пахло, когда я пришла. — Галина прилегла рядом и сверлила меня взглядом.

— У меня дочь была. Я всю ночь ее проискал.

— Чего ты несешь?! Ты же закоренелый холостяк.

— Я тоже так считал, — зевнул я. — Оказалось, ошибался. И дочери моей тринадцать лет.

— А ее мать кто? — Галина царапала мою грудь острым коготком. Злилась.

— Это давняя история.

— Я понимаю, но все же...

— Галь, отстань. — Я отвернулся к стене. — Спать хочу смертельно...

— Тебе не стыдно? Женищина к нему пришла, накормила, напоила, приласкала, а он к ней задом поворачивается...

Тут я уже всхрапнул, что привело Галку в ярость.

— Он еще и храпит! — Она стукнула меня кулачком по спине. — Я ухожу!

— Дверь не забудь закрыть! — напомнил я.

Она ушла, хлопнув дверью. Спать, как назло, уже не хотелось.

"С Георгиевым одно ясно, что дело темное. Может, он и правда не виноват, а я на него наезжаю? Еще один друг Матвеева... как его?.. Варенцов. Также отворотный мужик. Ведь откровенно хамил: "Не хочу тратить время впустую... Вся ваша ментовка кушлена...". Ну разве не сволочь? Хотя если б был замаскирован, не нагнул бы так. Или, наоборот, все просчитал: лучшая защита — нападение. Черт их всех разберет. Может, прав Борис — надо плотнее заняться китайцем и не рыпаться?..."

Неделя прошла тихо. Никто особо не дергал. Начальство интересовалось делом Матвеева, но вяло... Дело китайца прикрыли, и ладненько. Новых дел уже набралось вагон и маленькая тележка. Я закопался в бумагах и к выходным был полностью разбит. Глаза красные, воспаленные, кашель проклятый от излишнего курения. А тут еще вечером в пятницу на дне рождения у Крайнева перебрал и в субботу был никакой.

Горячую воду по закону подлости отключили (хотя дзезовского объявления об этом я не видел). Пришлось страдать под холодным душем.

Когда я стоял в ванной, зазвонил телефон. Голый и мокрый, помчался брать трубку.

— Коля, здравствуй, это я, Катя. Как у тебя дела?

— Не морочь мне голову. Есть дело — говори, а нет — до свидания.

— Погоди. Скорый ты какой. У тебя какие планы на выходные?

— Никаких. Отдыхать буду.

— Понимаешь, — вкрадчивым голосом начала она, — я с Димой поссорилась из-за Вика. Она не дает нам встречаться. А я его очень люблю.

— Короче!

— Короче, — вздохнула Катя, — если эти выходные я проведу с ним, отношения у нас наладятся, и все станет хорошо.

— А я при чем?! Что ты от меня-то хочешь? Чтобы я свечку подержал?

— Коля! Какой ты!.. Я хочу, чтобы Вика у тебя была. Всего полтора дня. Ты все-таки отец.

— Вспомнила! А если бы меня не было, куда бы ты ее дела?

— У меня мать полгода назад умерла. Теперь оставить не с кем... Помоги, а?

— Ладно. Но учти, что я делаю исключение и не собираюсь превратить его в правило. Ясно?

— Ясно. И еще просьба. Ты проследи, чтобы она уроки сделала. А то последнее время совсем учиться перестала.

"Не мудрено, — подумал я. — Мать в гульбу, и дочь в гульбу". А в трубку ответил:

— Хорошо. Прослежу.

"Отлично. Галка вчера убралась в моей берлоге. А то Катя зайдет, увидит бедлам... Ну и что? Наплевать, даже если б и увидела. Что с того?"

— Опять размалевалась? (Вика вошла в квартиру следом за матерью.) Катя, пусть смывает всю эту ерунду, иначе забирай ее назад.

— А что?

— Ничего. С ней на улицу стыдно выйти.

— По-моему, очень даже симпатично. — Катяглянула на дочь.

— Ты еще и поощряешь?! — схватился я за голову.

— Не удивительно, что она так воспитана.

— Нормально воспитана, — встряла Вика.

— Не перебивай! Старшие разговаривают, не лезь! — осадил я ее. — Иди мой свою физиономию.

— Давай, Видуля. Умойся, — ласково попросила Катя.

Девочка неохотно прошла в ванную.

— Коля, я позвоню и скорее всего сама ее заберу. Ты с ней помягче. Ладно?

— Постараюсь.

Катерина убежала к своему Диме, а я остался с этой маленькой фурией.

— Делай уроки, — велел я, а сам сел читать какой-то детектив. Обложка и первые три страницы были вырваны, так что определить автора я не мог.

— У меня пример не решается. Помоги, а?

— Никогда не любил математику.

— Двойки получал? — заинтересовалась Вика.

— Получал.

— И я получаю.

— Ну и глупо! Надо хотя бы стараться. Кем ты собираешься стать?

— Пока не знаю. Может, к вам, в милицию пойду.

— Тебя там только не хватало. Хотя... Увидят бандиты твою боевую раскраску и сами в тюрьму попросятся.

— Дурак!

— Но-но, поосторожнее в выражениях! А то пошнее схлопочешь.

— Натренировался уголовников бить, — съязвила Вика.

Я промолчал. Чего глупые слова комментировать?

— А вот тот парень, Валера. Он что, с тобой работает?

— Да. — Я пытался читать.

— Очень миленький. За такого я бы вышла замуж.

— Чего?! — Я отложил книгу. — Рано тебе об этом думать!

— Ничего не рано!

— С тобой невозможно разговаривать! Ей слово, а она — десять.

— Ну и не разговаривай. Подумаешь!

Прочитав несколько страниц, я снова отложил книгу.

— Чем же он тебе понравился?

— Кто? Валера?.. Симпатичный, высокий, худой, терпеть не могу пузатых. И главное — веселый, шутит, не ворчит, как некоторые, — и она метнула красноречивый взгляд в мою сторону.

— Кто это некоторые?

— Некоторые и есть некоторые, — не стала уточнять Вика.

— Ну, может, некоторые и ворчат, зато они поумнее твоего Валерки.

— Я ему передам твои слова, — пообещала Вика.

— Ну и глупо! Я иду в магазин. Ты со мной?

— Да.

На улице Вика взяла меня под руку, гордо подняла голову и завияла из стороны в сторону.

— Пусть думают, что ты мой старый любовник, — шепнула она.

— Дуреха, — улыбнулся я.

Я накипятил воды в большой кастрюле. Вика помылась, нацепила мой махровый халат, который доставал ей до пят, и прохаживалась по квартире.

— Да, жаль, что у тебя однокомнатная. А то было бы здорово. У меня дома комната и здесь бы была.

— Ты думаешь, меня бы это устроило?

Вика пропустила мои слова мимо ушей.

— А вообще квартирка ничего. Кухня большая... А это что за палка?

— Где?

— Вон, над дверью.

— Это не палка, а турник.

— Качаешься? Сильный, наверное? — Вика потрогала мои плечи и присвистнула. — Здорово!

— Ложись спать, — посоветовал я.

— А я обычно долго не засыпаю.

— Хоть вовсе не спи. А мне пора.

Я устроился на кухне. По потолку двигались бе-

ТРИ РАССКАЗА

лые полосы от фар проезжавших мимо дома машин. Ручные часы, которые я положил рядом на стол, в тишине громко тикали.

"И что только Катька думает? — размышлял я. — Девчонке не нравится этот ее Дима, женишок. А если она выйдет за него? Вика не переменится в одночасье. Это как пить дать. И что же будет? Станет из дому убегать. Вчера клея понюхала, завтра травки накурится — найдутся доброжелатели, угостят наркотой. А мне лазить по подвалам, разыскивать..."

* * *

Утром у меня разболелась голова. То ли неудобно лежал, то ли еще отчего. Все надоело, все мерзко. С каждым днем я старею, а ничего хорошего не происходит. Работа дьявольская, а делать больше ничего не умею, да и не хочу. Разве в охранники податься? Например, в офис к Георгиеву...

— Ник, это твоя записная книжка? — Вика протянула мне коричневую книжку.

— Да. Откуда она у тебя?

— Под столом валялась, — по ее виду я понял, что она уже сунула туда свой нос.

— У тебя много знакомых женщин, — сказала Вика, кажется, с упреком.

— Ну и что?

— Ничего. Ты бабник.

— А вот это не твоего ума дело, — хмуро заметил я.

— Почему же? Ты мой отец.

— Здорово придумала! Когда тебе надо — я отец, когда не надо — нет. Ты уж определись. Я не игрушка. Захотела — поиграла, расхотела — бросила... И учти, я терпеть не могу, когда яйца пытаются учить курицу, как ей жить.

Вика побледнела.

— Ах так! Ну ты меня больше не увидишь.

Она подхватила свой рюкзачок и выбежала из квартиры. Я смотрел в окно ей вслед.

"Старый дурак и эгоист. Отыгрался на девчонке. А ведь она серьезно обиделась. Что будешь делать теперь? Все-таки дочь... Вся в меня... Характер уж точно мой, только избаловала ее Катя".

* * *

Пригорьев заехал за мной, чтобы возить на работу, а я предложил ему прокатиться к Георгиеву.

— Шебалин велел оставить его в покое. Что тебенейдется?

Я не хотел признаваться в истинной причине визита. На самом деле мне было интересно, предпринял что-нибудь Романов или нет.

Кое-как я уговорил Валеру.

Недоезжая до офиса метров триста, лейтенант припарковал машину. Ближе поставить не удалось, все было занято фирмачами.

— Валер, я на минутку. Задам пару вопросов, и все.

Я уже поднимался по ступенькам крыльца, когда увидел Георгиева — бледного, растрепанного, без галстука... Павел Андреевич точно ждал меня.

Дальше все пошло как по нотам. Только я этой музыки почему-то не знал.

Георгиев выдернул из-за пояса солидный пистолет и направил его мне в лоб. Как я успел выхватить свой и первым нажать на курок, не помню. Картина эта напоминала американский вестерн — у кого кольт быстрее. И моя реакция не подвела: я как-никак "молодой человек".

Георгиев упал, держась за простреленное плечо. А на меня налетела группа ребятшек в камуфляжах и черных масках. Коллеги из ОМОНа поставили меня чуть ли не раком:

— Руки за голову, ноги на ширину плеч! Брось пушку! — при этом они еще добавили в мой адрес ряд крепких словечек.

Зная по опыту, что с ними лучше не спорить, я сделал так, как велено. Пригорьева тоже сгребли, вытащили из машины, завалили на капот и надели наручники. Полчаса понадобилось, чтобы омовцы разобрались, что к чему. А Михаил появился уже тогда, когда нас отпустили. Он еще смеялся:

— Ну, братцы, вы даете! Зачем приперлись?.. Ник, как тебя наши не пристрелили, не понимаю. Просто чудо!

— Попробовали бы! — потирая запястья, сбитые наручниками, злился я.

— Зря сомневаешься, — заверил Миша. — Их смутил ваш "Запорожец". Чтобы бандюги ездили на таких колымагах...

— Они бы лучше делом занимались, — ворчал я.

— Ладно, не ухлопали же... Так что вы сейчас ежайте к себе, а я тебе звякну, что да как.

Часа через три Михаил позвонил.

Оказалось, что офис Георгиева — дочерняя фирма Матвеева, и Павел Андреевич наворовал личную сумму, да еще метил в правление головного офиса. Матвеев его разоблачил и хотел подать в суд. Вот тут Георгиев и нанял киллера... Убрав Матвеева с пути, он со временем планировал попасть не только в правление, но и стать его председателем.

— Доказать, что это дело рук Георгиева, нам вряд ли удастся, — заключил Миша. — Но то, что мы его прижмем — это точно.

* * *

— Это нечестно! — Шебалин ходил по кабинету туда-сюда, туда-сюда. — За спиной начальства... вмешивать в свои дела другое ведомство... Просто черт знает что! Друг, видите ли, у него там...

— Но преступление-то раскрыто. Или ты хотел, чтобы на нас числился "всяк"?

— Поживем — увидим, — наконец сдался Борис.

— А ты чего такой бледный?

— Не знаю. Заболел, наверное.

— Ну так лечись. Имеешь право...

Я на самом деле свалился, затемпературил. Терпеть не могу лежать и болеть. Казалось бы, ну чем не повод отдохнуть, ан нет. Так и тянет поехать на работу. Да и валяться в одиночестве тяжко.

Я позвонил Галке.

— Чего тебе?

— Я погибаю. Приезжай ко мне, а?

— То выгоняешь, то зовешь. Знать тебя не хочу!

— Ну, Галчонок, не дуйся. Я болею, мне грустно. У меня бронхит.

— Курить надо меньше...

— Галочка, будь человеком. Я старый, больной мент. Пожалей меня.

— Ты не старый, а наглый.

— Пусть так. Ну посиди у моей постельки, — подлизывался я.

— Может, и посижу, но только завтра.

— А сегодня? Оставишь умирать?

— Ничего с тобой не случится.

— Ладно, суровая женщина, пожалеешь!

Я повесил трубку, и опять стало скучно. Читать нечего. На полке "Анна Каренина", но это не для меня. По телеку сплошной мексиканский мыльный пузырь.

Соизволил позвонить Григорьев:

— Как здоровье молодого отца?

— Пока живой. Скукотища, правда, невероятная.
— Вечером заеду, — пообещал Валера. — А мне тут кое-кто звонил.

— Кто?

— Не скажу. Скоро сам узнаешь.

Я узнал, когда в дверь позвонили. На пороге с непроницаемым лицом и большим заманчивым пакетом стояла Вика.

— Здесь больной проживает? — поинтересовалась она.

— Здесь, — улыбнулся я. Чертовски приятно ее видеть. — Ты, что ль, Валерке звонила? И он разболтал, что я заболел?

— Это неважно.

Я лежал. Вика с ногами забралась ко мне на кровать, кормила пирожками, испеченными Катей, и вдохновенно рассказывала, как целовалась с мальчиком из параллельного класса.

— Я твоим мальчикам ноги повывергиваю, — пообещал я.

— Пожалуйста, если только потом сам подыщешь мне жениха. Типа Валеры. Он очень и очень...

— Я за тебя возьмусь! — грозно заявил я. — Буду держать в ежовых рукавицах.

— Берись, — покорно согласилась Вика. — Только сначала купи мне ролики или велосипед. А то у всех в классе есть, кроме меня. И еще плеер японский...

Я застал: как все-таки был прав Борис! Плакал теперь мой мотоцикл горячими слезами...

Яблоневый сад

Утренний туман. Как будто на все смотришь сквозь запотевшее стекло. Очень хороший туман. Русские ни черта не видят, но и чеченцы будто слепые. Для снайперов, оборудующих позицию, это самое надежное прикрытие. Но солнце скоро раскопечгарится, туман исчезнет и начнется бой. А пока городок и высотка, которую предстоит взять, невидимы.

Сейчас еще сыро, земля влажная, но часа через два воздух раскалится, смешается с пылью.

Их двое. Тот, что постарше и поопытней — Илья, по кличке Лис. В напарниках у него совсем еще пацан — Ваня. За трудолюбие, терпение и крестьянскую хватку в отряде все его зовут не иначе как Крот.

Снайперы долго выбирали место для своей позиции. Невдалеке от подошвы горы — кустарник, кам-

ни и пригорочек, поросший свежей, еще не выгоревшей травой. Вот здесь.

Лис огляделся еще раз, прикинул что-то и с улыбкой кивнул. Иван тут же отложил снайперку в сторону, взялся за малую саперную лопату. Аккуратно срезал дерн, липкую, комками землю относил к камню и подпихивал под него.

Илья одобрительно поглядывал на напарника и поспеивался:

— Крот, ты и есть Крот!

— Длубже заруюсь — целее останусь, — потирая высокий лоб, повязанный зеленой косынкой, отозвался Иван.

Лис тоже снял слой дерна, но этим и ограничился. Нарезал целый ворох веточек с тонкими изумрудными листьями. Ими украсил каску, потом оставшиеся натыкал за пояс и лямки броника и даже в ботинки.

ТРИ РАССКАЗА

Закончив маскировку, Илья глянул в сторону Ивана, однако на месте Крота бутрился лишь чуть приметный холмик, покрытый травой.

— Крот!

Бугорок колыхнулся, и из травы на Илью глянули недовольные синие глаза.

— Чего тебе?

— Да так. Лежи...

Теперь ждать. Смотреть в прицел бесполезно — все еще туман.

— Лис! — через полчаса позвал Иван. — Что-то очень тихо. Где обещанная артподготовка? Я смотрю, никто не чешется. Может, операцию отменяют? Чего ж переться на рожон средь бела дня?

— Не знаю. — Илья достал рацию. — Тула, Тула, ответьте братьям... Прием.

Рация хрипела и пищала.

— Братья, Тула слушает.

— Что у вас там? В гости собираетесь? Почему подарки не шлете? Прием.

— Подарков не будет. Прием.

— А в гости-то пойдете? Прием.

— А как же. Ждите. Прием.

— Не затягивайте. Прием.

— Сами разберемся. Отбой.

Крот все слышал.

— Конспираторы, мать их, — сплюнул он.

— Вчера наше радио перехватывали, — пояснил Илья, пряча рацию. — Наверняка и сегодня помехи устроят.

Солнце неторопливо выползло из-за развалин города, прямо за спинами стрелков. Пришпиленный солнечными лучами туман жался к земле, цеплялся за обгоревшие ветви у подножия горы. Открылось бледное небо, проплешины гор, чуть ниже лес, непроходимый, мрачный — там боевики. Едва немного развиднелось, от городка выдвинулся отряд и стал приближаться к подошве горы.

"Духи" выпустили несколько автоматных очередей. Но так, для острстки: далековато, а потому стрельба велась лениво и небрежно. Они скорее предупреждали.

Лис открыл прицел, благо солнце за спиной — не будет бликовать. А вот чеченским стрелкам солнышко прямо в лоб. Илья внимательно следил за начавшимся восхождением. Отряд разделился, часть пошла влево, другая — вправо. Почти по отвесной горе бойцы карабкались вверх. Лис "вел" их. Он хорошо разглядел лейтенанта, который повернул потное лицо в сторону снайпера, словно чувствуя, что на него смотрят.

— Жарковато братишкам, — заметил Крот, тоже внимательно следивший за восхождением.

Лис видел ту часть отряда, что пошла направо. Они забрались на плато и там снова разделились. Часть осталась на месте, а другие полезли выше.

Началась стрельба. "Духи" ожили, и Лис быстро наметил себе первую цель — боевика, притаившегося с "граником". Едва его черная борода высунулась из укрытия, Илья нажал на курок.

Крот тоже кого-то подстрелил: из-за его бугорка курился слабый дымок.

— За передвижением своих Лис уже не следил — не до того. "Ба-бах!" Еще один "дух" отправился к Аллаху. "Ба-бах!" — не отставал и Крот.

Вдруг блеснула оптика у чеченского снайпера.

— Крот, ты видел?

— Ага. Я его держу. — задумчиво отозвался Иван. — Сейчас!

Хлопнул выстрел, и Лис заметил, как дернулся болотного цвета кустик на высотке. Лис скользнул прицелом выше. И сразу наткнулся на двоих наших, распластавшихся на земле. Одного из них сразу узнал — Саша Медведь — он вчера принес Илье керосин для винтовки, смеялся, говорил:

— Ты свою снайперку холишь, наверное, больше, чем жену.

А сейчас он лежал, откинув большие грубые руки за голову, уткнувшись в кровавое пятно...

Разозлившись на такое смелое вторжение "духи" садили из всего, что было под рукой. Наши отвечали, не жалея огня. Илья хотел подстрелить пулеметчика. Выстрелы слышал, а его не видел.

— Вон он, гад, — словно прочитал его мысли Иван. "Ба-бах!" И пулемет затих. Но тут же заговорил другой, слева по склону.

Бой на горе разгорался, и в городке стреляли — там тоже завязалось сражение не на шутку, и видимо, атакующим пришлось несладко. По крайней мере, с высотки отряд никак не мог уйти, а боевики из города стали отсекать ему тылы. Ребята прорывались, отстреливались. А "духи" сыпали вслед минами.

Лис и Крот потеряли счет времени, до боли в глазах смотрели в прицелы. У Илья затек локоть, но он стрелял, и стрелял расчетливо, методично. Хотя чем-то помочь мужикам, которые сейчас там...

Отряд отходил.

В небе внезапно потемнело. Со стороны высотки поползли тучи — темно-серые, громоздкие. Пошел дождь. Сперва чуть брызнул, а потом припустил. Стеной колыхался над горным лесом, над плато, где остались наши мертвые пацаны: отступавшие не смогли забрать всех. Прежде всего вытаскивали раненых.

Под завесой дождя отошли и снайперы. Грязные, мокрые, они едва добрались до палатки. Скинув бронник и тяжелые ботинки, Лис присосался к фляге с водой. Тело ломило от почти восьмичасового лежания в одной позе.

Илья с нескрываемым удовольствием прошелся босиком по чистому настилу. В глазах все еще стояли лес и огненные вспышки. Крот как повалился на койку, так и заснул.

А Лис вышел из палатки и направился в ту сторону, где до очередного борта разместили раненых. Мимо на носилках пронесли "двухсотого". Из-под него потертого одеяла свесилась перебинтованная рука.

— Погодите, — остановил солдат Илья.

Он подошел к носилкам, откинув одеяло, хотел поправить руку.

Рядовой Серов. Его все звали Сурком, он любил поспать. А теперь вот заснул навсегда. На окровав-

ленным лице удивленное выражение — полуоткрытый рот. А на тонкой цыплячьей шее из-за воротника выбились маленький крестик на грязно-белой нитке. Крестик перевернулся и приклеился к запекшейся крови, тускло поблескивая буквицами — "Спаси и сохрани"...

Вернувшись в палатку, Лис сел писать письмо. Ножом заточил карандаш, ручку он давно потерял.

"Здравствуй, родная!

Машенька, как ты там? Как Ромка?

За меня не беспокойся. Я в полном порядке. Не знаю, что у вас там по телеку говорят, но у нас здесь спокойно, тихо.

Лучше пиши, как вы?

Когда приеду, пока не знаю. Но очень скучаю по тебе и Ромашке. Он про меня спрашивает?

Не бойся, со мной ничего не случится. Ты верь и все! А то ты волнуешься, и мне это передается.

Сегодня целый день на солнышке провалился, от безделья голова гудит.

Как у тебя на работе?

Хорошая моя, я тебя очень люблю и Ромашку нашего. Поцелуй его от меня крепко-крепко. И пришли мне еще карточек. Ромка так быстро растет. Фотографируй его дома или лучше в саду. Наши яблони скоро зацветут. Жалко, я не увижу. Я сейчас пойду спать, писать пока особо не о чем. Ты не обижайся. Знаешь сама, какой из меня писака. Я читать люблю. Пиши мне побольше. Я тебя люблю и целую. Илья".

Маша одевала четырехлетнего Ромку. Мальчик вертел светлой головой, выворачивался из материнских рук, не хотел идти в садик.

— Ромашка, Ромка! Я на работу опоздаю. Ну одевайся!

— Не хочу! — выпятив нижнюю губу, Ромка топнул ногой.

— Это еще что! Я вот папе напишу, как ты маму не слушаешься.

— А папа когда приедет?

— Не знаю, Ромушка, одевайся, пожалуйста.

Они вышли на улицу. По грязной выщербленной дороге пошли к школе, садик располагался в соседнем доме. Оставив сына нянечке, Маша заторопилась в учительскую. Она вела математику у пятиклашек.

Борисов, беспокойный, остроносый паренек, отвечал у доски. Маша смотрела в окно и не слушала его. Там снова зарядил нудный, словно осенний, дождь.

"Почему же так долго нет писем? Что-то случилось. Случилось... Пишет ведь неправду. Обманывает меня. Илюша, Илюшенька... Господи, лишь бы с ним все было хорошо, лишь бы было хорошо... А вдруг его уже нет?.. Господи, я не должна так думать, нет! Он жив, с ним ничего не может произойти... Господи, сохрани его..."

— Марья Васильевна, я ответил, — громко сказал Борисов.

— Да, да, садись, — растерянно отозвалась Маша и начала объяснять новую тему...

Вечером, уложив Ромку спать, она достала из комода письма от Ильи. Перечитывала их. Смотрела в темный сад за окном.

"Вот бы сейчас открылась дверь, и вошел Илья. Скинул с плеча свою камуфлированную сумку и смущенно по привычке потер светлый ежик волос на затылке..."

...Они познакомились тоже весной. Маша приехала в город пробежаться по "комкам". Тогда она только начинала работать в поселковой школе и хотела блеснуть перед учениками красивым, но строгим костюмом — юбка и пиджак. Денег поднакопила, а найти подходящую модель никак не могла.

Присела отдохнуть на скамейку в сквере. Мимо нее прошли двое молоденьких военных. Громко разговаривали и смеялись. Маша даже не глянула на них, она прикидывала, куда же еще сходить.

Один из военных продолжал идти, но все оглядывался. И наконец, не выдержав, остановился, сказал что-то другу и вернулся.

— Здравствуйте, — смущаясь и краснея, сказал он.

— Здравствуйте, — ответила Маша. Белобрысый, сероглазый, у глаз маленькие морщинки. Еще подумалось: "Улыбчивый, наверное".

Сняв фуражку и потирая затылок, он спросил:

— А как вас зовут?

— Маша, — растерялась она.

— Меня — Илья.

— Ну и что? — Маша наконец пришла в себя.

— Так просто, — еще больше смутился он.

— Ну раз так, идите куда шли, — фыркнула Маша и направилась в ближайший универмаг.

Она все-таки купила костюм, вернулась домой и думать забыла о том военном.

Утром, собравшись на работу, вышла на крыльцо. Там стоял все тот же белобрысый парень с огромным букетом нарциссов.

— Это вам, — протянул он цветы. Потом показал на площадку перед домом: — А здесь у вас яблони посадить надо...

Маша ничего не ответила и цветы не взяла. Но он часто и настойчиво появлялся с цветами у ее дома. Приезжал из города. Первой над ним сжалилась Машина мама, стала приглашать в дом и заступаться за него перед дочерью. Цветы, упорство и его застенчивая улыбка сделали свое дело. В конце лета они поженились...

"Где он сейчас? Что с ним?" — думала Маша. Она так и заснула у окна, положив голову на измятые и, как ей казалось, пахнущие гарью письма.

Через три дня высоту все-таки взяли. Обработали "Градом" и взяли. Взяли и городок. Но вокруг остава-

ТРИ РАССКАЗА

лись бандиты. Они часто и дерзко совершали вылазки.

Вечером в палатке Лис чистил свою винтовку. Тщательно, бережно — ершиками, щеточками, затем смазывал маслом.

Поджав под себя ноги, Крот тоже чистил свою снайперку. И все поглядывал на постель Сурка. Поглядывал и вздыхал.

Иван не любил давать кому-то свою винтовку, а Сурку разрешал поглядеть в прицел, порисоваться со снайперкой...

В углу палатки с кряхтением отжимался от пола Митрохин. И без того здоровенные мышцы на загорелой широкой спине надулись и катались под кожей, как волны. Закончив упражняться, он вскочил, ударил босой пяткой невидимого противника и сказал:

— Ну чё, стрелки? Будет у вас сегодня работенка. Наверняка "духи" ночью из своих нор полезут. Вы видали, чего они на стене намарали?

— На какой? — поднял голову Лис.

— Как в город въезжаешь, там пятиэтажка. Ну так вот по всей уцелевшей стене: "Добро пожаловать в ад!" Вот суки! Это мы их к Аллаху отправим.

— Не горячись, Митроха. Из тебя пар идет.

— Чего?! Тоже мне, черти хладнокровные! — разозлился Митроха. — Ну вас! — махнул он рукой и выскочил из палатки.

— Ишь, какой горячий. Плюнь — закипит, — бормотал Крот. — Вот таких и косят, готовых лезть на рожон.

— Надо же кому-то, — философски заметил Лис.

— А сам бы полез?

— Надо было бы, полез. А ты?

Крот ухмыльнулся:

— Не знаю. Смотря по обстановке.

— Но стреляют и в нас не меньше. А если засекут, сам знаешь, как молотят... — успокоил его Лис.

— Все равно... Эти прямо на "духов" идут, а мы — в стороне.

— Ты вот что, герой, винтовку лучше чисть. Мы свое дело делаем, они свое. Вот если бы ты плохо работал, тогда другой разговор.

Чеченцы в который уже раз обстреляли военный городок. Южная темная ночь — хорошее прикрытие. На этот раз казалось, что боевиков просочилось в Грозный больше обычного. Пошла интенсивная пальба. Трассеры оставляли за собой красные дорожки в темном ночном воздухе.

Крот и Лис проворно поднялись на крышу школы.

— Что головой вертишь? Негде окопчик оборудовать? — усмехнулся Илья.

— Не смеяся, береженого и Бог бережет. А здесь толком не схоронишься.

— Это точно, здесь скорей схоронят, — скаламбурил Лис и приготовился к стрельбе.

— Смотри-ка, "границы" в ход пошли, — проворчал Крот, плотнее прижимаясь к шершавому, теплому после дневной жары рубероиду.

Илья наметил цель — затаившегося у дырявой изгороди боевика с гранатометом. В какой-то момент Лису показалось, что чеченец смотрит в его сторону. Он нажал на курок и тут же увидел что-то огненное, стремительно приближающееся.

— О-ох! — выдохнул Крот.

Страшный удар, грохот потряс крышу школы, а спустя секунду-другую Лис почувствовал сильнейшую боль в голове и плече.

Он откинулся на спину и отключился, а когда открыл глаза, с неба прямо ему на лицо падали прохладные и мягкие снежинки.

— Снег — зашептал Илья, — снег!..

— Какой к черту снег? — удивился Крот, тянувший Лиса с крыши на чердак, в укрытие. — Илья, Илья! — кричал он все время. — Ты слышишь?! Ну отзовись же, не молчи!

Лис наконец-то пришел в себя. Отер кровь, натекшую из ушей, ощупал плечо, в которое рядом с ляжкой броника вонзился осколок. И застонал.

— Лис, все будет хорошо, потерпи... Ты только не отключайся! Слышишь?!

Илья кивнул.

— Не шуми и не мельтешишь, Ваня. Не собираюсь я умирать...

"Не бойся! Со мной ничего не случится. Ты, главное, верь. Здесь у нас тихо..."

Маша научилась читать мужнины письма между неровных карандашных строк.

"Мне здесь нормально. А вот тебе, дорогая моя, конечно, тяжело. И как ты там одна с сынишкой крутишься, ума не приложу..."

Недавно он держал эти листочки в руках. Они, как ей казалось, еще пахли порошком, керосином и папиросным дымком.

Ромка прошлепал босыми ножками по крашеному полу. Маша взяла его на руки, закутала в свою луховую шаль, поднесла к окну.

— Где-то наш папка сейчас?.. У него там, наверное, уже лето. А тут зима все никак не хочет уходить. Вон опять дождь со снегом...

Она осторожно уложила Ромку в кровать.

Чуть распогодилось. Черные облака побрели на север, а на небе забелели редкие кристаллики звезд. Яблоневый сад устало качал отяжелевшими от холодной снежной влаги ветвями.

"Последний снег, — подумала Маша. — А яблони обработать пора... Илюша вернется, расстроится, что не ухаживала..."

Физрук

Муршали засохшие розы. В открытую дверь балкона дул ветерок, он и шевелил цветы в вазе. Один красный лепесток сорвался со стебля, заскользил по полированному столу и спланировал на пол.

Павел проследил за ним взглядом.

Цветы предназначались девушке, которая не пришла на свидание. Павел хотел было там же и бросить цветы, но пожалел. Он принес их домой, поставил в вазу и целую неделю, глядя на них, вспоминал о несостоявшемся свидании. Вспомнил без сожаления.

Стрелки зеленого будильника подобрались к цифре "шесть". Павел вставал рано, по армейской привычке. На работу ему только к восьми. Первый урок в школе в восемь двадцать. Он работал учителем физкультуры уже полгода.

Сегодня пятое сентября...

Солнце, поднимаясь, просвечивало шторы, словно желало их раздвинуть. Павел отбросил одеяло и вышел на балкон.

Он перегонял дымящуюся сигарету из одного угла губ в другой и почти не затягивался. Ему просто хотелось почувствовать вкус табака. Это обычно взбадривало его лучше, чем кофе.

Ростов просыпался в солнечной рассветной пыли. Купол бывшей мечети слепил глаза своей белизной. Внизу, под домом, плакучие ивы качали ветвями-плетями от малейшего ветерка. Уже сейчас воздух был теплым, а через несколько часов город затянет горячим маревом. Все лето Ростов обнимала и душила жара.

Павел каждое утро прибирался в комнате. Тщательно стирал пыль с мебели и мыл пол. Он не выносил запаха пыли.

Потом делал пробежку до школы. Размявшись, приходил на первый урок.

С этого учебного года Павел, кроме физкультуры, вел еще военное дело, а после уроков учил мальчишек и девчонок самбо. Он нарочно разделил группу по самбо на две, чтобы задерживаться в школе подольше и приходиться домой попозже — поужинать и спать.

Метода преподавания была у него своеобразная. Он никого ничего не заставлял делать. Если его урок и прогуливали, то не ругался. Просто отмечал отсутствующих в журнале. Директрисе не нравилось такое его отношение к прогульщикам. Она хотела, чтобы физкультурник обязательно жаловался классному руководителю на

ленивых учеников, беседовал с ними и их родителями.

— Если они не хотят, их никто не заставит, — возражал Павел.

— С вами тяжело работать, — обычно заканчивала директриса, но мирилась с этим. Впрочем, где сейчас найдешь молодого опытного военрука, не говоря уж о физруке и самбисте-тренере. В школу на жалкое жалование сегодня идут одни пенсионеры. Вот это и примиряло Галину Васильевну с педагогической несостоятельностью Павла.

Вторым часом в тот день было у Павла военное дело в одиннадцатом "Б". Прозвенел звонок на большую перемену, и он пошел в свой кабинет в спортзале. На лестнице столкнулся с женщиной в сером деловом костюме.

— Вот вы-то мне и нужны, — схватила она его за локоть. — Павел Сергеевич? Я не ошиблась?

— Нет.

— Я Сизова. Мне нужно с вами поговорить о сыне.

Павел пожал плечами.

Едва они зашли в спортзал, как Сизова напустилась на него:

— Почему вы ставите Славику двойки? За что вы его невзлюбили?

— Извините, как вас зовут?

— Марина Петровна.

— Так вот, Марина Петровна. Если бы ваш сын дал мне возможность поставить ему другую оценку, я бы поставил, но он не ходит на физкультуру.

— Нет! Вы придираетесь! Вы думаете, он не русский? Да, он смуглый, но не чеченец. Зачем вам с ним-то воевать?!

Павел поморщился:

— Я вашего сына в глаза не видел. Он прогуливает занятия, и я понятия не имею, смуглый он или нет. Поверьте, меня меньше всего волнует его национальность. Если принесете освобождение от уроков физкультуры, все вообще будет чуденько.

— Какое вам еще освобождение?! Я отпросилась с работы, думала, с вами можно нормально поговорить...

— Да не волнуйтесь, справка мне нужна.

— ...Но я вижу, что мне придется разговари-

ТРИ РАССКАЗА

вать с директором. — Сизова, ничего не слыша, направилась к двери. — Это надо — не волнуешься! — на ходу возмущалась она. — Я еще поставлю вопрос на родительском собрании о том, кто учит наших детей. Войки незадачливые, мало вам Чечни!

Павел сел на низенькую скамью и принялся крутить в руках оранжевый баскетбольный мяч. На правой руке у него действительно недоставало мизинца и безымянного пальца, а правую часть лица покрывали мелкие шрамы от осколков.

"Откуда она узнала, что я воевал в Чечне? — подумал он, но тут же себя одернул: — Разве это секрет? И все же... Кто смеет попрекать меня этим?!"

Директриса заглянула к Павлу через урок.

— Павел, — Галина Васильевна многих учителей называла просто по имени, поскольку годилась им в матери, — Сизова у вас была? Как вы выдержали ее натиск?

— Да все нормально...

— Вы мужественный человек. Она и у меня пыталась скандалить. Но я, правда, быстро отучила ее совать нос в штатное расписание школы.

— По-моему, это вы мужественная, — улыбнулся Павел.

— Да? — Галина Васильевна замялась. — Она хоть не очень вас задела?

— Нет. Все нормально.

Директриса покачала головой и, посмотрев на Павла усталым взглядом, ушла, ничего больше не сказав.

Павел знал, что в Афгане у нее погиб девятнадцатилетний сын, поздний ребенок.

Когда Павла комиссовали, он сначала устроился грузчиком на вокзал. Однако эту работу не протянул. Уволился, но ничего получше найти не мог. Видевшие его изуродованное лицо и руку в приеме отказывали. Он стал выпивать, и это, наверное, не довело бы его до добра, но вмешалась соседка по квартире. Она как-то встретила его на лестничной площадке перед Новым годом.

— Паша, ты с работой определился? Нет? Так вот, мой Витюшка говорил, что у них школе физкультурник нужен.

В секцию самбо, естественно, записались только те, кому это нравилось. Поэтому и Павел работал с удовольствием.

Первая группа отзанималась, у Павла был час отдыха. Он сидел на подоконнике открытого окна, курил, стряхивая пепел прямо на улицу.

За дверью кабинета мелькнула мальчишечья фигура в синем тренировочном костюме.

Этого мальчика Павел заметил и на двух предыдущих занятиях. Гвоздев из шестого "А". Он уже не раз оставался в спортзале, когда там занимались ребята постарше. Садился в сторонку, наблюдая за тренировкой. Павел его не прогонял.

Он пытался вспомнить имя мальчика. Но все его иначе, как Гвоздиком, не называли. Заглянул в журнал. Около фамилии Гвоздев стояла буква "А". То ли Алексей, то ли Андрей, а может, Александр или Аркадий.

— Гвоздев, — позвал Павел. — Иди-ка сюда.

Мальчик спрыгнул со шведской стенки и подошел.

— Как тебя зовут?

— Саша.

— А почему ты, Саша, весь день торчишь в школе? Родители не заругают?

— Не-а. Мама знает, где я. А мне нравится самбо.

Павел улыбнулся.

— Может, ты хочешь попробовать с ребятами постарше?

Гвоздев пожал плечами:

— А можно, я и туда и туда буду ходить?

— Пожалуйста, только ты устанешь.

— Но вы же не устаете.

— Ну я и не занимаюсь в полную силу, я тренер.

Саша нахмурился.

— А просто посидеть с другой группой можно?

— Да ради Бога. Ты ведь и так сидишь.

— Павел Сергеич, а давайте домой вместе пойдем? Вдвоем ведь веселее. А то мои пацаны уже разбежались...

Павел удивился:

— Если нам по пути, то давай.

Закрыв спортзал, Павел вышел из школы. Саша сидел на ступеньках школьного крыльца и терпеливо ждал. Он барабанил ладонями по своему портфелю, выстукивая какую-то мелодию, и в такт покачивал головой.

— Саша, мне направо.

— Мне тоже, — обрадовался Гвоздик. — Где вы живете?

— На Энгельса. А ты?

— А я на Московской.

— Действительно по пути. Только мне еще на рынок надо.

— Я с вами.

— Саш, а когда ты уроки делаешь?

— Делаю! — отмахнулся мальчик. — И не называйте меня Сашей.

— А как же?

— Гвоздик я. Меня так все зовут. Даже мама. Я привык.

Павел купил на рынке букет фиолетовых и белых астр.

— Вы цветы любите? — сморщил нос Саша.

— Люблю.

— Странный вы... Такой дядька, а цветы любите.

— Какой такой? — усмехнулся Павел.

— Ну сильный. Как это?.. Мужественный.

— А что ж я, по-твоему, должен любить?

Ирина ДЕГТЯРЕВА

— Драться! — выпалил Гвоздик.

— Вот уж нет! Терпеть этого не могу.

До улицы Московской они дошли молча. Разговор что-то не заладился.

Павел заменил увядшие розы астрами, наскоро перекусил и сел писать письмо другу в Москву.

"Здорово, Петр! Как ты там? Почему не пишешь, лентяй? Забыл меня? Как служба? Как на личном фронте? Не женился?"

У меня все нормально. Работаю в школе. В общем, живу — не тужу.

Я теперь хорошо понимаю тех, кто с Отчезвенной вернулся. Правда, они с немцами воевали, а мы как бы со своими. Но настроение у них, наверно, такое же было. Я сейчас всему радуюсь, а главное, что жив остался. А ты как?

Насчет врача ты не узнал? Кто она? Я не могу ее найти. Знаю, что зовут Тоня, и все. На мои запросы или вовсе не отвечают, или пишут — недостаточно данных. Она как ангел — была и нет. Может, и правда она мне в бреду привиделась. Жалко, что тебя там не было, ты бы ее запомнил. Я разыскал Смирнова. Так он Тоню тоже не помнит. А мне надо ее найти. Она мне жизнь спасла, а я ей даже спасибо не сказал. Совсем уж по-свински получилось. Ладно, тогда я в отключке был, но сейчас-то... Я лицо ее смутно помню. А вот короткие каштановые волосы и челку — хорошо.

По службе я уже не скучаю, а вот по ребятам нашим очень даже. Повидаться бы...

Ты обо мне не забывай. Хотя бы пару строчек в месяц черкни. Ладно? А так у меня все. Больше писать вроде и не о чем..."

С Петром они лежали за БТРом. Пули летели буквально снопом, высекая искры на броне. Петр что-то кричал прямо в ухо Павлу, но тот не слышал, только видел, как двигаются потрескавшиеся губы Петра.

Вдруг из-за БТРа выскочил чеченец. Павел вскинул АКМ. Тело боевика задергалось под пулями, как кукла на нитках. И пока не опустел магазин, Павел не мог оторвать палец от спускового крючка. И вдруг он понял, что корчится перед ним не чеченец, а Петр...

Павел проснулся, резко сел на кровати. Указательный палец на правой руке дергался. Сжал кулаки, и судорога прошла. В ушах пульсировала кровь, как будто все еще автомат содрогался от выстрелов.

Он снова попытался заснуть. Но едва только начинал дремать, его окружал шум боя. Выстрелы, крики, рев мотора БТРа, потом оглушительный взрыв, яркое пламя... Павел всякий раз вздрагивал и просыпался.

Наконец он не выдержал. Встал и в эту ночь больше не ложился. Включил телевизор, но по всем каналам уже шли только серые полосы...

Он вышел на улицу. На углу мигал желтым светофор, отражаясь в витрине книжного магазина. Павел долго изучал обложки книг на подсвеченной голубым светом витрине. Потом просто гулял, ежась от ночной свежести. Однажды его остановил милиционер, попросил прикурить, а сам внимательно всматривался в лицо.

— Не спишься? — поинтересовался наконец.

— Да, что-то нет сна, — улыбнулся Павел.

— А я бы рад придавить часок-другой, да вот служба...

— Поменяться бы нам.

— Не советую.

До шести Павел бродил по пустому, тихому городу. Вернулся домой, и как будто не было бессонной ночи. Обычные дела — уборка, завтрак и пробежка до школы...

Пронзительные звонки, визг и крики на переменах, топот множества детских ног — все это казалось Павлу музыкой после ночных кошмаров.

Вернувшись с обеда, он обнаружил у себя на столе железную пепельницу в форме ромашки. Как ни гадал, а так и не понял, кто это ему услужил. Пепельница давно бы ему не помешала, но купить ее все было как-то недосуд.

Все разъяснилось на следующий день, на занятиях секции.

Павел заполнял журнал, когда в дверь просунулась голова с взлохмаченными черными волосами. Гвоздик.

— Павел Сергеич, к вам можно?

— Заходи.

Мальчик уселся напротив Павла на скамеечку и глядел лукаво.

До Павла неожиданно дошло:

— Это ты пепельницу принес?

— Ага.

— Спасибо, конечно. А откуда она?

— Мама бросила курить. Ей пепельница не нужна. — Саня замолчал, но, спохватившись, добавил: — Вы не подумайте, она разрешила. Я ей сказал, что вы в баночку курите. Это ведь неудобно?

Павел сдерживал улыбку, чтобы не обидеть заботливого мальчонку.

— Спасибо, Саш. Как говорится, угодил.

Гвоздик покраснел.

— Давайте уже заниматься, — смущенным баском попросил он и выбежал из кабинета.

Павел вертел в руках пепельницу и улыбался.

После занятий он снова возвращался в компании Саши. На этот раз они не разошлись по домам сразу, а погуляли. Павел купил Гвоздику и себе мороженое. Они сели на скамейку около дома Павла.

— Тебе не скучно со мной?

— Скажете тоже! С вами интереснее, чем с Васькой.

— Это твой друг?

— Ага. — Саня облизал губы, но белая струйка подтаявшего мороженого уже стекла с подбородка и капнула на рубашку.

ТРИ РАССКАЗА

Павел достал носовой платок и протянул мальчику.

— Все-таки родители тебя заругают, что так поздно возвращаешься.

— Отца у меня нет, — коротко откликнулся Саня. — А у мамы дежурство.

— Так ты что, один дома?

— Нет. С бабушкой.

— А она разве не волнуется за тебя?

— Бабулька у меня отличная, — похвастался мальчик, поймав хвостик мороженого и облизывая пальцы.

Павел усмехнулся.

— Хочешь еще?

— Не-а. Просто пальцы липкие.

— Я же тебе платок дал.

— Ах, ну да. — спохватился Саня.

Он помолчал, вытирая руки.

— Павел Сергеич, а в выходные вы чего делать будете?

— К родителям поеду. А что?

— А в понедельник вечером? У нас же нет секции.

— В понедельник я свободен.

— Вы не хотите со мной покататься?

— На чем?

— На роликах. У вас есть?

— Что?

— Ну ролики, — удивился его непонятливости Саня.

— Нет. Зачем они мне? Я кататься не умею.

— Как это?! — Гвоздик даже вскочил со скамейки. — Что ж вы, никогда на коньках не катались?

— Нет. У меня и коньков-то никогда не было.

— Что, купить не могли?

— Я не в городе жил.

— А где же?

— В станице.

— Но это ничего. Я вас быстро научу. Только ролики купите.

— Они, кажется, дорогие, — засомневался Павел.

— Что, у вас совсем денег нет? — расстроился Саня.

— Ну почему?

— Тогда вы сегодня купите, чтобы в понедельник покататься. А?

— Посмотрим...

Утром Павел поехал к родителям. Доехал на электричке до Аксая, а оттуда на "ракете" вверх по Дону к Богаевской.

Полдня потратил на дорогу.

Мать встретила его, обняла и заплакала.

— Mam, ну что ты? — Павел погладил ее по плечу.

— Ты месяц не приезжал. Я думала, случилось что.

— Ничего не случилось. Работал. А батя дома?

— Где ж ему быть?..

Они втроем обедали во дворе за вбитым в землю столом. Павел, мать и отчим. Он с детства воспитывал Павла.

Разговаривали, как всегда, о хозяйстве, о политике, о погоде.

— Ну а ты-то как? — мать во время разговора все время смотрела на сына, разглядывала долго-долго.

— Школа как школа.

— Я говорила! — обращаясь к отчиму, мать всхлипнула: — Вырастили бирюка. Слова не вытацишь.

— Правда, Павел, — поддержал ее отец, разглагольствуя рыжую скатерку на столе большими грубыми руками. — Мы тебя ждем. А ты...

Павел усмехнулся:

— Честное слово, живу, как все. Ничего интересного. Вы же все и так знаете.

— А жениться не думаешь? — оживилась мать.

— Mam! Да кто ж за меня пойдет? Меня с такой физиономией только как пугало на огороде выставлять.

— Что ты такое говоришь?! Оставайся с нами. И работенку батя тебе сыщет, и жену подберем... Ну чего ты?

Звонящая тишина, будто темная вата, забивала комнату, мягко укрывала Павла. Только сверчок решался прорезать эту вату своим трескучим голоском. Пахли влажные доски пола, который мать помыла перед тем, как Павел лег спать. Вымахавшие золотые шары постукивали снаружи в стекло маленького незанавешенного оконца. Луна шарила слепым светом по бело-синему ковру, который висел над кроватью Павла. Когда-то, кажется очень давно, здесь стояла его детская люлька, а рядом спал старший брат. Сейчас Миша в Москве, главный инженер завода. У него своя семья, дети. И квартира, в которой живет Павел, принадлежит брату. А тогда, очень давно, Миша рос щуплым, болезненным. А сильный, рослый Пашка только бегал и гонял мяч с друзьями по клочку степи за школой. Мишку не взяли в армию по болезни, и он учился в институте. Павел же, как и полагается, отбарабанил два года и остался на сверхсрочную. Думал даже поступать в училище. А тут Чечня. И все... Комиссовали по ранению. Он остался не у дел. С жалкой пенсией, изуродованным лицом и покалеченной рукой.

— А ты опять кричал ночью. — поутру сказала мать.

В августе их подразделение зачищало пригород Грозного. Этот белый, шербатый от пуль бетонный забор вокруг полуразрушенной четырехэтажки Павел запомнил на всю жизнь. Штурм начали сразу с нескольких сторон. Павел с товарищами ворвался во двор через ворота.

Грохот стоял невыносимый. Из дома лушили без передышки. Двоих из группы сразу же ранило. Однако боевики не ожидали такого натиска и отступили, сдав первый этаж.

Павел продвигался следом за лейтенантом Потаповым по коридору. С потолка и стен сыпалась

штукатурка. Известка забивала рот и нос, слепила глаза. Он видел только широкую спину взводного в бронеке.

За поворотом лежал убитый чеченец. Лестница на второй этаж была разрушена. Потапов выругался и хотел было повернуть обратно, но сверху стали стрелять так, что стена напротив будто взъерошилась от ударивших в нее пуль.

Оттерев плечом Павла, к Потапову протиснулся Гордеев.

— Там шахта лифта, — отрывисто бросил он. — А здесь надо отвлечь нохчей.

Ворвавшись на второй этаж, спешили, чтобы не дать боевикам опомниться. Но те уже пришли в себя и, когда группа попыталась сунуться выше, ее встретил такой же плотный огонь, как и у входа. Стало ясно — нахрапом тут не взять. К тому же обстановка вскоре резко изменилась: к "духам" подошло подкрепление.

— Обложили, — мрачно констатировал взводный. — Надо держаться, иначе...

Всем и без того было ясно, что их ждет в противном случае.

В очередной раз, когда Павел высунулся в оконный проем, его ранило в правое предплечье. Боль была нестерпимой, он несколько раз терял сознание, но все же смог перетянуть руку брючным ремнем. Хотел перебежать в соседнюю комнату, однако боевики, наступавшие теперь и снизу, и сверху, угодили гранатой в коридорное окно. Павла оглушило взрывом, отбросило в сторону, и разлетевшиеся осколки посекали ему щеку и руку.

Он лежал лицом вниз, уткнувшись в пыльный, покрытый толстым слоем известки пол. Подняться никак не удавалось. Все тело ныло, ломало, жгло огнем. Он с трудом перевернулся на левый бок. Лишь сейчас заметил, что мизинец и безымянный палец почти оторваны от кисти и держатся только на коже и сухожилиях.

Павла стошнило. Он откинулся на спину и снова потерял сознание. Очнувшись от нестерпимой ноющей боли. Это Толик Смирнов пытался забинтовать ему руку. Наполовину оторванные пальцы мешали. Семенов морщился, не зная, как поступить.

— Товарищ лейтенант, куда пальцы? — наконец не выдержал он.

— Прибинтуй их, — отозвался Потапов.

— К чему? Они под корень оторваны.

— Прикрути как-нибудь. И надо отсюда убираться. Пока нас совсем не зажали. Всем ясно?

Павел закричал было, когда Смирнов приложил палец на место. Но тот захрып ему рукой рот и помог подняться. Павел ничего не понимал, в глазах у него двоилось, выстрелы и взрывы отдавались в голове эхом.

Смирнов тащил его на своем плече. Сквозь плотную завесу дыма и пыли они продвигались по коридору. Павлу казалось, что рядом мечутся какие-то люди, которых на самом деле не было.

Он не помнил, как они выбрались из здания, куда направились потом и где соединились с группой, в которой оказался врач. Павла и еще двух "тяжелых" занесли в какой-то полуразрушенный дом с дырами в стенах и потолке.

Очнувшись, он увидел перед собой девушку в камуфляже. Правда, нечетко, ее лицо подрагивало и расплывалось.

— Тоня, ну что? — спросил у нее какой-то незнакомый офицер.

— За этого боюсь, — сказала она, вкалывая Павлу промедол. — Если его сейчас же не эвакуировать, может умереть от потери крови.

— "Вертушка" будет через час, не раньше. Если сможешь оперировать сама, решайся...

Когда он пришел в себя, Тоня гладила его по руке и говорила какие-то ласковые слова. Павел плохо слышал и плохо понимал, что происходит, но ему становилось легче от ее спокойного голоса.

Потом прилетел вертолет. Этим бортом его эвакуировали во Владикавказ. Почти три месяца он провалялся в госпитале. Когда выписался, пытался найти Тоню. Но никто ничего о ней толком не знал. Она словно испарилась. На память о ней у Павла остались только пуля и осколок, которые Тоня после операции сунула ему в карман...

В степи занимался рассвет. Павел глянул на часы и заторопился. Наскоро позавтракав, собрался в город.

— Пашенька, может, останешься? — все еще надеялась мать.

— Нет, мам. Мне надо ехать. Тем более я обещал одному мальчишке на роликах с ним покататься.

— Что еще за мальчишка?

— Учится у меня. Смешной такой. Гвоздиком зовут.

— А ты-то что с ребенком связался?

— У него отца нет. А мать им, видимо, не очень-то занимается, вкалывает, вот он ко мне и тянется.

— Тебе своих пора заводить, — напомнила мать.

— Мам, не начинай!

— А что? Что не так? Умру, а внуков так и не увижу.

— Тебе что, Мишкиных мало?

— Так они только летом гостят. А мне с твоими понянькаться хочется.

Павел промолчал, направившись к калитке. Около забора снопом рос душистый горошек, белый, розовый, красный, фиолетовый и голубой.

— Мам, можно я нарву?

— Да ради Бога. А я еще астр и гладиолусов тебе дам.

— У меня есть астры.

— А я свеженьких.

Мать нарезала цветов, а в удобную корзину насыпала помидоров, больших и нежно-розовых, какие Павел любил.

— Ну, я теперь как заправский дачник, — усмехнулся он.

— Ничего. Ты небось там голодный сидишь? Не готовишь?

— Почему же?

— Может, мне к тебе приехать? — заикнулась было мать.

ТРИ РАССКАЗА

— Вот еще!

— Самостоятельный слишком, — сухо заметила она.

Уроки закончились, и Павел встретил Сашку у дверей школы. Тот стоял уже на роликах, перевесив через плечо ремешок портфеля.

— Хорошо, что вы пришли, — обрадовался Саня. — А я вот мог и не прийти.

— Да?

— Мама вчера как глянула в мой дневник, так и не разговаривала со мной весь день. А вечером запрятала ролики в шкаф и сказала, что я дурак.

— Я же тебя предупреждал, — напомнил Павел. — А ты бездельничал напропалую. Постой, а как же ты ролики обратно заполучил?

— Я сказал, что с вами иду и что вы для этого ролики себе купили. Она вздохнула и сдалась.

— Если б знал, что ты уроки не делаешь, ни за что бы с тобой не пошел. И из секции прогоню, если оценки не исправишь.

— Если вы мой друг, то нечего командовать, — обиделся Гвоздик. — А оценки я и так исправлю, не оставаться же мне на второй год.

Павел шел, а Саня ехал рядом, держась за его рукав. Гвоздик с блаженным лицом облизывал эскимо. Вдруг он неудачно выписал пируэт, хватанул воздух руками и упал, чуть не оторвав у Павла рукав. Он сидел на асфальте, держась за коленку и чуть не плача.

— Что, сильно ударился? — испугался Павел.

— Да нет. Мороженое жалко.

Мороженое уже расплылось на асфальте белой лужицей с коричневым шоколадным пятном.

— Это не беда, — улыбнулся Павел, но, посмотрев в дыру разорванных штанов Саньки, нахмурился. — Коленку-то ты сильно разбил.

— До свадьбы заживет! — отмахнулся Гвоздик, вставая. Но тут же плюхнулся обратно, скривив от боли губы.

Павел легко поднял его.

— Я тебя отнесу домой.

— К себе?

— Почему? К тебе.

— Мне за штаны попадет. А у вас мы их могли бы зашить.

— Ну уж нет. Твой дом ближе.

— Вот всегда так, — заворчал Саня.

Они пришли к железному забору, за которым стоял двухэтажный домик с боковой пристройкой. Во дворе росло большое дерево, от ствола которого к дому тянулась бельевая веревка с мокрыми юбками и рубашками на ней.

— Мы тут живем, — показал Гвоздик на пристройку. — Заходите. Там открыто. Мама дома.

Павел толкнул дверь ногой и проник в темный

коридорчик, только впереди виднелся солнечный свет.

— Прямо, прямо, — указывал Саня.

Павел послушался и очутился на кухне. У плиты, спиной к нему, стояла молодая женщина. Короткие каштановые волосы и... что-то очень знакомое.

— Тоня?! — Павел чуть не уронил Саню.

Женщина обернулась удивленная. Милое лицо...

— Мы разве знакомы? — спросила она.

— Вы Тоня? — не верил Павел.

— Тоня.

— Вы меня не помните?

— Не-ет. — Она старательно всматривалась в его лицо.

— Mam, это Павел Сергеич. Я тебе о нем говорил, — вмешался Саня. — Вы что, уже знакомы?

— Нет, мы не знакомы, — Тоня пожала плечами. — Гвоздик рассказывал мне о вас.

— Неужели вы меня не помните?

— А где же мы встречались? Мне вроде знакомо ваше лицо, — наморщила лоб Тоня.

— В Чечне, на окраине Грозного.

— Где?! В Чечне? Но я там никогда не была.

— Как?

— Да так, — улыбнулась она.

— Но вы же врач?

— Я?! Нет. Я юрист. Адвокат.

— Как же так? — Павел смотрел ей прямо в глаза, и она все больше напоминала ту Тоню.

— А кто она? На кого я похожа?

— Она военврач. Она спасла мне жизнь там. На войне... И мне кажется, что вы...

— Да не расстраивайтесь так. — Она коснулась рукой его плеча. — И Сашку можете опустить, коленку сейчас обрабатываем.

Павел поставил Саню на пол, а сам повернулся, собираясь уходить.

— Куда это вы? — Тоня захлопнула перед его носом входную дверь и щелкнула замком. — Без ужина я вас никуда не отпущу. И вообще я должна знать, с кем дружит мой сын.

— Я только его преподаватель. И мне лучше уйти.

— Ничего не лучше. Учтите, я упрямая.

— А сестры у вас нет? — поинтересовался Павел.

— Нет у меня никакой сестры. Может, вы мне в прошлой жизни встречались.

— Шутите? — как-то сразу погрузился Павел.

— Вовсе нет. Вы не поверите, но ваше лицо мне тоже кого-то напоминает... Оставайтесь.

— Нет. Выходит, я просто навязался. А вы меня пожалели. — Павел коснулся двери, но ее голос остановил его.

— Почему я должна вас жалеть? — строго спросила Тоня. — Со слов Сани вы мне понравились. Как я теперь вижу, сын меня не обманул. Поужинайте с нами.

Павел снова посмотрел в ее глаза. Она говорила искренне, а не просто из вежливости. Ему показалось, что он знает ее давно.

Он не смог уйти...

МОЯ РОДНАЯ ЖЕНЩИНА

Евгений ЕРХОВ

Никто тебя не наряжал,
не украшал парчой и златом.
Накинула на плечи шаль
да и ушла со мною рядом.

По-бабы всхлипывала вьшь,
писался сойки крик убогий,
и коростеля долгий скрип
о дальней говорил дороге...

Она и юбки была длинна,
сама себе конца не знала!
В шлые годы и весна
до нас дойти не успевала.

А ты лучилась и цвела,
в тебе тепла и сил хватало.
Да что снега или земля! —
Ты душу мне отогревала...

Спасибо, милая, Иди
Со мною вечно молодая.
А свидьба будет впереди,
подумай только — золотая!!

Женушка моя, роженница,
только солнце со двора —
кальбелькою покренится
к нам медовая пара.

Мы друг другу
как пригрезались!
Занавешены леса,
где скакала и невестилась
ты, светящаяся вся,

где рассветною опушкой
я легко к тебе бегу.
И глаза твои потушены,
как ромашки на луку.

Но на самом-самом доньшке
в нас — рассвета полоса:
медленно восходит солнышко —
материнская слеза!

Петр ДМИТРИЕВ

Что скупо радуешься ты,
Бесшменная работница,
Достигнув финишной черты, —
Иль без прервать не хочется?

Все в жизни было:
день и ночь
Жила чужими бедами.
Не все, кому смогла помочь,
Порой о том и ведали.

Ну что ж, не ведали —
и пусть.
Не в том ты видишь счастье,
Чтобы ризвлять чью-то грусть,
Принять в беде участие.

Не песья сложилась, а запяв.
Все в жизни так непланово...
Но, оглупуться не успею,
Ты в путь пустилась заново.

Не призывать тебе в тиши,
Как гоюями обещано.
Мне дорог жар твоей души,
Моя родная женщина.

Словы давно для нас
отпели,
Только снова
из глуши лесной
К нам в сердца
стучатся птичьи трели
Этой заноздалю весной.

Поздно.
Не сплетутся воедино
Две судьбы,
нам слушать и молчать,
И блестят ульские седины —
Лет, в разлуках прожитых,
печать.

Ты гордо приняла обиду,
Что ненароком я понес,
И не показывала виду —
Нет ни упреков и ни слез.

А я терзаюсь, озабочен,
Как искупить свою вину,
В твоём молчанье —
звон пощечин,
Но я лица не отверну.

И в жажде мира и покоя
Обнять пытаюсь я тебя.
И бьется сердце под рукою —
Процая.

Радуясь,
Любя.

Виктор ПРОДУВАЛОВ

ВСТРЕЧА

За калиткой
с прозрачным сердечком
Вместо ручки железной дверной,
В отчем доме
с узорным крылечком
Меня мама встречала весной.

В доме праздничном
в праздничных плитках
Деревенских красавиц
не счастье.

Рассказали о разном
и, кстати,
Что любовь моя первая здесь.

Встречи прежние
тонут в тумане,
Их вернуть не дано никому.
Только сердце
меня не обманет —
Резедюю пахнуло в пламу.

Вот она
в белоснежной накидке
Улыбнулась приветливо мне,
Та, с которой у нашей калитки
Целовался не раз при луне.

И в глазах те же олитые дал,
И стройна, как и прежде, она.
Постояла...

И оба признали —
У разлуки причина одна:

Разошлись мы
по разным дорогам,
Нашей первой любви не поняв.
Но ушедшего лучше не трогать,
Не искать,
кто же больше не прав.

Длился танец.
Подруга мазала,
Я кружил ее что было сил...
Кто любви недопонял сначала,
Тот, наверно, некрепко любил.

Алексей КАРЕВ

Сколько встреч позади
Учужих и родимых причалов,
Но одну вспоминаю.
А может, придумал ее?
Я тебя повстречал,
Или ты меня
вдруг повстречали,
Тихо таяла зима,
Желтый лист облетал
на жнивье.

А тропинка спешила
Затеряться в березовой чаще,
Я бы мимо прошел,
Только вышла,
что нам по пути.
И глаза твои вору
Польхнули
опычным счастьем...
Я бы мимо прошел.
Но куда же от счастья идти.

Со мною рядом женщина чужая,
А за окном
еще совсем не вечер.
И женщина почти не возражает,
Что руки палажис
я ей на плечи.

Мы пили кофе
и смеялись оружно.
Потом она ушла. И провожал,
Подумал я,
что большего не нужно.
Пришла чужая —
пусть уйдет чуждая.

Павел КАЛИНА

Что ссоры-раздоры?
Устал я от них.
От них не спасает
ни проза, ни стих.

Ты думаешь, я
черной грустью томлю
Всего лишь с того,
что тобой не любим?

Мой Бог! На Земле,
и смеясь, и брзяя,
Вас три миллиарда
не любят меня!

И что ж? Да и сам я,
куда ни крути,
Не в каждое сердце
хотел бы войти.

Но те, что попались мне
раз на глаза...
Пусть их разметала
по жизни гроза,

Но если паду,
выбиваясь из сил,
Я вспомню их всех,
кого в сердце носил!

А ты... Бог храни тебя
почтою и онем...
Ведь нет никого
в бедном сердце твоем.

Виктор ВЕРСТАКОВ

В тылу посольства
Великобритании,
Где одинокий сквер,
скамейки и фонтан,
На первые курсантские свидания
Я приходил, прекрасно ты и пьян.

Близ памятника живописцу
Репину
Скамеечка стояла в темноте...
Внимательней не помню и нежнее
Свиданий в жизни,
чем свидания те.

Московская холодная, холерная
Девчонка издевалась надо мной,
Чтоб через час прикинуться
влюбленной
Перед казарменными прохладной.

Ей нравились, наверно,
многолюдие...
Хмельные галосы со всех сторон:
— Эй, девчонка,
с какой ты киностудии?
— Братан, отдай ее
в наш батальон!

Тогда со страстью,
будто бы всамделишной,
Она приподнималась на носки,
Закидывая на мою шинельницу
Две белых, горностаевых руки,

И прижималась бедрами упругими,
И целовала в губы не стыдись,
Чтобы юницы кокетные с подружками
Завидовали, видя нашу связь...

Я иногда хожу в Замоскворечье,
Сажусь на ту скамью,
когда пуста,

И вспоминаю —
будто вспомнить нечем —
Ее, перед казармой, устн.

НА КАТКЕ

Снег и лед на катке серебрится,
В темноте репродуктор поит.
Мы с тобой не умеем кататься,
Нам опасен любой поворот.

Взявшись за руки, едем по краю —
То по льду, то по снегу почти,
На изгибах катка обмирая
От опасного в жизни пути.

Обгоняя на внутреннем круге,
Нас толкают, беспечно скользят,
Повидавшие виды подруги
И спортивного вида друзья

А иные и вовсе танцуют
На свету, в центре чистого льда,
И копытами восьмерки рисуют —
Не сумеем мы так никогда.

Просто едем и едем по кругу,
Над судьбой не обретим власть.
Просто за руки держим друг друга,
Чтоб когда-нибудь вместе унасть.

Николай КАЗАКОВ

А ИНОГДА ВЕСНОЙ...

А иногда весной
Так хочется расправить
Свалявшиеся за зиму крылья
И лететь, лететь, лететь...
Без разницы куда.
Главное — подальше отсюда.

А иногда весной
Так хочется
Собрать всех любовниц
И отвезти на дачу...
Пусть картошку сажают.

А иногда весной
Так часто кажется,
Что ты умнее
и талантливее всех...
Что просто зло берет,
Что другим так не кажется.

А иногда весной
Кажется, что до неба осталась
Совсем чуть-чуть.
И ты тянешь,
тянешь к нему руки...
Но в последний момент
Кто-то выбивает из-под
ног табуретку.

А иногда весной
Жизнь внезапно вспыхивает
Таковыми яркими огнями
И рассыпается такими
разноцветными искрами,
Что невольно оборачиваешься —
Уж не шагнули
ли чем по голове?

САПОГИ

ВСМЯТКУ

Александр РАТНЕР

ВЕСНОЙ ГЛУПЕЮТ ДАЖЕ УМНЫЕ

- ☛ Лучше женщины может быть только молодая женщина.
- ☛ Чем больше у женщины вес, тем труднее ее бросить.
- ☛ Всем, чего у него нет, он обязан своим любовницам.
- ☛ Этапы женского пути: подруга, любовница, кормилица.
- ☛ Свадебные путешествия привили ей любовь к туризму.
- ☛ Если бы длинные ноги могли компенсировать короткий ум.
- ☛ Все женщины одинаковы, только не все мужья об этом знают.

САТИРА И ЮМОР

☺ Курсант возвращается из отпуска. Рядом с ним в купе едет очаровательная девушка. Он краснеет, бледнеет и все же наконец решается с ней заговорить:

— Простите, вы тоже едете этим поездом?

☺ Офицерская жена пришла к психиатру:

— Доктор, помогите. С ним что-то происходит. Я битый час растолковываю ему, что так жить нельзя, а в результате оказывается, что он ничего не слышал!

На что психиатр задумчиво отвечает:

— Это не болезнь. Это — талант.

☺ Один лейтенант говорит другому:

— Какой противный голос у новой связистки на коммутаторе.

— И не говори! У нее, наверное, и ноги кривые...

☺ Разговаривают соседки:

— Клава, ты не заболела? Я видела, как от тебя сегодня утром доктор выходил.

— Ну так что с того?! Если от тебя каждое утро выходит офицер, это что — война?

☺ Ротный в двенадцатом часу ночи звонит домой:

— Слушай, я через полчаса приду с мужиками. Ты там приготовь на четверых — пожрать ну и выпить...

— Хорошо, дорогой, приходите. За полчаса я управлюсь.

Капитан онемел. Затем сконфуженно говорит:

— Извините, я, видимо, ошибся номером.

☺ — Разговаривают подружки:

— Ой, откуда это у тебя фингал?

— Муж врзал.

— Так он же в командировке!

— Вот и я так считала...

☺ Лейтенант с букетом цветов столкнулся с приятелем:

— Ты куда? — спрашивает тот.

— Свататься к комполка.

— Так у него две дочери и обе не замужем. Ты которую выбрал-то?

— Да пока не знаю... Зависит от обстоятельств.

— Как так?

— Ну если он в настроении, попрошу руки младшей. Нет — придется взять старшую.

☺ Встретились два однокашника, и один другому говорит:

— Жизнь стала просто невыносимой. Все строго регламентировано, каждая минута под контролем, приказы сыпятся один за другим...

— У тебя новый командир?

— Нет, я женился.

☺ Жена ротного родила тройню. Командиры взводов пришли с поздравлениями. Гордый отец показывает им сыновей:

— Ну как, нравятся?

Один лейтенант, внимательно рассматривая младенцев, отвечает:

— Будь моя воля, я бы оставил средненького...

☺ Офицер вернулся домой усталый.

— Кто бы ни позвонил, меня нет дома, — предупредил жену.

Через несколько минут звонок.

— Нет, нет, он дома!

— Ну я же просил!.. — Он возмущенно глянул на жену и отодвинул тарелку. Но та тут же повесила трубку:

— А это не тебе звонили.

☺ — Товарищ полковник, у меня есть одна интимная потребность...

— О чем это вы, товарищ лейтенант?! — вскинул брови командир части.

— О квартире, разумеется. Из-за ее отсутствия даже с женой сплю членораздельно.

☺ Генерал возвращается домой и видит, как с его балкона прыгивает лейтенант и скрывается в кустах. Возмущенный генерал замечает:

— И чему их только в училищах учат?! Ни тебе — "Спасибо, до свидания", ни мне — "Здравия желаю"...

Николай КАРПОВ

ХРАНЮ ВЕРНОСТЬ

*На службу идя, промокал
до белья,
До туфель, облезлых и старых,
Тогда и купила супруга моя
Мне зонтик японский
в подарок.*

*И с этой поры он повсюду
со мной.
Под зонтиком радуюсь жизни,
Его раскрываю я над головой,
Едва только капелька
брызнет.*

*За славный подарок
я верность блюду,
И в дождик обильный
и хлесткий
Под этим зонтом ни за что
не пойду
С какой-нибудь там
вертикальстой.*

ИЗ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

Генетика

*Открытие гена — откровение!
Теперь известны все пути,
Как нам из гена сделать гения...
Но где родителей найти?!*

Наблюдение

*Как к славе смелые поступки,
Как воды талые к разливу,
Всегда приводят мини-юбки
К демографическому взрыву.*

Опровержение

*Что я любитель борimotoхи
И предпочту женитьбе флирт, —
Все это вымыслы и слухи:
Люблю жену и чистый спирт!*

РЕКЛАМНЫЕ МОТИВЫ

Коротко остригшейся красавице

*Чуть не рыдаю с горя я:
— Кто же так вас обкорнал?
— "Всемирная история,
Банк "Империал".*

Блондинке, перекрасившейся в брюнетку

*Я гляжу на вас
с тревогой и опаской —
Мужики от вас балдеют
все подряд.
Ведь какой бы ни покрасились
вы краской,
"Неизменно превосходный
результат"!*

Встреча для вас

**“Я преклоняюсь
перед мужеством
людей в погонах”**

Светлана Крючкова о жизни и о судьбе

Все-таки очень здорово однажды утром проснуться знаменитым! Редко, правда, кому судьба преподносит такой подарок. Народной артистке России, профессору Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов Светлане Крючковой повезло. И случилось это в мае 1973 года, после премьеры по Всесоюзному телевидению “Большой перемены” — ее первого фильма. Помните: “Мы выбираем, нас выбирают. Как это часто не совпадает...”? А предшествовало этому... Впрочем, обо всем по порядку.

Троечница Света — в Книге почета

Еще в школе у меня было ощущение, абсолютно ни на чем не основанное, что мне уготована иная судьба — все так живут, а я буду жить иначе. Практически как Печорин у Лермонтова: “Я чувствовал в душе своей силы необъятные”.

В детстве я не собиралась быть артисткой, но ужасно не любила точные науки — математику, физику, химию. Зато активно участвовала в художественной самодеятельности. Читала стихи. Обожала “Юность”. Утром приносили журнал — и это была причина не

ходить на уроки, — я разучивала стихи и уже вечером со школьной сцены их читала. Занималась в литературном кружке. Пела в хоре, в школьном ансамбле. Такая вот активистка. А когда закончила школу, то мое имя золотыми буквами даже занесли в Книгу почета. Не за учебу — я троечницей была, — а за большую общественную работу.

“Могу, смею и буду...”

И поехала я из родного Кишинева покорять Москву. В училище Малого театра. Конкурс беш-

ный: двести сорок человек на место. Все хотят поступить на актерский. И я туда же. А творческий конкурс — проза, басня, стихотворение, песня, танец. Я это все с удовольствием делаю. Ну, думаю, чепуха. Прохожу все четыре тура, остается нас два человека на место, и вдруг узнаю, что не прошла. Не взяла.

Вот где я разозлилась! Чем я-то хуже? Я должна всем доказать, что могу, смею и буду это делать! Вернулась домой, пожила год с родителями и на следующее лето снова поехала в Москву. На этот раз в Щукинское училище. Дошла до четвертого тура. И вдруг приказ управления культуры — убрать пятнадцать человек. А набирался стандартный курс — тридцать человек. Как вы думаете, кого убрали? Не блатных. И я потеряла веру в справедливость. Поняла, что нет правды на земле, но, как говорит Сальери, правды нет и выше.

Слесарь-сборщик карданных валов

На этот раз никуда я из Москвы не поехала. И зажила очень тяжело. Мне помогали какие-то совершенно незнакомые люди. Я сняла с себя все, что только можно было снять, и заложила в ломбард. Искала хоть какую-нибудь работу — штукатуром, маляром, кем угодно. Спала на вокзалах. Ела две рыбные котлетки в день, потому что они стоили пять копеек. Меня неоднократно задерживали милиционеры и подозревали в занятии древнейшей профессией.

Потом все-таки удалось устроиться по лимиту на завод Лихачева. Слесарем-сборщиком карданных валов. Жили мы прямо на заводе. В комнате — тридцать человек. Все в разные смены работали: кто спит, кто поет, кто танцует, кто читает. Ужас какой-то был... Я вымоталась физически, поехала домой — мама с папой увидели

меня и чуть в обморок не грохнулись.

“Пусть меня не возьмут еще и во МХАТ...”

Пожила у родителей и решила: не берет меня Москва — поеду поступать в Саратов. А что в этом плохого? Олег Янковский заканчивал саратовское училище, Володя Конкин, по-моему, тоже, Саша Панкратов-Черный — горьковское.

Но у нас как в стране? Все дороги ведут через Москву. В общем, вместо Саратова попала опять в столицу. И думаю, пойдучка во МХАТ. Пусть меня не возьмут еще и туда. Обиженная, потерявшая веру в человечество, наученная с детства папой и мамой говорить правду в глаза, я пошла сдавать экзамены.

Вызывают. И садятся десять претендентов вдоль стеночки. Нам и говорят что-то в таком духе: “Вот вам три минуты, покажите быстренько все свои таланты”. Реально это сделать? Абсолютно нет. Оттого и такой огромный процент ошибки при наборе в театральные училища. Кто-то наглый — раз и продемонстрировал все, что у него есть. А тот, кто позастенчивей...

Перед комиссией — листок с нашими фамилиями и тремя графами — обаяние, темперамент, заразительность. Получил три плюса — пошел дальше. Минус получил — уже не пошел. Вызывают первого. “Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...” — “Все, спасибо...” А что “спасибо”? Хорошо, плохо? Непонятно. И мучаюсь всю ночь. А утром пришел и видишь — есть твоя фамилия в списке или нет.

“Только темперамента больше не демонстрирую...”

Доходит очередь и до меня. Думаю, Боже мой, как же соединить и обаяние, и темперамент, и зара-

зительность? Да еще в кабинете старшекурсники сидят, похихикивают. Для них это вообще концерт. И как начала я басню кричать! Меня сразу остановили: “Тихо, тихо, что это такое?!”. Я им: “Как что? Темперамент”. И тогда прозвучала фраза, сыгравшая решающую роль в моей жизни: “Ты неправильно читаешь. Не так надо читать”.

И тут я вспомнила все: и завод Лихачева, и комнату на тридцать человек, и ломбард, и рыбные котлеты по пять копеек. Разрыдалась, встала в позу и заявила: “Я знаю, КАК вам надо читать! И КОГО вы принимаете в свои московские театральные училища! Или вы думаете, я ничего не вижу?”...

Я понимала, что сейчас меня выгонят, что все пропало, но должна была сказать правду, как всю жизнь учил меня папа. И выплеснулось это очень быстро, темпераментно, со слезами. В общем, пошла, пошла, пошла и выпалила все, что думала.

И вдруг педагог говорит: “Выйдите все! Пусть Крючкова останется”. Я рыдаю. Он: “Дайте девочке воды!” Я: “Не надо мне от вас ничего!” Он: “Читайте дальше!” — “Не буду я больше для вас ничего читать! Я все уже сказала”...

Но, слава Богу, он меня все-таки заставил читать. И был это отрывок из “Олеси” Куприна, тот момент, когда выходит она из церкви и ее начинают забивать камнями. Заканчивался отрывок такими словами: “Отбежав шагов на пятьдесят, Олеся остановилась, повернула к озверевшей толпе свое бледное, исцарапанное, окровавленное лицо и крикнула так громко, что каждое ее слово хорошо было слышно на площади: “Ну хорошо же! Вы еще у меня это вспомните! Вы еще все напалчетесь досыта!”

Так я педагогу все это и изложила — со слезами и неподдельной обидой. Он меня выслушал и говорит: “Замечательно. Иди в

соседнюю аудиторию, читай там художественному руководителю курса. Только темперамента больше не демонстрируй..."

"Будем лечиться или характер менять?"

Руководителем курса оказался Василий Петрович Марков. Первым делом он спросил: "Сдашь общеобразовательные экзамены?" "Конечно!" — искренне удивилась я.

А оказалось, что тогда я просто еще не знала бытовавшего в актерской среде анекдота: "Заходит в мясной отдел покупатель и видит: лежат мозги академика — пятьдесят рублей за килограмм, мозги артиста — триста рублей. Он вызывает завотделом: "Скажите, пожалуйста, почему такая несправедливость — мозги академика настолько дешевле мозгов артиста?" А тот ему и отвечает: "Это ж сколько артистов нужно забить, чтобы килограмм мозгов получить!"

Я дошла до четвертого тура. От вида приемной комиссии можно было потерять сознание. Председатель — Василий Иосифович Топорков, рядом сидели Яншин, Грибов, Комиссаров, Белявский, Тарасов... Страшно было смотреть в сторону комиссии...

Но я должна была поступить. И я поступила.

И еще долго потом тот педагог, которому я по-купрински пообещала, что они у меня напашчутся, при встрече интересовался: "Ну что, девочка моя, будем лечиться или характер менять?"

Зато теперь я очень спокойно реагирую, когда студенты у меня плачут, в истерику впадают. Я говорю: "Ничего, ничего. Бывает хуже".

"Наступили "фрачные дни"

МХАТ — особый мир, и я горжусь этой школой. Девочкам запрещали ходить в брюках, ку-

рить. Не разрешали даже краситься, объясняя тем, что актер не должен иметь каждодневного имиджа. Он должен быть как губка — впитывать все в себя, потому что ему приходится играть разных персонажей. Эстраднему артисту проще — вот я такой раз и навсегда. А драматический актер не имеет на это права. У нас были "фрачные дни" — это когда мальчики ходили во фраках, а девочки в длинных платьях. Ни в одном другом институте такое не практиковалось. У нас было принято вставать, когда входил не только педагог, но и старшекурсники.

Нам запрещали сниматься. Конечно, все тайком бегали на Мосфильм, проходили фотопробы. И я бегала два года...

"Большая перемена" на экране и в жизни...

И вот что значит случай в актерской жизни! И вот что значит оказаться в нужное время в нужном месте! Судьба...

Как-то в очередной раз понесла на "Мосфильм" сценарий. Не мой, не мне предложенный. Только посмотрела на первый лист "Большая перемена".

Отдала сценарий и лоб в лоб сталкиваюсь с мужчиной. "Девушка, а вас как зовут?" — "Света". — "А что вы делаете сегодня вечером?". Я ему с вызовом: "А что?" — "Да нет, нет, ничего. Просто хотел пригласить вас на репетицию на "Мосфильм". Вышла, спрашиваю: "Кто это такой?". Оказалось Алексей Александрович Корнев, режиссер фильма "Большая перемена".

Прихожу вечером на репетицию и вижу двух известнейших артистов — Александра Збруева и Михаила Кононова. Их знала вся страна, а я была всего лишь студенткой третьего курса.

Вначале пробовалась на роль жены Ганжи, которого играл

Збруев. А фрагмент был такой — он приходит, а я должна его не пускать. Режиссер приказал: "Стой до последнего!" Но весовые категории у нас были слишком разные, он быстро начал меня теснить, и мне ничего не оставалось делать, как его укусить. И получился укус очень сильным. У Збруева потекла кровь, и Корнев сразу прекратил репетицию. Я в слезы. Думаю, опять все не так... Прихожу домой, и вдруг раздаётся телефонный звонок. Беру трубку, а мне ассистентка режиссера говорит: "Светлана, Алексей Александрович берет вас сниматься. Но он предлагает совершенно другую роль..."

И еще один интересный момент. По первоначальному замыслу петь должен был Збруев. А получилось, что запела я...

Фильм вышел 1 мая 1973 по Всесоюзному телевидению. Меня увидела вся страна, и уже на следующий день за мной по улице бегали детишки и почему-то кричали: "Нестор Петрович! Нестор Петрович!".

Такая вот первая роль. А потом только в кино их было семьдесят восемь...

И практически сразу после "Большой перемены" последовали предложения от пяти московских театров.

Искусство как любовь

Я всегда сравниваю искусство и любовь. Правильно определить в творчестве — как замуж выйти. Пять претендентов, пять театров — куда пойдешь, так и жизнь сложится. Я долго мучилась, никак не могла решить — ну куда?!

И тогда, словно чувствуя мое состояние, вызывает меня ректор и протягивает бумагу: "Подпиши!". Я подписала, а потом спрашиваю: "А что подписала?" Он мне спокойно отвечает: "МХАТ".

КАЛЕЙДОСКОП

***“Крючкова — гениально,
остальные — спасибо”***

Моя первая роль в театре — Александрина Гончарова по пьесе Михаила Булгакова “Последние дни”... Мне казалось, что я играю ужасно, и не стеснялась об этом открыто заявлять. Но старшие товарищи меня поправляли: “Ни в коем случае нельзя так говорить! Как бы ты ни играла, всегда говори: “Крючкова — гениально, остальные — спасибо...”

“Я видела настоящее”

Мне в жизни никогда не дарили дорогих подарков — ни дач, ни машин, ни квартир. Но зато другие подарки мне судьба до сегодняшнего дня — тьфу, тьфу, тьфу! — постоянно преподносит.

У меня были замечательные режиссеры в театре и отличные кинорежиссеры, великолепные партнеры, и всегда я работала в театре с прекрасной драматургией. И когда спрашивают, почему мне сейчас многое не нравится, я отвечаю, что мне есть с чем сравнивать, я видела настоящее.

Мне посчастливилось запрыгнуть в последний вагон уходящего в никуда поезда с мастерами.

***“Лучше умереть
в полете...”***

Везучий ли я человек? Я Тигр по гороскопу. А на Тигров постоянно сваливаются кирпичи, перед ними закрываются кассы, заканчиваются билеты. Такая вот постоянная невезуха...

Шестнадцать лет назад во время съемок получила серьезную травму, которая выбила меня из активной жизни почти на два года. Врачи даже всерьез советовали сменить профессию. Но я подумала, что лучше умереть в полете...

***“Дети примиряют меня
с этим миром”***

Часто задают вопрос, что для меня важнее — работа или семья? И я всегда отвечаю: как же все-таки замечательно, когда есть и то и другое. Помните, как говорил Юрий Никулин: “Счастье — это когда утром с удовольствием идешь на работу, а вечером с радостью возвращаешься домой”.

А еще я считаю, что у женщины есть дополнительная, данная Богом составляющая счастья — это дети. И пусть мужчины не обижаются, но любовь женщины и любовь мужчины к детям — это несколько разные вещи.

Детей у меня двое. Старшему — Дмитрию — восемнадцать, он учится на кафедре звукорежиссуры. Младшему — Александру — девять. И хотя они от разных мужей, но оба рыженькие и похожи друг на друга. На “Ленфильме” ходила шутка: “Если Крючкова родит от негра, то ребенок будет рыжим и голубоглазым”...

Дети примиряют меня с этим миром. Если бы не они, я иначе относилась бы к современной молодежи, многое бы ей не прощала. Через своих детей я начала понимать душу современной молодежи. Мне стали гораздо ближе и понятней и их прически, и одежда, и — главное — мысли и настроение.

Самое большое счастье для меня — сидеть ночью на кухне со своими детьми. И каждый раз они для меня раскрываются по-новому, каждый раз я нахожу в них поразительные вещи.

Для моего старшего английский стал роднее русского. И при всей моей любви к русской литературе, русской поэзии, которую я хотела ему привить, он пишет стихи на английском. Было, правда, время, когда он сочинял и на русском, и мне это ужасно нравилось. А сейчас Митя их пишет уже как носитель языка, и я

чувствую, что мне за ним не утаться. Кроме этого, он говорит по-немецки, испански, изучает французский. И все это самостоятельно, без учителей. Митя отлично знает компьютер. Пишет музыку.

А маленький недавно читал мне свои философские изыскания. И это было потрясающе! Он снаружи у меня такой вроде хулиганистый, такой вроде простой ребенок и вдруг пишет: “Зачем живет человек? Я думаю, все-таки для любви. А любовь обязательно соседствует с грустью”. Дальше он пишет о том, что у него еще нет настоящих друзей. Он читал, а мне было даже страшно: “И когда сидишь один в комнате, сердце твое разрывается от холода и боли”. И это в девять лет!

Еще у него есть очень интересные рассуждения о прошлом, написанные в стиле японского хокку.

Так что, повторю вслед за Мариной Сергеевной Петровых: “Смысл жизни не в благоденствии, а в развитии души”.

“Я люблю тебя...”

В зеркало стараюсь вообще не смотреться. Может, кому-то и покажется это странным, но я крапсую только перед выступлениями. А так, по жизни, хожу какая есть. Отражение свое вижу в глазах любящих меня мужчин — их трое — и каждый вечер слышу из детских, юношеских и взрослых уст: “Я люблю тебя...”

***“Слухи о моем переезде в
Москву сильно
преувеличены”***

Ох уж эти слухи!.. Нет, не переехала и не собираюсь. Все дело в том, что в минувшем году я гораздо больше времени провела в Москве, чем в Петербурге. Было очень много спектаклей. И в Театре сатиры, и в Театре эстрады. А во Дворце культуры железнодоро-

жников вообще был переаншлаг...

Да и в кино я снималась тоже в Москве. Вместе с Людмилой Гурченко, Лией Ахеджаковой и Ириной Купченко играла у Эльдара Александровича Рязанова в фильме "Старые клячи". Так что слухи о моем переезде в Москву сильно преувеличены.

Хотя, честно сказать, работать в Москве хорошо. Но жить я хочу только в Питере. Там дети мои родились, там очень уютно... Да и просто — люблю я этот город.

"Очень русская..."

Иногда спрашивают, не хочу ли уехать за границу. И я всегда категорично отвечаю — нет. Я очень люблю эту страну. Эту несчастную, эту замечательную, эту уникальную страну. Я никогда отсюда не уеду. Даже на капу-

стниках про мою национальность говорили: "Очень русская..."

А вот поработать за границей — с удовольствием. Но они же меня не знают!!! Хотя Никита Михалков постоянно твердит: "Крючкова — голливудская актриса".

"Уронила сценарий — сядь на него"

Суевренный ли я человек? Конечно, как и любой артист. Вернулась — посмотрись в зеркало. Уронила сценарий — сядь на него.

Летели мы как-то на гастроли в Германию, и у меня выпали несколько листиков из сценария. Делать нечего — села на них прямо между рядами. А чтобы никто не подумал, что мне стало плохо — я изо всех сил стала улыбаться. Представляете картину — тол-

стая тетка ни с того ни с сего плюхается на пол, при этом ослепительно улыбаясь?!..

Привет отцу!

Среди множества курьезов, которыми наполнена жизнь артиста, для меня особое место занимают те, что связаны с моим отчеством и фамилией. Светлана Николаевна Крючкова. Артистка. Естественно, первое, что приходит на ум непосвященным — дочка артиста Николая Афанасьевича Крючкова.

Сдавала я экзамены на получение водительских прав. Чувствую, милиционер, немолодой уже, относится ко мне подозрительно. Когда все закончилось, он мне и говорит: "Я большой поклонник творчества вашего отца. Передавайте ему громадный привет!"

Знал бы он, что мой папа работал в Молдавии следователем КГБ!

В конце нашей беседы я не мог не спросить Светлану Николаевну об ее отношении к армии, к внутренним войскам.

Ответила она очень коротко и четко:

— Я преклоняюсь перед мужеством людей в погонах. — И добавила: — И перед мужеством матерей, у которых сыновья служат в армии. У всех матерей тревога за детей, а у этих — особенно.

**Беседу вел майор
Николай КАЗАКОВ**

Фото автора и кадр из фильма "Старые клячи"

ЛЫЖНЯ ЗОВЕТ

Заискрились по стеклу узоры: вспыхнули в первых лучах солнца золотистые лилии, листья неведомых деревьев, сквозь чашу которых подсматривают за тобой таинственные существа. Постарался мастер-художник Мороз, преподнес роскошный подарок! Любуйтесь, люди, примите привет от природы! Только поглядите в окно: вокруг белым-бело. Пока вы спали, все преобразилось. Слепительное покрывало спрятало вчерашнюю серость, грязь. Деревья в сквере принарядились в пушистые дохи.

Нет, не усидеть при такой погоде в четырех стенах. Сердце рвется на простор! Где же кони-снегоходы? Конечно, на балконе или в кладовке. Выдалось свободное время, не упускай возможности. На аллеях сквера и дорожках парка еще насыпаны сугробы. Знай накатывай между елей и березок.

Упругий толчок посылает тело над пушистым великолепием. Лыжные палки подхватывают инерцию хода, ускоряя движение в ритмичном покачивающем порыве. Дышится с упоительным наслаждением. Не воздух, а синевато-жемчужный нектар наполняет каждую вашу клетку новой порцией силы и бодрости.

Как-то сама собой возвращается усвоенная с детства техника движения без пауз. Шаг длинный, как говорят спортсмены, накатистый. Вынося палку вперед, опускаешь ее так, чтобы острие пришлось рядом с носком выдвинутой вперед лыжи. Если же выставишь палку слишком далеко вперед, то торопливый толчок будет равен холостому. Сами не замечая того, вы притормаживаете скольжение.

При наращивании темпа обновляется запас энергии прямо на ходу. Послушные заданному ритму мускулы напрягаются только в момент, когда нужно продвинуться вперед.

Затем они расслабляются, отдыхают. Происходит быстрое накопление силы для очередного толчка. Напряжение гармонично чередуется с покоем. Вы идете легко и непринужденно. Со стороны это выглядит красиво.

Разумеется, вам придется подружиться с усталостью, научиться обращаться с ней профессионально. К примеру, можно менять способ бега. Прежде всего принаравливаться к местности. Вот полянка с тяжелым рыхлым снегом. Ее лучше одолеть широким скользящим шагом, поочередно работая палками. Коекто называет такой ход русским, или попеременным.

Впереди участок накатанной лыжни с небольшим и плавным уклоном. С каждым очередным шагом удобнее сильно отталкиваться обеими палками. Подобный способ окрещен одношажным. При этом получают возможность отдохнуть целые группы мышц, а скорость наращивается.

Лыжня не только зовет, но и экзаменует. Речь идет о правильной подгонке лыж. Они выбираются в соответствии с ростом человека. В магазине спортивных товаров следует внимательно осмотреть приобретаемую пару, проверить ее скользящую поверхность. Обратите внимание на направляющий желобок: нет ли в нем извилин.

По длине лыжи подбираются просто. Встаньте рядом с ними и вытянутой рукой достаньте их кончики. Ни больше ни меньше. Позаботьтесь о палках. Знатоки предпочитают алюминиевые трубки. Материал прочный и легкий. Толковые запятники, или кольца тоже нуждаются в пристальном осмотре. На них не должно быть трещин, вмятин и других дефектов.

Не менее важен точный выбор мази. Здесь действует проверенный принцип — по погоде. А она, как из-

вестно, капризна. Вот почему знатоки нередко запасаются разными мазями и при необходимости меняют покров скользящей поверхности.

Дальние прогулки на лыжах — это еще и проверка на выносливость, которую специалисты определяют как способность организма противостоять усталости. Неприятное ощущение постепенно одолевает начинающего лыжника. Тело будто наливается свинцовой тяжестью, перехватывает дыхание. Хочется глотать морозный воздух открытым ртом. Появляется желание остановиться, прислониться к дереву или присесть на пенек. Усилием воли можно и нужно преодолеть усталость. И тогда появится, как утверждают спортсмены, второе дыхание.

Упорство дает добрые плоды. Человек, дружащий со снегоходами, обретает природную закалку. Он расстается с простудой, нудным насморком и кашлем, не опасается стужи. Заметно возрастает его работоспособность.

И это только начало восхождения к тем высотам, которых достигли спортсмены-лыжники ледовых походов на Северный полюс во главе с известным исследователем Дмитрием Шпаро. Кстати, суровую школу тяжелых тренировок они предварительно прошли в Подмосковье.

Человека вновь и вновь влечет помериться силой с белым безмолвием. Недаром знаменитый путешественник Федор Конюхов в своем дневнике сделал запись: "Проторю лыжню к макушке земли". И проторил.

... А начиналось все с первопутка по снежной пороше. С горячего отклика на зов лыжни.

Алексей ИВАНОВ

ЯГОДА, ЕЖОВ, БЕРИЯ...И ДРУГИЕ

В последние годы вышло немало книг, освещающих непростую историю органов НКВД. Однако в этих изданиях по-прежнему в тени оставался один из важных вопросов — кадровый состав советских карательных органов. Как известно, без глубокого анализа руководящего звена чекистского ведомства невозможно получить полное представление о деятельности всемогущего НКВД эпохи большого террора.

Заполнить этот пробел позволяет вышедший в конце прошлого года в издательстве «Звенья» солидный научно-исследовательский труд — справочник по истории органов НКВД, охватывающий период с середины 30-х годов до начала Великой Отечественной войны*.

Временные рамки при подготовке данного издания выбраны не случайно: в июле 1934 года был создан общесоюзный Наркомат внутренних дел, а в феврале 1941 года его разделили на два родственных чекистских ведомства — собственно НКВД, осуществлявший руководство милицией, ГУЛАГом, другими органами внутренних дел, и НКГБ, занимавшийся исключительно обеспечением государственной безопасности страны.

Огромная ценность книги состоит в том, что она строго документальна, при ее подготовке использовались архивные материалы и другие достоверные источники. Авторы-составители ушли от субъективных оценок освещаемых в книге личностей и событий, что также является достоинством издания.

Как известно, интерес к истории карательных органов пришелся на годы так называемой перестройки и гласности. Именно тогда стазы периодических изданий захлестнул вал публикаций, выливших на читателей массу ранее засекреченной информации о деятельности руководителей ВЧК-ОГПУ-НКВД. Биографические сведения, содержащиеся в этих публикациях, зачастую были основаны на устных источниках, порой непроверенных и недостоверных фактах. В результате средства массовой информации вольно или невольно составили у читателей превратное представление о деятельности «железных сталинских» чекистов эпохи борьбы с врагами народа.

Только после 1991 года, когда были приоткрыты спецхраны, у авторов книги появилась возможность обратиться к документам и подготовить солидный и, главное, достоверный справочник.

Условно книгу можно разделить на две части. В первой представлена структура НКВД — центрального аппарата и территориальных органов. Причем для каждого структурного подразделения указаны время образования и ликвидации, все переименования, а также при-

ведены правительственные постановления и руководящие приказы, регламентировавшие их деятельность и реорганизации, фамилии руководителей и период их пребывания в должности.

Наибольший интерес у читателей вызовет вторая часть книги, которая содержит более 500 кратких биографических справок и послужных списков руководителей центрального аппарата НКВД, его основных главков и территориальных управлений. Персоналии снабжены фотографиями, что придает изданию особую ценность. Главной задачей авторы считали подробное описание именно чекистской карьеры того или иного руководителя. Это позволило документально проследить карьеру высокопоставленных чекистов, кратко осветить их жизненный путь до и после работы в органах, установить точную дату и причину смерти. Как выяснилось, большинство из них расстреляли в годы массовых репрессий как врагов народа. Любопытно, что при наркоме Г. Ягоде было арестовано лишь два руководящих работника НКВД. Массовые репрессии против чекистов осуществлялись в 1937 году, после прихода в органы Н. Ежова. Однако пик их приходится на 1938 — 1940 гг., когда хозяином Лубянки стал Л. Берия.

Необходимо отметить, что основная масса репрессированных чекистов реабилитирована в 1956 — 1960 гг. Тех же сотрудников органов, которые были осуждены и расстреляны при Берии за нарушение социализма, реабилитация в основном не коснулась.

Книга-справочник предназначена для ученых-историков, студентов гуманитарных вузов, а также для всех тех, кто интересуется отечественной историей.

* Петров Н.В., Скоржин К.В. Кто руководил НКВД, 1934 — 1941: Справочник. — М., Звенья, 1999, 502 с.

Олег КАПЧИНСКИЙ,
член Союза журналистов России

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Превосходные миниатюры

K:g4/Cb5+! спасения нет.
Черные сдались.

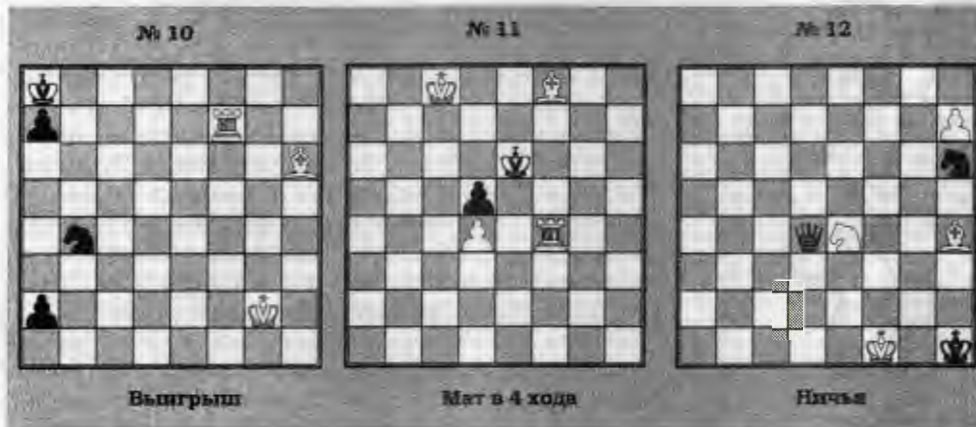
Юбилей ФИДЕ

Международная шахматная федерация (ФИДЕ) была образована в 1924 году. Тогда в нее вошло 14 стран, сейчас же стран — членов ФИДЕ более 130. В прошлом году ФИДЕ отметила в Париже свое 75-летие. Торжества прошли под патронажем президента Франции Жака Ширака. Президентский совет ФИДЕ выразил ему благодарность особым письмом.

Однако внимание широкой аудитории было приковано не к торжествам, концертам и награждениям, а к решениям Президентского совета ФИДЕ, рассмотревшего ряд злободневных вопросов, главным из которых были чемпионаты мира. Как известно, небольшая группа гроссмейстеров предлагала изменить порядок, сроки и статус проводимых чемпионатов мира.

Президентский совет решил проводить чемпионаты мира, как и ранее, ежегодно, причем мужской и женский одновременно. Время проведения — ноябрь-декабрь, место проведения в 2000 году будет определено в мае. Место чемпионата 2001 года уже названо, это Дортмунд (Германия). Метод чемпионатов также сохранен (нокаут-система). Победителям чемпионатов будут присваиваться звания чемпионов мира. Эти решения отвечают интересам широкого круга шахматистов и потому поддержаны ими.

Рассмотрен вопрос о допинг-контроле. Совет постановил создать медицинскую комиссию, которая должна установить перечень запрещенных препаратов для шахматистов как спортсменов.

Миниатюрами называют произведения с числом фигур не более семи.

В этюде № 10 не решает 1. Lf1? Kc2 2. Cg7 Kc3+ с ничьей. Правильно 1. Cg7! Kc2 2. Lc7! a1Ф 3. C:a1 K:a1. Соотношение сил ничейное, но белые побеждают, ладья ловит коня. 4. Lc8+ Krb7 5. Lc1 Kb3 6. Lb1! с выигрышем, например: 6...a5 7. L:b3+ Краб 8. Krf2 a4 9. Lb8 Краб 10. Kpe2 a3 11. Kpd2 Кра4 12. Kpc2 и пешка задержана.

В № 11 пикантная жертва: 1. Се7!! Kp:e7 2. Kpc7 Kpe6 3. Kpd8 Kpd6 4. Lf6X!, 2...Kpe8 3. Kpd6 Kpd8 4. Lf8X! Два эхо-мата.

В этюде № 12 белые спасаются путем пата, во что трудно поверить, глядя на начальную позицию. 1. h8Ф! Ф:h8 2. Cf6! Фе8 3. Kf2+ Kph2 4. Ce5+ Фе5 5. Kg4+! K:g4, пат. Жертвой все! Таков парадокс большинства патовых этюдов.

Любителям гетеродоксов предлагаем посмотреть решения задач на обратный и кооперативный маты.

№ 13. Краб, Фh2, Ла7, Lc1, ш. b6, f6, g6 (7) — Kpg8, Lb7, Kc3 (3), обратный мат в 6 ходов. 1. Ла8+ Lb8 2. Фh7+ Kpf8 3. Фg7+ Kpe8 4. Фf7+ Kpd8 5. Фе7+ Kpe8 6. Фd6!! и у черных один ход — 6...Л:a8X!

№ 14. Kpe2, Фd1, ш. b5, d5 (4) — Kрс8, Lb8 (3), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1. Л:d5 Фh1! 2. Ld8 Фс6X!, 1. Л:b5 Фа4! 2. Lb8 Фс6X! Подобные маты принято называть "эполетными".

Суперминиатюра

Миниатюры есть не только в композиции, но и среди партий. Приводим одну из них.

Я. Тимман — М. Бакалли, 1974. Скандинавская защита. 1. e4 d5 2. ed Kf6 3. d4 K:d5 4. c4 Kb6 5. Kf3 Cg4 6. c5 Kd5? 7. Фb3 b6 8. Ke5! и от угроз 9.

На боевом посту, № 2, 2000

№ 7. Влизнец: Kpg2, Ld5, Le3, ш. e2, f3 (5) — Kpe1, п. a7 (2), мат в 3 хода. 1. Ла3! a6 2. Ла6 Kp:e2 3. Le6X, 1...a5 2. Ла4! Kp:e2 3. Le4X, 1...Kp:e2 2. Ла4 Kpe3 3. Le4X!

№ 8. Kpc7, Cg6, Ch4, ш. e3, e4 (5) — Kpe5, Cf2, Ke7, п. c6 (4), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1. Kg8 Ce7! 2. Kf6 Cd6X!, 1. Ce3 Cf2! 2. Cf4 Cd4X!

№ 9. Kpe8, Lf1, Ch1, Ch2 (4) — Кра8, Lf3, Cf6, Cg2, ш. b4, f2, g4 (7), кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1. Ла3 Ла1 2. Ла7 C:g2X!, 1. Lf6 Ce5 2. Cb7 Ла1X!

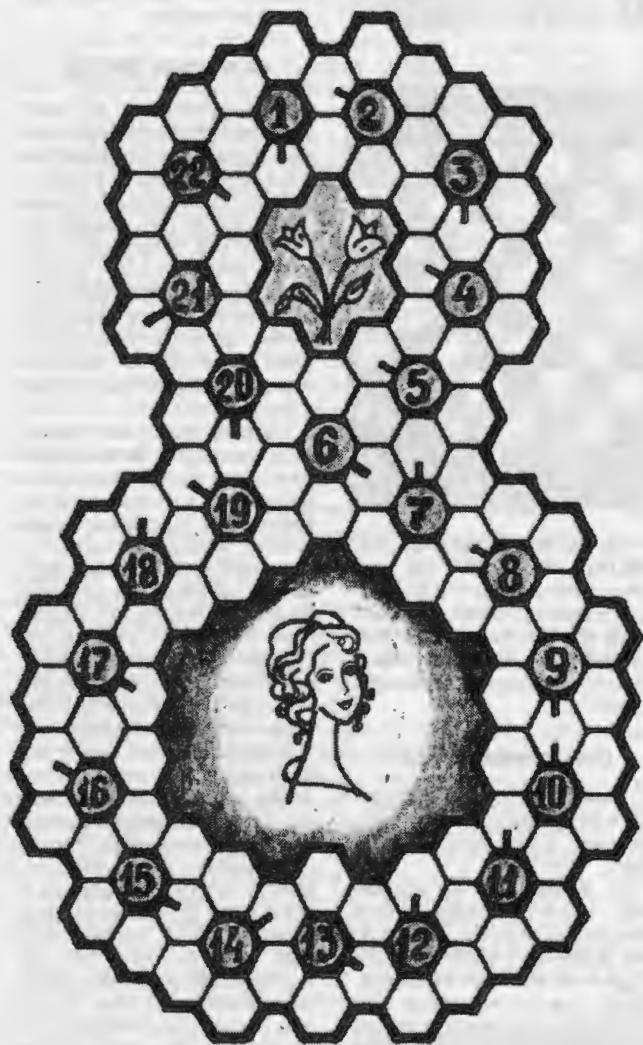
ПРОВЕРЬТЕ
СВОИ
РЕШЕНИЯ

КРОССВОРД

8 МАРТА

Начиная с указанной клетки, по ходу часовой стрелки необходимо вписать шестibuквенные слова вокруг ячеек с цифрами.

1. Автобиографическая книга известной русской певицы Г. Вишневецкой. 2. Героиня пьесы А. Островского "Таланты и поклонники". 3. Муза, покровительница шахмат. 4. Дочь Чуба в повести Н. Гоголя "Ночь перед Рождеством". 5. Русская писательница, автор повестей "Спутники", "Времена года", романа "Кружилиха" и др. 6. В римской мифологии — богиня утренней зари. 7. Героиня повести А. Пушкина "Станционный смотритель". 8. Графиня в опере В. Моцарта "Свадьба Фигаро". 9. Верхняя часть двойной женской юбки. 10. Индийская общественная деятельница, основательница католического Ордена милосердия, лауреат Нобелевской премии мира (1979 г.). 11. Немецкая писательница, автор социально-психологического романа "Мертвые остаются молодыми". 12. Героиня одноименной драмы К. Тренева о гражданской войне. 13. Жена Захара в романе И. Гончарова "Обломов". 14. Другое название оперетты И. Кальмана "Королева чардаша". 15. Русская актриса театра и кино, с успехом сыгравшая роль Нины в кинокомедии Л. Гайдая "Кавказская пленница". 16. Мать богов и всего живущего на земле, почитавшаяся во всей Римской империи с 204 г. до н. э. ("Великая мать"). 17. В англоязычных странах — вежливое обращение к замужней женщине, употребляемое перед именем или фамилией. 18. Роль актрисы Л. Лужиной в кинофильме В. Фокина "Сыщик". 19. Героиня стихотворного романа А. Пушкина "Евгений Онегин". 20. Медленный сольный или дуэтный танец в классическом балете. 21. Картина, поставленная Г. Данелия и И. Таланкиным по сценарию писательницы В. Пановой. 22. Женское украшение, прикалываемое на груди или на воротнике.

Составил Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 8. Булава 9. "Истоки". 10. Патриот 11. Скатка 12. Вилков 13. Летучка 16. Кварц 19. Откат 21. Интендант 22. "Враги" 23. Тесак 24. Донесение 25. Катер 28. Лоток 31. Полигон 34. "Дороги" 35. Авария 36. Кожедуб 37. Кошице 38. Алигер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чуйков 2. Мастер 3. Запал 4. Корфу 5. Битва 6. Стиллет 7. Яккола 14. Евтушенко 15. Кравченко 17. Арбалет 18. Цилиндр 19. Отстрел 20. Курсант 26. Амосов 27. Ерощин 29. Ошанин 30. Офицер 31. Пикет 32. Идеал 33. Набат.

Памятный нагрудный знак «За службу на Кавказе»

История награждения памятными нагрудными знаками уходит своими корнями в далекое прошлое. За отдельные кампании или сражения русское правительство учреждало особые нагрудные кресты. Таким был, например, крест «За оборону Порт-Артура» в русско-японскую войну 1904-1905 годов. Кавказская война XIX века тоже привнесла в наградную систему России знак особого отличия - крест «За службу на Кавказе».

Именно этот крест взят за основу памятного нагрудного знака «За службу на Кавказе», разработанного в декабре 1999 года отделом рекламы журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России. Он стал памятным знаком для тех, кто участвовал и участвует в контртеррористической операции на Северном Кавказе.

Знак состоит из 4 элементов: креста с мечами и надписью «За службу на Кавказе», накладного орла - геральдического знака МВД России, колодки и наклейки красного цвета с текстом «Внутренние войска МВД России». Знак изготавливается из мельхиора, накладной орел - из латуни или томпака. Знак при помощи ушка и кольца соединяется с колодкой, которая также изготавливается из мельхиора. На колодку помещена латунная наклейка. Знак вручается с удостоверением.

Первые знаки, изготовленные на мытищинском заводе «Военный знак», уже вручены военнослужащим, выполняющим служебно-боевые задачи в Северо-Кавказском регионе.

